

A stylized illustration featuring a woman in a red dress holding a handgun. The scene is set against a dark blue background. The woman's face is partially visible, and she has long dark hair. The overall style is reminiscent of a comic book or pulp magazine cover.

Саша Мирра

ЖИВЫЕ ПЕШКИ

Самая увлекательная игра — игра человеческими жизнями.

Секретное международное агентство противостоит криминальному синдикату. В рядах врага действуют оперативники под прикрытием — осторожно, точно, расчётливо. Каждый из них — фигура в большой шахматной партии. Каждый исполняет свою часть комбинации, не зная о других. И общую картину видят лишь незримые гроссмейстеры.

Эта игра пройдёт в кабинетах и борделях, в поместьях и притонах, на пыльных улицах и в раскалённых от солнца африканских прериях. На одной стороне доски — боссы преступного синдиката со всей своей мощью. На другой — порноактриса, проститутка, спортсменка, наёмник...

Грубое насилие против тонкого расчёта, численный перевес против умения. Пистолеты с глушителями, снайперские винтовки, приёмы рукопашного боя и искусство обольщения — в этой борьбе всё пойдёт в ход.

Фигуры расставлены. К концу партии некоторые сменят свой цвет.

Кто останется на доске? Кто доживёт до эндшпиля? Ведь нередко фигурами жертвуют...

1. Пикантные особенности журналистики

Сколько ни планируй, всё обязательно полетит к чертям.

Хозяин отеля сидит за ресепшеном, уныло пялясь в телевизор. Посетителей почти нет, он здесь один. Никто не спешит из номера в поисках развлечений, хоть уже и поздний вечер, а в городе полно клубов на любой вкус. Город недалеко от побережья, до моря полчаса по трассе, и сезон уже начался: жара даже ночью, вода тёплая как молоко. Но туристов почти нет. А в прошлом году их не было совсем. Всё потому, что одиннадцать месяцев назад западная область страны объявила о независимости.

Теперь сюда, в Ревалию, приезжают разве что сорвиголовы, любители экстрима, и мелкие независимые журналисты, пытающиеся раскрутиться на эксклюзиве из горячей точки. Да ещё те, кому спокойный отдых не по карману, и приходится проводить отпуск там, где вот-вот может начаться гражданская война. Богатых клиентов среди них, само собой, нет.

Так и бизнес может загнуться. Эта мысль посещает хозяина всё чаще. Пришлось даже уволить садовника и электрика, а самому пересесть из кабинета за стойку. Горничных тоже стало на две меньше, и отель сделался каким-то грязноватым: то пятна на полу, то грязь на дверных ручках, и общая неухоженность витает в воздухе.

Если так пойдёт и дальше, придётся на пятом десятке лет самому браться за швабру.

Хлопает входная дверь. Натянув на лицо дежурную улыбку, хозяин наблюдает, как к стойке приближается парочка: здоровенный чернокожий мужик и белая брюнетка, высокая и стройная. Он видит их впервые.

На девушке короткое вечернее платье. Крутые бёдра ходят под чёрной тканью, пышная грудь едва не вываливается из декольте. Мужик держит на её талии огромную ладонь.

Девчонка приезжая, это видно. Прикатила отдохнуть, и сейчас берёт от отдыха всё, что может. Наверное, африканские мужчины для неё — экзотика.

От них тянет лёгким перегаром, ароматным дымом, толпой. Явно только что из клуба, приехали сюда продолжить знакомство. Хозяин видел такое много раз и с первого взгляда узнаёт парочки, спешащие в постель.

— Один номер на сутки, — подойдя, мужик небрежно кидает на стойку несколько купюр. — Найди такой, чтобы соседей не было.

Он масляным взглядом проходится по красотке. Та многообещающе улыбается ему, и он скалится, поигрывая мускулами под майкой.

— Вот тебе ещё, чтоб нас не беспокоили.

Мужик бросает сверху ещё две мелких купюры. От резкого движения деньги разлетаются, часть оказывается на полу. Он и не думает извиняться, только презрительно хмыкает и прижимает девку к себе. На поясе у него сверкает рукоятка пистолета, побандитски засунутого в штаны.

Согнувшись и кряхтя, хозяин подгребает часть купюр, снимает с доски ключ и подрагивающей рукой протягивает мужику.

— Второй этаж, двадцать седьмой номер. Приятного отдыха.

Мужик выдёргивает ключ у него из пальцев и идёт к лестнице, увлекая красотку за собой. Она бодро цокает каблуками, одной рукой обнимая его за плечи, а в другой сжимая сумочку.

Хозяин вытирает вспотевшие ладони о штаны.

Их всё больше с каждым днём. Бандиты, мелкие и крупные. Торгуют наркотиками, контрабандой, оружием, держат клубы с проститутками. Душат любой бизнес.

Подбирая с пола оставшиеся бумажки, хозяин не перестаёт думать о том, что, возможно, уже пора распродавать всё и уезжать из Ревалии. Если бы ему год назад показали страну такой, какая она сейчас, он бы сказал, что это рассадник криминала. И что здесь нет власти, которая могла бы хоть как-то противостоять преступности.

Убрав деньги в кассу, хозяин возвращается в кресло у телевизора. Не проходит и пяти минут, как до него доносится ритмичный стук кровати и громкие женские стоны из двадцать седьмого номера.

Абрафо нависает над ней, прижимая её к скрипящему матрасу и вгоняя член ей между ног. Каждым толчком он выбивает из неё короткий стон. Её бёдра сжимают ему бока, скользя от пота.

Она горячая. Даёт увлечённо, с удовольствием, как её ни поставь. Круче всего было, когда она стояла на четвереньках, а его конец ходил между её белых ягодиц как поршень. Попка у неё что надо, крепкая и упругая — чистый кайф.

И стонет она не как шлюха, а по-настоящему, так, что понятно — она правда тащится.

Эта девка знает, как завести мужика. Ещё в клубе, едва подцепив её, Абрафо понял — трахаться она умеет. Личико модели, белоснежная кожа, сдержанные манеры — а взгляд как у похотливой кошки. Сама на него положила глаз, и уж он такой случай не упустил.

— Знала, кого выбрать, — тяжело дыша, говорит Абрафо. — Знала, что я такой мужик, который тебя отымеет как надо.

Она вдруг глядит ему в глаза и улыбается, да так, что ему становится не по себе. Он даже останавливается на секунду, но она пятками ударяет его по заду, подгоняя будто коня. Мотнув головой, Абрафо отгоняет ненужные мысли и снова принимается за неё. Кровать ходит ходуном, шлёпают, сталкиваясь, потные бёдра. От стен отражаются хриплые стоны.

Едва он решает передохнуть, как она заваливает его на спину — для такой хрупкой девчонки она сильная. Оседлав его, она бешено скачет на нём, не давая остыть, и безошибочно угадывает момент, когда он уже готов кончить; изящным движением спрыгнув с него, она встаёт на колени, оказавшись у него между ног, и, сдёрнув презерватив, губами ловит вздыбленный конец. Абрафо старается сдержаться, но она действует умело, не оставляя ему ни шанса. Её голова размеренно двигается у него в паху, и он, зажмурившись и выгнувшись, со стоном кончает ей в рот.

«Надо было поиметь её подольше», — думает он, глядя в потолок и приходя в себя. «Но как же она хороша! Ничего, сейчас передохну, и надо будет отодрать её ещё разок. А утром ещё».

Он наклоняет голову, чтобы посмотреть на неё, — ему всегда нравится глядеть на них сверху вниз, — и тут что-то холодное и твёрдое упирается ему в мошонку.

Девчонка сидит у него между ног. Одной рукой она утирает губы, а другой держит у его яиц пистолет.

Рядом лежит раскрытая сумочка. Абрафо ни за что не подумал бы, что там можно спрятать ствол.

— Ты чего?.. — спрашивает он, боясь пошевелиться.

Она смачно сплёвывает на пол и улыбается, глядя на него — холодно, с превосходством,

как победительница.

— Ты арестован.

Хозяин не верит глазам. Того наглого молодчика, что пришёл сюда с девчонкой, выводят в наручниках. Мужчины в чёрных футболках с надписью «Interpol» выкручивают ему руки, согнув его пополам. От уверенности на его физиономии не осталось и следа. Он озирается, обалдев и будто не понимая, как до этого дошло.

Девушка наблюдает за ними, подкрашивая губы и приводя себя в порядок. Хозяин поглядывает на неё с опаской и с робким уважением.

— Спасибо за гостеприимство, — бросает она, проплывая мимо стойки, и выходит вслед за людьми в чёрных футболках.

Лора Бенуа ни на шаг не отстаёт от интерполовцев, стараясь держаться у них на виду. Они крутятся вокруг, оформляя протоколы, шурша бумагами и деловито переговариваясь.

Их разговоры перекрывает крик арестованного Абрафо.

— Да ты знаешь, с кем связалась?! — он ревет как пойманный буйвол, сверля Бенуа взглядом. — Знаешь, кто мои кореша?! Они тебя пристрелят как суку!

— Говори-говори, — бросает интерполовец, заставляя его сесть в машину. — Тебе много всего придётся рассказать — и о твоих друзьях, и обо всём Синдикате. Так что давай, разминай язык.

Абрафо кричит ещё что-то из машины, но Бенуа его не слушает. То, что он говорит сейчас, не важно. Важнее, что он расскажет в полицейском управлении, куда его отвезут люди в чёрных футболках.

Допрашивать его будет Интерпол, это точно. Полиция Ревалии не рискнёт связываться с Синдикатом, одним из лейтенантов которого и является бравый молодчик Абрафо. То, что он член Синдиката, абсолютно точно. Бенуа выяснила это, как и то, в каком клубе он бывает. И где его проще всего подцепить.

— Мисс Бенуа, — один из интерполовцев подходит к ней и протягивает бумаги. — Прочтите протокол. Если всё верно, распишитесь внизу.

Бенуа пробегает текст на листе, поглядывая на мужчину. Спортивный блондин, лет под сорок, волевое лицо. Бенуа заметила его чуть раньше, когда он отдавал приказы остальным.

Может, именно он и будет вести расследование.

— Всё верно, — она ставит на листе размашистый росчерк и отдаёт ему. — Держите, майор...

— Капитан, — он убирает листок в папку и заглядывает ей в глаза. — Капитан Стенли Фергюсон.

— Лора Бенуа, журналистка, — она по-мужски протягивает ему руку, и он пожимает её, задержав ладонь чуть дольше, чем принято.

— Вы много всего нам передали на этого типа, — говорит он. — С вашими материалами мы можем хоть сейчас посадить его лет на пятнадцать. Как вам удалось всё это найти, да ещё и задержать его в одиночку?

Бенуа пожимает плечами, изобразив лёгкое недоумение.

— Я веду здесь независимое журналистское расследование. Делаю большой репортаж о преступности в Ревалии. Я собиралась расспросить этого парня о том о сём, мы встретились

в клубе, ну и как-то так получилось... — она неловко улыбается. — В общем, в номере он начал распускать руки, и я наставила на него пистолет. А он стал мне угрожать — мол, он очень опасный, и в Синдикате не последний человек, и я поняла, что это не пустые слова. И тогда я позвонила одному старому знакомому в вашем ведомстве. С ним у нас чисто деловые отношения, — добавляет она, и капитан Фергюсон усмехается:

— Похоже, вы найдёте выход из любой ситуации.

Он топчется на месте. Видно, что он не хочет уходить, и ищет предлог продолжить разговор.

— В моей работе всякое случалось, — говорит Бенуа. — Я расскажу, если подвезёте до отеля, Стенли.

Он сразу расцветает.

— Давайте на «ты». Зови меня Стен.

— Договорились.

Новый знакомый Бенуа отходит и быстро раздаёт указания, то и дело поглядывая на неё. Он старается казаться серьёзным и держаться как профи, но Бенуа ясно — это обычная мужская бравада.

Он клюнул.

Посылая Стенли Фергюсону многозначительные взгляды, она быстро достаёт телефон, открывает запрятанный в недрах операционной системы мессенджер со сложным невзламываемым паролем и набирает короткое сообщение.

«Интерпол взял человека Синдиката. Они его расколют. Сообщу результат».

Ответ приходит через несколько секунд. Три слова одобрения.

«Отличная работа, агент».

2. Рыба и приманка

Я стою у столика — можно сказать, в клубе это моё рабочее место. Лысеющий белый мужик, которого я встретила на входе, озирается, осваиваясь. Привыкает к громкой музыке, к яркому свету прожекторов, к сверкающим зеркалам. К тому, что тут полно других мужчин-клиентов. Похоже, в клубах он нечасто бывает.

Именно для этого и нужны хостес вроде меня. Чтобы бухгалтеры и клерки, годами протиравшие штаны в офисе и на склоне лет решившие хапнуть прелестей жизни, не терялись в таких местах. Им нужно показать, как тут правильно расстаться с деньгами.

Этот, похоже, откуда-то из Европы. Такого нельзя упускать.

Он врывается в ситуацию медленно, и я жду, хоть мне и скучно уже. Работа, надо сказать, непыльная. Не то, что в начале, на панели родного нищего квартала. Это было давно, целых пять лет назад, а вспоминать всё равно тошно. Сейчас-то мне уже двадцать три, и я при такой работе ухитрилась не спиться и не сесть на наркоту. И пробились в этот клуб, в «Каса Нову». Тут куда легче. И одеваться надо не в дешёвые тряпки, которые не жалко, а в нехреновое такое платье, усыпанное мелкими блёстками. Оно короткое, едва прикрывает задницу — но это уж издержки профессии.

Вот на Джен одежды куда меньше — танцуя на сцене, она прямо сейчас срывает с себя лифчик и продолжает лихо отплясывать на высоченных платформах. Через минуту она лишится и трусиков, хотя они и так почти ничего и не прикрывают. Кожа у неё бледно-коричневая, светлее моей — видно, больше в белого папу пошла. Прожекторы, естественно, направлены прямо на неё, и в свете выделяется россыпь чёрных звёздочек, вытатуированных у неё на бедре.

Дженни извивается вокруг шеста, сверкая своими прелестями перед мужиками в зале. Что поделать. В жизни кто как умеет, тот так и вертится.

Интересно, какие клубы в Америке? По-любому такие же, как в кино. Наверно, после них и «Каса Нова» будет мне казаться убогой дырой. Скоро, скоро уже доведётся мне увидеть своими глазами, как оно там, в этой спокойной прекрасной стране. Уже очень скоро.

Лысеющий турист успел всадить два коктейля и, видать, дозрел до того, за чем сюда пришёл. Вот он, оглядывается, думая, у кого бы спросить. Они всегда так делают.

Я подсаживаюсь к нему. Улыбаясь и глядя в глаза, спрашиваю, не нужна ли ему девушка. Он мнётся и потеет, но всё же признаётся — да, нужна. И я парой слов даю ему понять, что девушку он уже нашёл.

Вот та часть работы хостес, о которой большинство из них ни за что не станет рассказывать. Все будут в один голос отрицать, что занимаются чем-то подобным.

Я веду его в одну из маленьких комнаток за занавесками. Он всё тушует, хоть и понятно, что он только этого и ждал.

В комнатке большой кожаный диван — его легко отмывать после клиентов, достаточно салфеткой махнуть. Задёрнув тёмные шторы, я называю ему цену. У него брови взлетают к макушке, но, помедлив, он соглашается и суетливо достаёт бумажник.

Лох. Опытный сразу понял бы, что цена подозрительно низкая.

Я мягко так отвожу в сторону его руку:

— Потом, дорогой. Деньги подождут. Сначала удовольствие.

Он бросает бумажник на столик и, осмелев, притягивает меня к себе и впивается мне в губы.

Ещё раз лох. Знал бы он, что я за сегодня уже два минета сделала, побрезговал бы.

Резинка у него всё же есть, но я протягиваю ему свою — толстый плотный презерватив, который точно не порвётся. Не хватало ещё подцепить что-нибудь на работе.

Он неловко возится с ремнём, не выпуская из пальцев кондом, и я сама спускаю с него штаны.

— Снимай совсем, — говорю я. — Так удобнее.

Он переступает на месте, избавляясь от брюк и туфель, и я заваливаю его на диван, игриво толкнув в грудь. Его член торчит вертикально вверх — стоит уверенно, хоть и не впечатляет размерами.

Ещё бы. После года работы хостес любой уже кажется маленьким.

Пока он натягивает презерватив, я успеваю сбросить платье, достать из тумбочки под столиком смазку и как следует втереть её между ног. Сажусь на него сверху, одно отработанное движение — и он попадает куда надо.

Мужичок откидывается назад и закатывает глаза. Он тащится. Я притворяюсь, что тоже ловлю кайф. Рутина и рутина.

Привычно двигаю бёдрами, пытаюсь попасть в ритм музыки — просто чтоб было не так скучно. Диван под коленками знакомо пружинит, напрягаться почти не приходится. Это как на тренажере в спортзале — сначала непривычно, когда только начинаешь заниматься, а потом нарабатываешь сноровку, и всё получается само собой.

Я принимаюсь в голос стонать, изгибаюсь как кошка. Так надо. Чем сильнее клиент заведётся, тем быстрее кончит.

Ему удаётся продержаться минуты три, а потом он весь дёргается и сжимается — я чувствую резкие сокращения внутри, пока он палит спермой в презерватив. Дав ему отстреляться, я встаю, беру из тумбочки салфетки и вытираюсь, став к нему спиной так, чтобы закрыть от него столик. Чтоб он не видел, что ещё я делаю.

Уж чем хорошо платье — его можно быстро натянуть прямо через голову.

— Пока, дорогой, — я посылаю развалившемуся на диване мужику воздушный поцелуй и быстро выхожу в зал.

Ему понадобится секунд пять, чтобы понять, что бумажника уже нет на столике. И ещё секунд десять он будет натягивать штаны и обуваться. Так уже было много раз. Я ускоряю шаг, надеясь скрыться на втором этаже прежде, чем лох выйдет.

— Стой! — раздаётся крик за спиной. — Верни деньги!

Он оказался проворнее, чем я ожидала. Я кручу головой в поисках кого-нибудь из вышибал, но, как назло, ни одного не видно.

— А ну верни!

Мужичок бежит ко мне, на ходу застёгивая ширинку. Джен выворачивается из-за кулис — на ней одни трусики. Она бросается наперерез лоху и упирается голыми сиськами ему в грудь.

— Эй, дорогой, хочешь особое шоу? — задорно выкрикивает она ему в лицо.

Джен виснет на нём, не давая пройти. Он отталкивает её, пытаюсь меня догнать.

Вышибалы тут же будто вырастают из-под земли. Ещё бы — стриптизёрш лапать нельзя. Такое правило. Будь ты хоть трижды ограбленный клиент.

Мужичка скручивают и тащат к выходу. Вышвырнут его на улицу, вот и всё. Он сколько

угодно может орать, что у него спёрли бумажник, это ничего не даст. Даже если он прямо сейчас пойдёт в полицию.

Копы не станут сюда соваться — у них там все знают, что клуб принадлежит Синдикату. Так что очередного ограбленного туриста никто слушать не станет.

Что поделать. Кто как умеет, тот так и вертится. А мелкая сошка всегда становится добычей крупной рыбы.

С бумажником в руках я поднимаюсь по лестнице на второй этаж, к кабинету хозяина клуба. Вот там действительно крупная рыба.

Хозяин не один. У него этот здоровенный губастый тип, Надиви. Он частенько здесь бывает.

Хозяин кому-то звонит. Он манит меня пальцем, и я отдаю ему бумажник. Не отрываясь от телефона, он свободной рукой умело потрошит кожаные кармашки: карточки и документы отправляются в стол, деньги падают передо мной. Это моя доля.

Не знаю, зачем им каждый раз нужны карты и документы. Для каких-то махинаций Синдиката, не иначе. Может, счета его будут потрошить. Я в эти дела не суюсь. С меня достаточно денег.

— Что значит, Абрафо взяли? — громко спрашивает хозяин, прижимая мобильник к уху. — В каком ещё отеле?

Несколько секунд он что-то слушает, потом кладёт телефон на стол и озадаченно глядит на Надиви. Рожи у обоих мрачнеют на глазах.

— Иди работать, — бросает хозяин, заметив, что я ещё здесь. — Чего встала?

— Да ушла уже, — говорю я, выходя.

Мне их секреты не нужны. Но в моей жизни есть особенный человек, которых хочет знать обо всём, что происходит в Синдикате.

Для этого он меня и завербовал.

3. Пустота в пустоте

В гостевой темно. Свет телеэкрана отражается на стеклах панорамных окон, на прозрачной двери, выходящей на морской берег. В ночной темноте видна обрамлённая светильниками дорожка на песке и маленький деревянный пирс.

Валери не смотрит на экран. Она лежит на кушетке, раскинув руки и уставившись в потолок. Время от времени подносит к губам сигарету. Пепел осыпается ей на майку, но она его не стряхивает.

По телевизору идёт публицистическая передача.

— Как вы считаете, сколько ещё будет продолжаться конфликт с сепаратистами? — спрашивает ведущий. — Я понимаю, никто не может сказать точно, но всё же. Скажите как эксперт.

— Трудно делать какие-то прогнозы по ситуации с Угенской провинцией. Если бы вы спросили меня два года назад, я сказал бы, что эта попытка отделиться от Ревалии заранее обречена на провал, и в течение месяца, максимум двух, правительственные силы правопорядка подавят все сепаратистские движения в Угенской провинции. Но теперь уже выяснилось, что в самом начале волнений сепаратисты были прекрасно оснащены, вооружены и очень хорошо организованы. Оказалось, что мятеж, если так можно назвать эту ситуацию, готовился давно, и всё было заранее спланировано. Никто не мог ожидать, что сепаратисты окажут полиции такое ожесточённое сопротивление, что с ними не смогут справиться даже специальные полицейские подразделения. А когда в город Уген ввели войска, выяснилось, что у сепаратистов есть противотанковые снаряды, есть крупнокалиберное оружие, есть взрывчатка — и они умеют всем этим пользоваться. Ситуация превратилась из гражданских волнений в боевые действия.

— Мы все это помним. Некоторые районы Угена практически сровняли с землёй.

— И даже так армии не удалось установить контроль ни над Угенской провинцией, ни над городом. Военные ведь отступили. Официально это назвали необходимой мерой для сохранения жизней мирного населения, но, думаю, всем очевидно, что армия оказалась просто не готова к такому сопротивлению. И уже больше года идут вялотекущие бои за и город, и за провинцию в целом.

— Да, должен признаться, я сам тогда не поверил, что такое происходит на моих глазах.

— Никто этого не ожидал. До сих пор никто не понимает, откуда у сепаратистов такие ресурсы. Кто их снабжает. Кто их обучает. Кто помогает им продолжать сопротивляться. Уверен, мы многого не знаем об этом конфликте.

Валери переключает канал наугад и попадает на выпуск новостей.

Ведущие привычно уже сообщают, что в операции по задержанию наркоторговцев погибли двое полицейских, ещё трое в тяжёлом состоянии в больнице. Что темпы эмиграции увеличиваются.

Что ещё труп ещё одной девушки обнаружен на морском побережье. Валери прислушивается чуть внимательнее.

Эксперты не нашли признаков насильственной смерти. Похоже, погибшая утонула, но при этом на теле нет одежды, что позволяет усомниться в версии о неудачном купании. Кроме того, эксперты установили, что незадолго до смерти у погибшей был сексуальный контакт по меньшей мере с одним мужчиной.

— Полиция сообщила, что на сегодняшний день не усматривает однозначной связи с аналогичными случаями. Напомним, что при очень похожих обстоятельствах ранее были обнаружены пять погибших — все молодые женщины.

Дальше идут новости спорта, и Валери перестаёт слушать.

Телеэкран бросает блики на её голые гладкие ноги. Свет отражается в раскрытых глазах, на отрешённом лице. Самой себе она кажется большой игрушкой, у которой почти сели батарейки. Если бы не лениво ползущий изо рта дым, можно было бы подумать, что она умерла.

Телефон на кофейном столике звонит. Первые два сигнала Валери пропускает. Потом медленно поднимается и берёт телефон.

— У тебя завтра съёмки, — произносит мужской голос. — С одним мужчиной. Не хардкор. По содержанию классика, без анала.

— Во сколько? — спрашивает Валери. — Где?

— В девять вечера. Студия Большого Майса.

— Поняла.

Положив телефон, Валери оглядывается в поисках чего-нибудь, подходящего на роль пепельницы, и в конце концов бросает окурок в кофейную чашку. Потом выходит на берег, на пирсе раздевается догола и ныряет в ночное море.

Вода холодная и чистая. Нигде нет ничего — ни в тёмном небе, ни в море, нигде. Пустота внутри сочетается с пустотой вокруг.

Здесь пустота уместна. Здесь она уже не причиняет боль.

Медленно загребая воду руками, Валери плывёт.

4. Когда источник исчерпан

Лора Бенуа ускоряется, двигая бёдрами. Лежащий под ней капитан Интерпола Стенли Фергюсон запрокидывает голову, его руки у неё на талии напрягаются. Она скачет всё быстрее, подгоняя его к пику, и через несколько секунд гримаса блаженства сводит его потное лицо, и он разряжается в неё. Бенуа стонет в унисон с ним, мастерски изображая оргазм.

— О да, мой капитан, — сладко тянет она, упав ему на грудь.

— У тебя настоящий талант, — произносит он. — Не знаю, какова ты в журналистике, но в постели тебе нет равных.

— У меня много талантов, — говорит она.

Стенли мерно дышит, закрыв глаза. Убедившись, что он спит, Бенуа тихонько берёт его телефон и уходит в ванную, прихватив с собой сумочку.

В ванной она взламывает его телефон с помощью устройства, слишком сложного и дорогого для журналистки. Таким пользуются только лучшие спецслужбы в мире.

В телефоне она быстро находит способ взлезть в его рабочую почту и долго читает отчёты по делу Синдиката. А ещё там обнаруживаются стенограммы всех допросов Абрафо.

Скопировав всё в свой телефон, она возвращается к постели и бесшумно одевается. С сумочкой в руках осматривается, проверяя, не оставила ли чего-нибудь. Задерживает взгляд на спящем мужчине. Мягкая постель, сонная нега, тёплое мужское тело — всё так манит, что на секунду Бенуа хочется просто нырнуть под одеяло, обнять спящего и тоже уснуть. Было бы здорово, если бы она могла себе это позволить.

Поджав губы, Бенуа отворачивается и тихо выходит из номера.

На улице она садится в свою машину и отъезжает от отеля туда, где её уже не увидят из окон номера капитана Фергюсона. Взяв телефон, она быстро находит съёмную квартиру через местный сервис бронирования. Когда экранная форма требует ввести имя и фамилию, Бенуа достаёт из саквояжа несколько паспортов, выбирает один и, развернув его на приборной панели, вводит со страницы: «Лидия Маккарт».

Подумав, она пишет капитану Фергюсону:

«Прости, Стен, но у нас ничего не получится. Я не такая, какой ты меня видишь. Не ищи меня. Так будет лучше для нас обоих».

Потом выбирает его имя в списке контактов. Палец замирает над кнопкой «удалить», но лишь на секунду. Одно нажатие — и от номера любовника не остаётся и следа.

Сделав над собой привычное усилие, Бенуа избавляется от мыслей о нём.

Несколько минут она тратит на то, чтобы внимательно оглядеть окна окрестных домов, пустые поутру улочки, стоящие вдоль тротуара машины. Убедившись, что за ней никто не наблюдает, она звонит по номеру, который знают всего несколько человек в мире.

Сейчас пять утра, но тот, кому она звонит, рано встаёт и поздно ложится. И даже при таком графике остроте его ума можно только позавидовать.

Именно поэтому ему удаётся так долго оставаться на должности Куратора специальных операций Агентства.

— Он кое-что рассказал, — говорит Бенуа. — Сложилась общая картина.

— Сведём воедино всё, что знаем, — произносит Куратор. — Излагай, я скорректирую, если нужно.

Бенуа закрывает глаза, собирается с мыслями и начинает говорить.

— Синдикат — действительно крупнейшая в Ревалии криминальная структура. Условно его можно разделить на три части, каждая занимается определённым видом деятельности. Каждой руководит свой босс. Теперь мне известны имена всех троих.

Не прерывая разговора, Бенуа открывает в телефоне досье с фотографиями и краткой справкой на каждого из фигурантов. Оно явно собрано наскоро, но при этом довольно обширно — в Интерполе поработали профессионалы.

Бенуа переслала досье Куратору сразу после того, как выпотрошила телефон Фергюсона. Она не сомневается, что Куратор уже успел ознакомиться со всеми материалами. И что сейчас он смотрит на то же досье, что и она.

Первым на экране телефона появляется фото чернокожего мужчины с мясистыми губами. Бенуа собирает в уме всё, что знает о нём.

— Джебхуз Надиви курирует проституцию и клубы — через них Синдикат торгует контрабандным алкоголем и наркотиками. Также Надиви держит несколько порностудий. Родился в Ревалии. Спонсирует местную художественную школу.

Бенуа открывает новый документ. На экране возникает угольно-чёрное угловатое лицо с жидкой бородкой. Голова обрита наголо, от левого глаза к уху тянется тонкий шрам.

— Анехави Мабуши занимается работорговлей. Он нём известно меньше, чем обо всех остальных. Родился предположительно в Кении, но учился и жил в Европе, в Штатах, в Японии, в Индии — данные разнятся. Даже его возраст неизвестен — ему то ли сорок-сорок пять, то ли за пятьдесят. Очевидно, он скрывает свою биографию. Ему приписывают несколько гениальных сделок, изобретение новых способов контрабанды и ещё много удивительного и даже мистического. В Синдикате его считают кем-то вроде колдуна и гипнотизёра.

Новый документ, последний в этой папке. На фото белый мужчина с жёстким, но привлекательным лицом. Бледная кожа, аккуратно уложенные волосы, идеально подстриженные усы и борода.

— Габриэль Асаб. Европейец, предположительно итальянец — хотя я думаю, что и имя, и страна происхождения не настоящие. Приехал в Ревалию примерно десять лет назад. Занимается торговлей оружием, рэкетом, грабежами. Мускулы Синдиката. Известен своей патологической жестокостью. Его боятся даже те, кто с ним работает.

— Прекрасно, — произносит Куратор. — Продолжай.

— Это всё, что Интерпол сумел выжать из Абрафо Банези. Они будут раскручивать его и дальше, но я считаю, что всё самое важное он уже рассказал. Когда они начинают говорить, то самую ценную информацию выкладывают сразу.

— Каков твой следующий шаг?

— Я начну с Надиви. О нём известно больше всего, и у него много социальных контактов, к нему легче подобраться. Считаю, что нужно действовать через художественную школу. Я собираюсь внедриться туда.

— Я не согласен. Ты засветилась. Отправь в школу агента. Сама заляг на дно и не высывайся. Ты нужна мне, и пока тебе не стоит работать в поле. Ты будешь координировать работу агентов и оперативников на месте.

— Оперативников?

— Пора действовать. Мы знаем, кого нужно брать, и оперативники определённо понадобятся. Я отправил в Ревалию нескольких опытных людей. Они будут ждать нужного

момента. С ними Агентство сможет работать в Ревалии самостоятельно, не привлекая Интерпол.

— Полностью согласна. Интерпол нас только тормозит. Без бюрократии и юридических согласований мы станем намного быстрее. И не будем ограничены в методах.

— Ты всегда схватывала на лету, Лора. — по голосу Куратора слышно, что он улыбается. — Жди дальнейших указаний. Я позвоню. И, Лора, — он делает паузу, — ты отлично поработала.

Он вешает трубку. Полминуты Бенуа позволяет себя наслаждаться триумфом, а потом забивает в навигатор свой новый адрес, кладёт в сумочку новый паспорт и отправляется в путь по сонным улицам. На отель она не оглядывается.

Куратор вытягивается в кресле, задумчиво глядя перед собой. Кабинет вокруг безмолвен, тихое гудение компьютеров не мешает мыслям. Света ровно столько, сколько нужно. Широкий стол, старомодный, но эргономичный, несколько мониторов, большой телевизор на стене. В своё время Куратор потратил немало времени, организовывая в своей парижской квартире рабочее пространство, и сейчас оно идеально подходит для умственной деятельности.

По телевизору Ревалийский новостной канал. Куратор смотрит на экран, время от времени поглядывая на рабочий телефон.

Директор Агентства получил добытые Бенуа материалы уже полтора часа назад. Он всегда был нетороплив. Но даже с возрастом не стал медлительным.

Куратор ждёт. Директор непременно позвонит. Звонок раздаётся именно в тот момент, когда и предполагал Куратор.

— Очень хороший результат, — сухо произносит Директор, но Куратор по голосу понимает, что тот доволен. — Ваша протезе, эта Бенуа, отлично справилась. Проявила инициативу, обозначила ключевые цели. Благодаря её работе можно начинать активные действия.

— Я всегда стараюсь воспитывать инициативу в подчинённых.

— Возможно, именно она сменит вас.

— Ей ещё многому нужно научиться.

Куратор постарался, чтобы эта реплика прозвучала ровно и бесстрастно, но Директор заметил тщательно скрываемые эмоции даже по телефону.

— Вы уже очень давно на должности Куратора, Питер, — говорит Директор. — Понимаю, вам нравится ваше положение, но вы не молодеете. Как и я, впрочем. Я вижу вас на месте аналитика. Я очень доволен вами, но...

— Так зачем что-то менять? — вырывается у Куратора.

Повисает пауза. Куратор чувствует, как у него дёргается щека.

— Вам пора оставить эту работу, Питер. После операции в Ревалии я поставлю вопрос с вашим переводе на должность аналитика. Независимо от итогов операции. На сегодня это всё.

Директор вешает трубку. Куратор ещё долго сидит, уставившись в пространство.

«Независимо от итогов операции» — набирает он на пустой странице сам для себя и хмурится. Потом добавляет ещё несколько слов.

«Только если не окажется так, что именно я спас операцию от провала. Что я незаменим».

Он перечитывает текст, кивает сам себе и стирает написанное.

5. Дебют

Сколько же здесь солнца!

Эта мысль не покидает Наташу с того самого момента, как она вышла из самолёта. Солнце всегда и везде светит прямо на неё, даже когда такси везло её в отель. Невозможно представить, что здесь бывает ночь. Жарко, непривычно жарко, но жара не мучит — наоборот, она приятна.

Сейчас всё ещё утро. Лёгкий ветер с моря освежает, играет яркой зеленью ветвей. Гравий хрустит под Наташиными босоножками. Идти особенно приятно после девяти часов в самолёте. Многоэтажный отель, формой напоминающий подкову, прямо перед ней.

Сверкает вода в бассейне. Улыбчивые люди, все как на подбор белозубые, в одинаковых кремовых рубашках и свободных брюках — видимо, персонал гостиницы. Постояльцев не видно, ещё очень рано. Отдыхающие в такой час не выходят.

Жаль, что она приехала сюда не отдыхать.

На ресепшене кроме персонала ещё несколько человек — все белокожие, и в их лицах что-то особенное. Если бы Наташу попросили описать, чем именно они отличаются, она не нашла бы слов, только сказала бы, что каждый из них точно иностранец.

У необычайно мускулистой женщины с суровым взглядом громоздкий чемодан на колёсиках. Молодой человек с короткой армейской стрижкой небрежно держит на плече сумку. У одной девушки кожа цвета кофе с молоком, кудрявые волосы выкрашены в белый цвет, из-под свободной блузки выглядывает татуированное плечо.

— Ваш номер триста четвёртый, я вас провожу, — говорит работница отеля, протягивая ключи ещё одному иностранцу.

Он сухощавый, подтянутый. Лицо скуластое, туго обтянутое кожей, на шее выделяются жилы. Он единственный здесь не улыбается.

Они не смотрят друг на друга. Они профессионалы. Наверняка они в Агентстве куда дольше Наташи, и знают, как себя вести на задании. Наташа тоже отводит взгляд.

— Идёмте, я покажу вам ваш номер, — говорит ей девушка с тёплой улыбкой.

Следуя за ней, Наташа оглядывается на хмурого сухощавого мужчину. Он старший оперативник, Джеймс Хаггарт. Получать приказы она будет от него.

Оставшись одна в номере, Наташа распаковывает чемодан. Много времени это не занимает — она взяла с собой лишь самое необходимое.

Теперь остаётся только ждать.

Наташа проверяет сообщения, но новых нет. Работа начнётся, когда телефон зазвонит, и хмурый Хаггарт из триста четвёртого номера скажет, куда и когда приехать. Там она получит оружие и экипировку. И дальше будет то, что она уже делала не один раз — захват и контроль, устранение противника. За свои двадцать пять лет Наташа Николаева успела поучаствовать в четырёх боевых операциях ещё в спецназе, и ещё в одной — уже в статусе оперативника Агентства. Ей понятно, как выполнять боевые задачи. Но сейчас, под прикрытием, она чувствует себя не в своей тарелке.

Наверное, нужно представить, будто она и вправду туристка в отпуске. И вести себя соответственно.

Наташа прохаживается по номеру, осматриваясь. Проводит руками по мягкому кремовому покрывалу на кровати, по гладким углам шкафчика. Идёт в ванную, трогает

сверкающие вентили смесителей, несколько раз открывает и закрывает воду — плотная струя вырывается из кранов с приятным шипением.

Номер небольшой, но он кажется Наташе едва ли не роскошным. Здесь куда лучше, чем в съёмных комнатках в Крыму, куда Наташу в детстве возили родители. Там они готовили себе еду сами, из экономии. Всё там было неустроенное, чужое, будто не предусмотренное для человека. И всё словно было подёрнуто тонким слоем грязи, невидимым, но осязаемым, так что ни к чему не хотелось прикасаться.

Здесь хорошо. Наташа смотрит в окно — там большой, современный мир, полный радости, света, жизни. И гостиница — часть этого большого мира.

Она снова проверяет телефон и тихо радуется, не обнаружив ни звонков, ни сообщений. Может, ей дадут время попробовать такую жизнь на вкус.

Интересно, чем тут можно заняться?

Глянув в окно, Наташа достаёт из чемодана бинокль — не армейский, обычный, какой можно купить в любом спортивном магазине — и выходит на балкон.

С высоты открывается прекрасный вид на территорию отеля. Наташа оглядывает бассейн, бар под навесом, ряды пустых ещё высоких стульев, уютные столики под зонтиками, стулья с плетёными спинками. Вода под утренним солнцем переливается всеми оттенками синего. Блестят стёкла в гостиничном корпусе напротив. Сейчас там все просыпаются, или распаковывают вещи...

...Или делают что-то более интересное.

Наташа приглядывается к одному из балконов, и у неё на миг перехватывает дыхание. Там парочка занимается сексом.

Наташа отводит взгляд, но потом, чуть отступив, снова прикидывает к биноклю.

В конце концов, почему бы и нет?

Чернокожий мужчина стоит позади девушки и ритмично двигается. Она упирается ладонями в край балкона, опустив рыжеволосую голову. Мужчина крепко держит её за бёдра, она вздрагивает всем телом от его толчков. Не останавливаясь, он откидывается назад, растянув губы в довольной улыбке. Его лицо попадает в полоску света, и его можно хорошо разглядеть.

Он заметно старше своей партнёрши, ему лет под пятьдесят. Лицо морщинистое, с жидкой козлиной бородкой и без усов. Голова тоже обрита наголо. Он левого глаза к уху тянется примечательный шрам.

Ахнув, Наташа пятится вглубь номера. Бросив бинокль на диван, она хватается за телефон и открывает особую скрытую папку, защищённую паролем, и находит там нужную фотографию.

Это он. Человек на балконе напротив — Анехави Мабуши. Себя он предпочитает называть доктором.

Доктор Мабуши. Один из тех, кто обозначен как цель операции Агентства в Ревалии. Прямо здесь, в гостиничном корпусе напротив.

Наташа снова поднимает бинокль и смотрит на парочку.

Теперь девица стоит на коленях у ног мужчины, а её голова размеренно двигается у его паха. Мужчина, заведя руки за голову, с блаженной улыбкой водит взглядом вокруг. Он смотрит вниз, а потом вдруг поднимает глаза и смотрит прямо на Наташу.

Она не может отвести взгляд. Умом она понимает, что он её не видит, что расстояние слишком велико, но Наташе кажется, будто он заглядывает ей прямо в глаза.

Оцепенение длится всего пару секунд. Наташа задёргивает шторы, садится на кровать, берёт телефон и звонит Хаггарту, старшему оперативнику, в триста четвёртый номер.

— Я только что видела Мабуши. Он здесь, в отеле, в крыле напротив. Я заметила его в окне.

— Ты уверена? — голос у него такой же сухой, как и лицо.

— Уверена.

— Оставайся в номере. Я перезвоню.

Он вешает трубку. Через долгие четыре минуты телефон действительно звонит.

— С тобой свяжется руководитель из Агентства, — говорит старший оперативник.

— Как его зовут? — спрашивает Наташа.

— Куратор, — отвечает он и отключается.

Наташа собирается положить телефон на кровать, но он звонит прямо у неё в руке. Номер не определяется. Вместо цифр на дисплее пустое место. Наташа никогда раньше не видела, чтобы её телефон так отображал звонок от неизвестного абонента.

— Алло, — говорит она, готовясь услышать что угодно.

— Добрый день, Наташа, — произносит приятный мужской баритон. — Мне сообщили, что вы встретили доктора Мабуши. Это так?

— Я видела его из окна, — говорит Наташа и добавляет: — Мне кажется, он меня тоже заметил.

Безымянный собеседник несколько секунд молчит, что-то обдумывая.

— Вот как мы с вами поступим, — говорит он. — Ведите себя как обычно. Не пытайтесь следить за ним. Если вдруг случайно встретите его, не подавайте вида, что узнали. Если он сам попытается пойти на контакт — соглашайтесь. Будьте дружелюбны, улыбайтесь, проявите к нему сдержанный интерес. И сразу же сообщите мне. Мой номер сейчас появится у вас в списке контактов.

Наташа набирается смелости и произносит:

— При всём уважении, моя работа состоит в другом. Я в составе штурмовой оперативной группы... я не подготовлена для того, о чём вы просите.

— Перевожу вас на специальное задание, — говорит он. — Как куратор операции я имею на это право. И Наташа, запомните: с этой минуты вы отчитываетесь лично мне. Не вашему старшему оперативнику — мне. Вы поняли? Подтвердите.

Наташа, не успев даже подумать, обнаруживает, что стоит навтыжку, будто в строю перед командиром.

— Вас поняла, — отчеканивает она.

— Отлично. Выполняйте. Жду вашего звонка.

Сигнал завершения вызова ещё некоторое время звенит у Наташи в ушах. Она стоит, разглядывая погасший дисплей.

Определённо, работа в Агентстве совсем не похожа на службу в спецназе.

Наташа ходит по номеру взад-вперёд. Через открытое окно доносится весёлый визг детей и плеск воды. Видимо, отдыхающие проснулись и радуются жизни на всю катушку.

Вести себя естественно. Как ни в чём не бывало. Такова задача.

Встряхнувшись, Наташа меняет нижнее бельё на купальник и спускается к бассейну.

Утро проходит спокойно. Наташа плавает, недолго загорает, обедает тут же, в гостинице. Под солнцем тревога понемногу испаряется, от неё остаётся только мутный осадок. В мыслях всё время стоит лицо чернокожего мужчины с бородкой. И его

пронзительные глаза.

После обеда она возвращается к себе в номер, принимает душ — здесь всё же непривычно жарко, постоянно хочется освежиться. Думает выйти из номера в полотенце, но потом, повинуясь внезапному порыву, оставляет полотенце на блестящем держателе и выходит в комнату нагишом.

В самом деле, ей всего двадцать пять, она хороша собой, отлично сложена, спортивна. Стоит ли стесняться своего тела?

Едва она берёт в руки трусики, как в её дверь кто-то стучит.

Наташа, торопясь, надевает майку на влажное тело и натягивает шорты.

— Секундочку! — кричит она, застёгивая непослушную пуговицу.

Шлёпая пятками, она бежит к двери, и, открыв, видит на пороге рыжеволосую девушку.

— Здравствуйте, — говорит незнакомка, приветливо улыбаясь. — Я не очень помешала?

Наташа сразу узнаёт её. Это та самая девица, партнёрша доктора Мабуши. Наташе становится неловко от того, что совсем недавно она видела эту девушку голой и в очень интимной ситуации.

— Ничего страшного, — отвечает Наташа.

— Можно с вами поговорить? — спрашивает девушка.

Наташа, помявшись, отступает в номер и делает приглашающий жест.

— Пожалуйста, входите.

На миг ей кажется, что незнакомка видела её с биноклем и сейчас упрекнёт за вмешательство в личную жизнь. Может, даже устроит скандал. Наташа про себя решает не спорить и извиниться — хоть и можно возразить, что не стоит заниматься сексом на балконе, если не хочешь, чтобы тебя увидели.

— У меня к вам предложение, — девушка смотрит Наташе в глаза. — Точнее, я и доктор Мабуши предлагаем вам провести эту ночь с нами.

На лице девицы ни тени смущения. Наташа так ошарашена, что не сразу понимает, что уже несколько секунд глуповато открывает и закрывает рот как рыба.

— Простите, наверное, не стоило так сразу... — девушка смеётся. — Извините меня за бестактность.

Наташа думает, что незнакомка сейчас уйдёт, но та осматривается.

— Меня зовут Кэти, — говорит она. — Разрешите мне сесть?

— Натали, — говорит Наташа. — Конечно, садитесь.

Девушка усаживается в кресло, закинув ногу на ногу. Наташе ничего не остаётся, кроме как сесть на кровать.

— Доктор заметил, что вы наблюдали за нами. Нет-нет, тут не за что извиняться. По-моему, это вполне нормально.

Она игриво улыбается.

— Вам понравилось то, что вы увидели?

— Вы очень красивая пара, — говорит Наташа, не зная, что сказать.

Несмотря на раскованность незнакомки, Наташа всё ещё чувствует себя так, будто её поймали на воровстве.

— У нас не совсем такие отношения, какие обычно бывают у пар. Я не то чтобы девушка доктора. Скорее, я его спутница.

Наташа мнётся.

— Расскажите мне о нём, — говорит она. — Он врач?

— Нет, что вы, — Кэти звонко смеётся, будто Наташа удачно пошутила. — Он доктор... в широком смысле. Как доктор философии, наверно. Или, ну... доктор наук. Он многое знает. Когда он говорит, забываешь обо всём. И он отлично понимает людей. Понимает, что ты чувствуешь, чего ты хочешь. Как сделать тебе приятно.

— Мне кажется, я в ваших отношениях буду лишней.

— Совсем нет. В эту игру можно играть и втроём.

Кэти смотрит на Наташу в упор, и та теряет ся. Ещё никто и никогда так откровенно не предлагал ей секс.

Наташа уже собирается отказаться, но в памяти возникаю указания Куратора — ничего не предпринимать.

— Я... Я не знаю, что сказать. Это очень... необычно.

— Вы не пожалеете, — говорит Кэти. — Доктор — лучший из всех, кто у меня был. Он... он невероятный. Ничего подобного вы никогда не испытывали. С ним... это лучше, чем спорт, чем казино, чем ночной клуб, чем путешествие. Лучше, чем кокаин. Лучше, чем просто секс.

— Я пока не знаю, — говорит Наташа.

— Вы не против, если я зайду вечером? Часов в семь?

— Да, я буду здесь.

Наташа встаёт, и Кэти тоже поднимается и идёт к двери.

— До вечера, — говорит она на пороге, слегка коснувшись Наташиной руки.

Наташа украдкой глядит ей вслед, пока она не скрывается за углом. Потом она сразу звонит Куратору.

— Мабуши и его... спутница предложили мне... заняться с ними сексом, — запинаясь, произносит она.

Она чувствует себя школьницей, рассказывающей у доски о репродуктивной функции. Так не должно быть. У неё уже были мужчины. Ей двадцать пять, чёрт возьми.

— Ты согласишься.

У Наташи перехватывает дыхание. До этого мгновения она и не думала, что Куратор может ответить и так. Но чтобы ей так запросто велели отправиться в постель к незнакомцам — такого она всё же не ожидала.

— Я... я не могу. Я не проститутка.

— Ты работаешь в Агентстве. Это означает...

— Послушайте, вам для этой задачи нужна специальная сотрудница — агент или вроде того, а я оперативница, и я никогда не...

— Не перебивай меня, — голос Куратора становится жёстким. — Ты работаешь в Агентстве. Наши сотрудники идут на всё, чтобы добиться цели. Тебе выпал уникальный случай. Доктора Мабуши ещё не удавалось подцепить, к нему невозможно подобраться. Если он предложил тебе сам — нам крупно повезло. Нельзя упускать шанс его взять. Сейчас у нас есть только вариант силового захвата Мабуши — а это боевая операция, а значит, риск для оперативников. Сколько человек ты поставишь под угрозу из-за своих принципов?

— Я не агент, — повторяет Наташа.

— Значит, считай, что на время этой операции я перевожу тебя в статус специального агента внедрения.

— Вы не можете... Я не согласна!

— Наташа, я могу. В чрезвычайной ситуации я могу так поступить и без твоего

согласия. В интересах международной безопасности.

— Послушайте, я понимаю, что... — начинает она.

Он произносит резко и отрывисто:

— Наташа, это приказ. Ты давала присягу. Ты сделаешь, как я сказал.

У Наташи отнимается язык. На секунду она услышала в трубке голос отца — он всегда говорил именно так, по-военному, когда Наташа упрячилась.

Дисциплина. Если старший говорит, нужно подчиниться.

— Есть, — губы и язык двигаются сами, помимо её воли.

— Отлично. Ломаться нет времени. Ты согласишься на предложение Мабуши, сделаешь всё, чтобы остаться при нём, чтобы он не захотел с тобой расставаться. И будешь сообщать мне о его действиях.

Наташа молчит. Куратор отключается, а она ещё несколько минут стоит с телефоном в руке.

Наташа говорит себе, что поступить иначе невозможно. Что солдат выполняет приказ командира, что дети подчиняются родителям. Но она никак не может отделаться от чувства, что её прямо сейчас используют.

Куратор кладёт телефон на стол и откидывается в кресле. Ещё раз смотрит на выведенное на экран досье Натальи Николаевой. Привлекательная блондинка с простым и честным лицом глядит на него с фотографии. Ниже идёт её биография, которую Куратор запомнил в подробностях, едва пробежав взглядом.

Отец — прапорщик российской армии, мать — военный психолог там же. Естественно, дочку они воспитали в армейских традициях — неизбежное следствие профессиональной деформации обоих. И профессию они ей выбрали военную, а дочь так старалась угодить им, что даже записалась в спецназ, и очень неплохо себя там показала.

Дисциплина, беспрекословное подчинение приказам. Куратор предположил, что это всё воспитано в девочке с пелёнок, и не ошибся. Мысленно поблагодарив прямолинейность и жёсткость военной системы, он идёт на кухню и с удовольствием выпивает чашку кофе.

6. Рабочий день секс-куклы

В студии у Большого Майса всё как всегда. Огромная кровать посреди комнаты. С одной стороны полукругом выставлены штативы осветительных приборов, треноги для камер, разложены свёрнутые кольцами провода. Здесь годами ничего не менялось — разве что постельное бельё.

Валери помнит всё это в мельчайших деталях. При желании она могла бы нарисовать эту студию по памяти.

Съёмочная команда суетится, готовя камеры и освещение. Световик новый. Он иногда поглядывает на Валери, на её скрещенные ноги, на обнажённые бёдра, на голую грудь. Её уже давно не волнуют такие поглядывания.

По статистике актрисы взрослого кино выгорают за два года интенсивной работы. Валери продержалась куда дольше. И в свои двадцать восемь лет она не теряет популярности.

На большом столе разложены микрофоны и линзы для камер. На маленьком — батареи флаконов и тюбиков с лубрикантами, гелями, гигиеническими жидкостями, коробки презервативов. У Валери возникают ассоциации с медицинскими инструментами, подготовленными к операции.

Она сидит в низком матерчатом кресле. Одежду она оставила на диване для персонала — его не используют в съёмках, и за его чистоту можно не беспокоиться. Оператор и световик всё возьмётся, и от долгого сидения на у неё на ягодицах могут остаться красные следы от кресла, и надо будет сначала подождать, пока они сойдут — а может, визажистке придётся поработать кисточкой и пудрой. Это единственное, что беспокоит Валери.

Актёр в кресле напротив тоже голый. Он смотрит на неё не отрываясь, лыбится и поигрывает мускулами. Мачо.

— Валери Стилл, надо же, — говорит он, сверкнув отбеленными зубами. — Я Джонни Хардман.

Здоровенные руки с выпирающими бицепсами. Накачанный пресс, грудные мышцы как две плиты. Загорелый, гладко выбритый. Внушительный болт покоится на бедре.

Валери равнодушно пожимает плечами.

Не понимая намёков, он всё водит по ней масляным взглядом.

— Всегда мечтал тебя... всегда хотел с тобой поработать. Я профессионал, — невпопад добавляет он.

В его взгляде, в самодовольной улыбке уверенность. Валери смотрит на него так, будто его тут нет. Он перестаёт лыбиться и смущённо отводит взгляд.

— Отлично, мы готовы! — выкрикивает режиссёр, вставая с дивана. — Как наша звезда, в норме?

Валери молча кивает. Режиссёр смотрит на неё с подозрением.

— Что-то не так? — спрашивает он.

— Всё хорошо, — говорит Валери.

Оператор наводит камеру на большую белоснежную кровать, на покрывало, брошенное на матрас с художественной небрежностью. Валери встаёт, вертит головой, делает несколько движений, будто выполняя утреннюю зарядку. Слегка мнёт пальцами щёки, и на губах появляется улыбка. Поворачивается к актёру, закрывает глаза, сосредотачивается, а

когда смотрит на него снова, её взгляд уже игривый, обещающий, заинтересованный.

Актёр идёт ей навстречу, неуверенно улыбаясь.

Она впивается в него страстным поцелуем, и он даже не сразу отвечает. Она опускает руку вниз, ловит толстый конец и сжимает его, водя ладонью взад-вперёд. Опомнившись, он стискивает её ручищами, мнёт ей грудь, лапает ягодицы.

Его движения становятся всё увереннее. Он постепенно нащупывает привычную почву. Его очевидно сбило с толку то, что она моментально переключилась с равнодушия на страсть. Не давая ему остыть, Валери опускается на колени и обхватывает губами его член.

Она ни о чём не думает. Ни о том, как и что делать. Ни о том, что сейчас несколько человек наблюдают за тем, как она делает минет мужчине, которого впервые видит. Ни о том, сколько людей посмотрит на это в будущем.

Эти мысли были раньше, и смущение, и неуверенность тоже. Теперь она просто работает. И работать она умеет.

Джонни Хардман тяжело дышит, потом начинает хрипло стонать. Он кладёт ей ладони на затылок и двигает бёдрами, вталкивая налитый кровью конец ей в рот до самого горла. Наверняка он сейчас думает о том, чтобы выглядеть в кадре как можно профессиональней.

Валери размеренно двигает головой, подстраиваясь под его ритм, и он вдруг громко стонет, и ей в рот тут же выстреливает горячая струя, а потом ещё и ещё.

Идиот. Обкончался, и пяти минут не прошло. И как теперь остальное снимать?

Валери старается ничем не выдать свою досаду, продолжая подыгрывать ему. Она облизывает его член, с обожанием глядит ему в глаза, размазывая вязкую сперму по подбородку.

— Стоп! — кричит наконец режиссёр.

Валери встаёт. Кто-то подаёт салфетки, и она утирает лицо, стараясь нанести как можно меньше ущерба макияжу. Новоявленный профессионал, весь пунцовый, смотрит в пол.

С кем приходится работать... Наверняка его взяли только за накачанные мышцы и большой инструмент. Такому скорострелу будущее в порно не светит.

— Ничего страшного, — режиссёр поднимает ладони вверх, будто призывая всех к миру. — Этот камшот включим в сборник. Будет эксклюзив. Джонни, передохни, приведи себя в форму. Минут пять тебе хватит?

— Я... не знаю, — отвечает он. — Наверно. Я постараюсь...

— Пойдём со мной, — Валери берёт его за руку и ведёт за собой.

Она ложится на кровать, а он садится на самый край. Валери говорит с ним легко и непринуждённо, по-простому. Расспрашивает, откуда он приехал, и узнаёт кое-что о жизни в Австрии. Рассказывая о себе, он оттаивает, начинает жестикулировать и улыбаться. Они разговаривают о том-о сём минут десять.

Он болтает и болтает. Он совсем не замечает, что она всего лишь играет роль его подружки. И дело не только в том, что он недалёкий — просто она действительно хорошая актриса.

Поэтому её видео так популярны. Не только из-за личика с гордыми скулами, не только из-за томного взгляда с поволокой, не из-за идеального тела, не из-за мраморной кожи. Глядя на неё, легко поверить, что она действительно чувствует всё, что изображает.

На съёмочной площадке появляется ещё один мужчина — высокий, чернокожий, с широкими плечами и сладострастными пухлыми губами. Он не участвует в съёмках, но его

нельзя назвать посторонним. На самом деле никакой не Большой Майс, а именно он владеет и этой студией, и этой кинокомпанией, и десятком других таких же. Это Джебхуз Надиви. Самая крупная фигура в порноиндустрии Ревалии.

Он о чём-то говорит с режиссёром. Заметив взгляд Валери, он улыбается ей как хорошей знакомой. Она кивает ему в ответ и отворачивается к партнёру.

Надиви действительно знает её не только как актрису. У них куда более близкие отношения. И романтика здесь не при чём.

Не переставая болтать, Валери поглаживает австрийского профессионала по бедру, опускает руку к паху, и его инструмент постепенно приходит в рабочее положение. Заигрывая с ним, Валери целует его грудь, живот, опускается ниже. Через минуту ласк она поворачивается к режиссёру и показывает ему большой палец.

— Так, перерыв закончен, продолжаем! — кричит режиссёр, и оператор спешит к камере, допивая что-то из стаканчика. Остальные тоже подтягиваются, и сцена продолжается с того места, где прервалась.

Теперь Джонни Хардман ведёт себя вполне уверенно. Взяв Валери за плечи, он поднимает её с колен и ставит её на кровати на четвереньки, пристраивается сзади, крепко берёт за бёдра и одним движением врывается в неё. Он сразу берёт быстрый темп, будто пытаясь реабилитироваться за недавний позор. С отяжкой ударяя прессом ей по ягодицам, он стонет, рычит, мнёт ей зад и всячески переигрывает. Валери подстраивается и начинает бешено двигать бёдрами навстречу его толчкам.

Надиви встаёт позади оператора, достаёт телефон и делает несколько снимков. Он всегда так поступает, когда приходит к ней на съёмки. Валери уверена, что она у него далеко не одна такая, но у неё он бывает часто.

И нередко он вызывает её к себе. Может, сегодня тоже позвонит. И тогда придётся поработать сверхурочно.

Она на секунду ловит его взгляд и продолжает играть.

Её партнёр останавливается, вынимает из неё член и заваливается на спину. Он весь в поту, тяжело дышит — видимо, не рассчитал свои силы. Режиссёр жестами показывает Валери, что нужно продолжать, и она садится на партнёра сверху, одним движением направляет в себя торчащий конец и принимается скакать на нём.

Она превосходно изображает страсть. Улыбается ему, глядя в глаза. Она грациозна, естественна, ни тени фальши. Настоящая звезда кино.

Он принимает её игру за чистую монету. Заведясь не на шутку, он ловко опрокидывает её на спину, ухитрившись не выскочить из неё, и начинает вколачивать в неё член. Кровать сотрясается, матрас пружинит, подкидывая её бёдра ему навстречу. Не переставая играть и стонать, Валери вспоминает, как видела по телевизору работу строительного копра — здоровенная машина забивала в землю толстые бетонные сваи. Сейчас с ней делают что-то очень похожее.

Профессионал над ней потеет, уперев руки в матрас, и через некоторое время с жутко ненатуральным рёвом вытягивает из неё член и кончает ей на живот. Валери ожидает, что будет всего несколько капелек, но австриец удивляет, выдав пару хороших струй, заляпавших ей живот и грудь — может, в порно он всё же чего-то добьётся. С обожанием глядя на него, Валери кончиками пальцев размазывает по коже липкую дрянь.

— Снято! — выкрикивает режиссёр.

Глаза Валери сразу становятся холодными, улыбка сходит с лица. Ей протягивают

салфетки, и она тщательно вытирает пальцы, а потом начинает стирать сперму с груди.

Назвавшийся Джонни Хардманом австриец глядит на неё с обалдевшим видом. Налитый кровью пенис быстро опадает.

— Я слышал, в художке новые натурщицы, — доносится до Валери голос Надиви.

— Так и есть, — отвечает ему режиссёр. — Я видел фотки. Некоторые вполне ничего. Я бы взял их в работу.

— Завтра заеду к ним на урок, — говорит Надиви, и они оба мерзко гогочут.

Валери знает нескольких девочек, которые пришли в порно через художественную школу. Надиви знакомится там с натурщицами, с молодыми художницами и предлагает им сниматься. И ещё она знает, что у него страсть к новеньким. «Пользованные» его почти не интересуют. Кроме некоторых, включая Валери.

Обтеревшись салфетками, она надевает бельё. Принимать здесь душ не хочется, тем более что там уже плещется австрийский профессионал. Лучше дотерпеть до дома, чем оставаться здесь.

Тем более, что Надиви уже ушёл.

— Всё в порядке? — на всякий случай спрашивает она крутящегося рядом режиссёра.

— Да, всё отлично, — говорит он. — Вот если бы все так умели с первого дубля, а то иногда бывает по...

— Можно мне забрать деньги? — обрывает его Валери.

Режиссёр захлопывает рот, замешкавшись, спешит к сумке и возвращается с солидной пачкой купюр.

Отдавая деньги, он низко наклоняется к Валери.

— Слушай, а хочешь сняться у меня в фильме? — он говорит так тихо, что его едва слышно. — Плачу я больше, чем твой продюсер, и всё пойдёт только тебе.

— Я работаю через продюсера, — она встаёт и начинает одеваться. — Поговори с ним.

— А ты сама разве не решаешь, что тебе делать?

Валери натягивает майку так резко, что шов в подмышке с треском рвётся.

— Всё через него.

Ей уже стоит огромных усилий оставаться бесстрастной. Спокойствие перерастает в боль.

Как хорошо, что можно наконец выйти из этой клятой студии.

На улице уже почти темно, лишь алеет небо на западе, но Валери всё равно надевает солнечные очки — огромные, зеркальные, закрывающие едва ли не половину лица. Снимает их она лишь в машине.

Доехав до дома, она запирает дверь и некоторое время смотрит в окно на пустую улицу, образованную редкими частными домами в один-два этажа. Никаких подозрительных прохожих. Никаких незнакомых машин.

Уйдя в гостевую, она находит в телефонном списке контактов человека без имени, чей номер никогда не определяется. Через защищённый мессенджер она пишет ему короткое сообщение.

«Завтра Надиви приедет в художественную школу. Будет на уроке. Будет смотреть новых натурщиц».

Можно не беспокоиться, что адресат может находиться в другом часовом поясе, что он может быть занят. Валери никогда не видела его, только говорила с ним по телефону несколько раз. Дольше всего они разговаривали тогда, когда он её вербовал.

И сейчас ответное сообщение приходит сразу же.

«Прекрасная работа. Я передам информацию агенту на месте».

Валери бросает телефон на кушетку, рывком открывает прозрачную сдвижную дверь, выходящую на пляж, сбрасывает одежду прямо на пороге и идёт к маленькому деревянному пирсу. Ветер остужает полыхающую кожу. На груди, на животе, между ног всё ещё чувствуется грязь. Разбежавшись, Валери бросается в море.

Через минуту её начинает отпускать. Перевернувшись лицом вверх, Валери неспешно загребает руками, и грязь растворяется в холодной воде. Её место занимает пустота.

Пустота ширится, вытесняя всё, все мысли и чувства. Всё опять нормально, не хорошо и не плохо. Хотя бы ненадолго.

7. Непристойное предложение

— Я рад, что вы всё же согласились.

У доктора Мабуши мягкий, вкрадчивый баритон. Вблизи он производит гораздо более сильное впечатление, чем через бинокль. Тело у него мускулистое и сухое как у бегуна. Кожа чёрная как уголь, свет высекает матовые блики у него на лбу. Выраженный пресс, выделяющиеся косые мышцы.

Здесь, в его номере, никак невозможно поверить, что он на самом деле преступник, босс Синдиката.

— Я тоже рада, — говорит Кэти, отпивает из бокала и ставит его на стол.

Они сидят рядом друг с другом на большом диване. Мабуши поглаживает её по голому колену.

Наташа помнит, как он стоял на балконе позади своей спутницы, как сокращались мышцы его пресса. Сейчас на нём лишь свободные серые штаны с низкой талией, и, похоже, нижнего белья он не носит. В правой штанине угадываются очертания внушительного мужского достоинства.

Наташа отводит взгляд, сделав вид, что изучает обстановку.

Номер Мабуши куда больше, чем Наташин. Они расположились в большой гостиной, но есть и ещё несколько комнат. Здесь хватило места и двум просторным диванам, и столику с бутылкой вина и закусками. Панорамное окно в номере доктора выходит не на соседний корпус, а на живописные зелёные холмы.

Свет в номере слегка приглушён. В воздухе тонкие ароматы фруктов и вина. Кэти полулежит на плече мужчины. Они оба внимательно смотрят на Наташу.

— Вам здесь нравится? — спрашивает Мабуши.

— Да, здесь здорово, — отвечает Наташа.

Не важно, имеет ли он в виду свой номер или весь отель. В обоих случаях Наташа ответила бы одинаково.

— Как вы обычно отдыхаете? — спрашивает он.

Наташа неуверенно пожимает плечами. Ей впервые стало неудобно за то, что ей нечего вспомнить: за всю свою жизнь она ещё ни разу не выбралась отдохнуть. Поездки с семьёй на юг России здесь, во всей этой роскоши, даже неудобно вспоминать.

— Я, в общем, больше работаю, — отвечает она.

— И чем же вы зарабатываете на жизнь, Наташа?

— Я делопроизводитель в логистической компании, — Наташа быстро выпаливает заученную легенду и делает большой глоток, чтобы скрыть неуверенность.

— Такая красота заперта в офисе, — Мабуши окидывает её взглядом с головы до ног. — По-моему, это преступление.

— А чем вы занимаетесь? — спрашивает Наташа.

— Можно сказать, я международный консультант, — отвечает он. — За свои годы я успел узнать многое, и теперь даю людям советы, учу тому, чему когда-то научился сам. Этим и живу.

Наташа кивает. Ей неловко. Она не знает, как продолжить беседу.

Кэти рассеянно водит пальцем по груди мужчины, и Наташе становится неловко вдвойне.

— Знаете, давайте перейдём на «ты», — Мабуши берёт бокал и наклоняется через стол к Наташе. — Я знаю один немецкий обычай. Смотрите, мы переплетаем руки в локтях...

— Предлагаете выпить на брудершафт? — Наташа оживляется. — Да, я знаю!

Брови доктора очень натурально взлетают, он сразу становится куда моложе, чем казался.

— У вас тоже так делают? В Африке это всех удивляет. Только в Кейптауне я встретил девушку, которой не пришлось объяснять!

Наташа придвигается к столу, и они выпивают. Он целует её в губы. Его борода мягкая, а поцелуй неожиданно приятный. Через долгую секунду она отстраняется.

— Когда пьют на брудершафт, целоваться не обязательно, — говорит она.

— Я знаю, — спокойно отвечает он. — Но мне этого хотелось. Я всегда делаю то, чего хочу. Это полезно. Вам тоже советую.

Кэти целует его — страстно, жадно. С минуту они занимаются друг другом, а потом поворачиваются к Наташе.

— Иди к нам, — говорит Кэти.

Наташа сидит, не шевелясь, как кролик перед удавом. Мужчина обходит стол, встаёт перед Наташей и подаёт ей руку.

— Тебе понравится.

Наташа медлит, глядя на его ладонь.

Так сильно она не нервничала никогда в жизни. Ни в одной операции. Ни в Сомали, ни в Ливане, ни в Бейруте. Ни даже в Маниле, перед самым первым своим боем.

«У тебя есть приказ», — звенит в голове. «Выполни приказ».

Наташа вкладывает свою ладонь в его и встаёт. Приобняв её за талию, он усаживает её рядом с Кэти.

— Всё хорошо, — говорит девушка, глядя Наташу по плечам, по шее. — Расслабься. Пусть всё идёт само собой.

У неё очень ласковые руки. Наташа закрывает глаза. Ей кажется, что она моментально опьянела.

— Вот так. Отпусти тормоза. Я тебе помогу.

Её губы касаются Наташиного подбородка, и они мягкие как пёрышко. Когда Кэти её целует, губы Наташи сами приоткрываются. Прикосновения нежные и умелые. Наташа понимает, что это неправильно, но Кэти осторожная, милая, деликатная — как подруга, которой можно доверить самое личное.

— Вот так, — повторяет она.

Мабуши встаёт перед ними. Он распускает завязки своих штанов, и они спадают, открыв его мужское естество. Он глядит на девушек, и в его глазах ни капли смущения.

Кэти, всё ещё обнимая Наташу, утыкается лицом ему в промежность, целует ему пах. Постепенно её губы переходят на его набухший ствол, порхают вдоль, ласкают приоткрывшуюся головку. Дыхание Мабуши становится тяжелее и глубже.

— Иди сюда, — шепчет Кэти, притягивая Наташу к себе.

Она уже не хочет сопротивляться.

— Смелей, — она легонько подталкивает голову Наташи к паху мужчины. — Я покажу, как надо. Повторяй за мной.

Она вбирает пенис в рот, двигается взад-вперёд не спеша, со знанием дела. Мабуши издаёт тихий стон. Кэти вращает головой, слегка причмокивая. За её щекой видны очертания

толстого ствола.

— Давай вместе, — говорит она, отстранившись на секунду. Она тянет Наташу к себе, будто хочет её поцеловать, но вместо губ девушки Наташа касается горячей мужской плоти.

— Вот так, — говорит Кэти. — Не стесняйся.

Она проникает ртом к члену, двигаясь синхронно с Наташей, рукой мягко задавая ей ритм.

Наташа делает над собой усилие, будто перед прыжком в воду. А после уже не стесняется.

Не помня себя, Наташа целует напряжённый пенис, ласкает его языком. Кэти действует всё раскованнее, заражая своей смелостью. Её руки блуждают по телу Наташи, дразня и раззадоривая. На затылке Наташа чувствует большую мужскую ладонь, и её тепло придаёт уверенности.

С ними уже не нужно притворяться. Можно делать то, что хочется.

Они вместе с Кэти ласкают затвердевший член. Запрокинув голову, мужчина издаёт протяжный стон.

У Наташи мелькает мысль, что ей должно быть противно и стыдно. Но это только мысль. Хочет она лишь одного: чтобы это продолжалось дальше.

— Пойдём в спальню, — слышит она бархатистый бас. Она поднимает на него взгляд и улыбается легко и естественно.

Ей уже очень интересно, как это будет. Какой он в постели. Что ему нравится. И здесь, в этом шикарном номере, всё будет лучше, чем с первым парнем в университете, и со вторым, сразу перед армией?

Пока всё намного лучше.

Они втроём перебираются в спальню, на огромную кровать. Всё происходит так, как Наташа не могла и мечтать.

Её деликатно раздевают, гладят, целуют. Никакого принуждения, ни намёка на давление. Откинувшись, она отдаётся умелым рукам, закрывает глаза, дав волю своим ладоням. Кто-то снимает с неё трусики, чьи-то руки мягко разводят ей колени, чьи-то губы касаются её нижних губ. Она только зажмуривается сильнее — а когда открывает глаза и смотрит вниз, видит у себя между ног рыжую макушку Кэти. Бархатный язычок порхает, а потом проникает внутрь, сразу же найдя самое чувствительное место. Из груди Наташи вырывается низкий стон. Мабуши накрывает её губы своими.

Ласки длятся долго. В какой-то момент Наташа понимает, что целует её уже Кэти, умело лаская её грудь, а мужчина расположился у Наташи между ног. Секундное давление — и он легко проскальзывает в неё. Наташа изгибается дугой. Мабуши двигается плавно и уверенно, точно угадывая, как она хочет. Кэти ласкает её грудь, позволяя стонать вволю.

Это не заканчивается до самого утра. Эти двое, которых Наташа совсем не знает, неутомимы. Мабуши поражает своей выносливостью, которой Наташа не ожидала от мужчины его возраста. Он сильный и гибкий, опытный, понимающий. Они сплетаются в таких позах, какие Наташа и представить себе не могла, и одна позиция лучше другой. Кэти ласкает и его, и её, точно зная, что нужно Наташе именно сейчас.

Экстаз накатывает волнами, и он не кончается. Наташа желает только одного — чтобы он обладал, обладал ею всегда. Пусть делает с ней всё, что захочет. Она готова. Только пусть не останавливается.

Она просыпается рано утром. Рядом спят Мабуши и Кэти, обнявшись во сне. Наташа не

помнит, как уснула.

Ещё совсем рано. Небо серое, только-только начало светать.

Тихо, чтобы не разбудить, не одеваясь, она выходит с телефоном в ванную. Долго медлит, прежде чем позвонить Куратору.

— Я у Мабуши, — говорит она шёпотом. — В его номере. Мы... провели вместе ночь. Кажется, он мне доверяет.

— Хорошо, — удовлетворённо произносит Куратор.

— Что мне теперь делать? Звонить Хаггарту? Вызывать Интерпол? Брать его самой?

— Сейчас останься с ним. Будь с ним рядом.

— То есть, не арестовывать его?

— Только если будет крайне удачный момент. Только если будешь на сто процентов уверена, что ему можно будет предъявить уголовное обвинение. Пока будь с ним. И жди.

Он вешает трубку. Некоторое время Наташа сидит на краю ванны, уставившись на погасший телефон и кусая губы.

Она тихо возвращается в комнату. Смотрит на Мабуши и Кэти. Тело всё ещё помнит прикосновения ласковых умелых рук. Никогда в жизни ей не было так хорошо, как прошлой ночью.

Мягко скользнув под одеяло, Наташа прижимается к тёплым телам и старается ни о чём не думать.

Куратор кладёт телефон на стол. Заходит в защищённую директорию на сервере Агентства, введя несколько паролей и воспользовавшись доступами наивысшего уровня. Находит запись разговора с Наташей и без колебаний удаляет. Как и все записи предыдущих разговоров с ней.

Всё идёт по плану.

8. Искусство живых статуй

Свет вливается в огромные окна, наполняя класс. Поутру ещё не жарко. С улицы веет приятной прохладой

Ветер слегка колышет большие листы на столах. По закреплённым на мольбертах холстам размеренно шуршат карандаши.

Преподаватель ходит между будущими художниками, заглядывает им через плечи. Иногда останавливается и тихо подсказывает что-то то одному, то другому.

— Девушки, не двигайтесь, — говорит он натурщицам время от времени.

Солнце греет Агате плечи, ласкает колени. В классе так спокойно, что её клонит в сон.

— Агата, пожалуйста, сиди ровно, — говорит преподаватель. — Ты прекрасна и юна, писать с тебя — одно удовольствие, но, прошу, не двигайся. Ты сама хотела эту работу, так что привыкай.

Это правда. Последние два дня Агата прохода не давала преподавателю, выпрашивая у него место натурщицы. До этого её совершенно не интересовала эта профессия.

А вчера она из кожи вон лезла, уговаривая поставить её на урок именно сегодня.

В классе несколько натурщиц сразу. Все позируют обнажёнными.

Стараясь не вертеть головой, Агата одними глазами следит за другими девушками.

Все они сидят в разных, но одинаково сдержанных позах. Блондинка с длинной чёлкой поджала под себя правую ногу, а левую обняла руками, задумчиво уткнувшись подбородком в коленку. Другая сидит спиной, длинные вороньи волосы обнимают её плечи, спускаясь до аккуратных ягодичек.

Никакой провокации, ничего вызывающего в них. Только эротика, никакой порнографии.

Что-то меняется в звуковом фоне. Украдкой повернув голову, Агата видит, что преподаватель отошёл к двери и сейчас приглашает в класс высокого чернокожего мужчину.

Преподаватель и незнакомец говорят тихо, их слов не разобрать. Преподаватель смотрит на собеседника снизу вверх, и в высоко поднятых бровях, в не сходящей с лица улыбке, в опущенных плечах есть что-то заискивающее.

Мужчина широкоплечий, мускулистый. Наверняка регулярно ходит в спортзал. Лицо с крупными чертами, массивный подбородок. Особенно выделяются мясистые губы, которые принято считать признаком сладострастия. Он слушает преподавателя, прикрыв глаза, и смотрит только на натурщиц.

Агата смотрит на него до тех пор, пока он не замечает её взгляд, и только тогда отворачивается, старательно изобразив смущение.

Скрипят по листам карандаши, негромко щебечет преподаватель, иногда ему в ответ что-то басит незнакомец. Посмотрев на него снова, Агата сразу же встречается с ним взглядом. Не сводя с него глаз, она будто бы невзначай поправляет волосы, приоткрыв обнажённую грудь.

— Агата, девочка, не двигайся, — говорит преподаватель.

Агата возвращается к нужной позе, в последнюю секунду послав незнакомцу манящую улыбку.

Больше она не вертится, сидит смирно. Незадолго до конца урока она слышит, как кто-то уверенным шагом вышел из класса.

— Хорошо, юноши и девушки, на сегодня всё! — громко произносит преподаватель, хлопнув в ладоши. Зал наполняется шелестом сворачиваемых листов, постукиваем убираемых мольбертов, вжиканьем молний на сумках. Натурщицы одеваются. Агата запрыгивает в свои короткие шортики, когда к ней подходит преподаватель.

— Я хотел поблагодарить тебя за сегодняшний день, — начинает он, хоть Агата и видит по его глазам, что говорить он собирается не об этом. — Понимаю, в твои годы энергия бьёт ключом, и нужные навыки вырабатываются не сразу, но у тебя хорошо получается.

— Спасибо, я стараюсь, — говорит Агата, ожидая продолжения, и не ошибается.

— Кстати, на тебя обратил внимание наш гость, — преподаватель указывает на дверь. — Ты знаешь, кто у нас сегодня был?

— Нет, — отвечает Агата, замерев с рубашкой в руке и стараясь не думать, что стоит сейчас с голой грудью.

— Это большой меценат, покровитель и спонсор нашей школы. Его зовут Джебхуз Надиви.

Агата кивает, будто ученица, старательно усваивающая урок. Она никак не показывает, что слышит это имя не впервые.

— Он постоянно ищет новые таланты, — продолжает преподаватель. — Ищет привлекательных девушек для модельного бизнеса, для съёмок в рекламе. И даже для кино.

Преподаватель улыбается, глядя Агате в глаза. Она преданно смотрит на него в ответ, ожидая продолжения.

— Он обратил на тебя внимание. Он хотел бы с тобой встретиться.

Агата смущённо улыбается и отводит со лба непослушную чёлку.

— А... для чего?

— Думаю, решил предложить тебе работу. Хотя... он не уточнил.

Мину добродушного наставника на секунду перебивает лукавый прищур. У Агаты вырывается глуповатый смешок.

— Я могу... ну... подумать? — спрашивает она.

— Конечно-конечно! Но решить нужно сегодня, иначе будет невежливо. Если согласишься, позвони вот по этому номеру.

Он протягивает ей визитку. На чёрном фоне золотыми буквами отпечатано: «Джебхуз Надиви. Продюсер». Ниже телефонный номер из зеркально повторяющихся цифр.

— Он ждёт твоего звонка, — вкрадчиво говорит преподаватель. — Он сам так сказал.

— Я подумаю, — повторяет Агата и всовывает визитку в задний карман шорт.

Выйдя на воздух, Агата оглядывается на здание художественной школы. Из одноэтажного корпуса растекаются студенты. Убедившись, что никто не наблюдает, она достаёт телефон, вводит пароль на специальном мессенджере и набирает сообщение:

«Надиви заинтересовался. Встречаюсь с ним завтра».

9. Свобода выбора

Море огромно. Если смотреть вперёд, видно только синюю даль, соединяющуюся с таким же синим небом. Наташа уже видела море и раньше, но сейчас оно завораживает.

Плавно качается палуба под ногами. За спиной шумит берег. пляж полон загорающих, и, оглянувшись, Наташа может даже разглядеть их лица. С жужжанием носятся гидроциклы, слышен весёлый визг от облепленного людьми «банана».

Вдоль берега неспешно курсирует какой-то катер — небольшой, белый, очертаниями напоминающий армейский патрульный. Наташа старается не обращать на него внимания.

Она глядит вдаль, на далёкую кромку горизонта. В голове постепенно проясняется, будто выветривается туман, едва уловимый, сладкий до приторности. Он окутал сознание так незаметно, что стал виден только сейчас, под ярким солнцем, в этой лазури без конца и края.

— У меня для тебя кое-что есть, — говорит Мабуши, обняв её сзади.

Он подошёл неслышно. Только что его не было, и вот он уже здесь. Наташа смотрит ему в глаза, и он кажется ей не человеком даже, а вечным духом, обретшим плоть средоточием мирового знания.

— Пойдём в рубку, — говорит он, увлекая её за собой.

Это его яхта. Не взятая напрокат, как сначала думала Наташа. Это его собственность.

Наверно, ему принадлежит всё, что есть вокруг. И всё, чего он касается, сразу же становится его собственностью.

Оказавшись в рубке, Мабуши запускает руку под приборную панель и извлекает небольшую шкатулку из лакированного дерева. Внутри обнаруживаются две ложечки — и голубовато-изумрудный порошок в углублении.

— Что это? — спрашивает Наташа, чувствуя, как глубоко внутри ворочается нехорошее подозрение.

— Тебе понравится, — говорит Мабуши.

Он берёт немного порошка на кончик ложки и подносит к губам Наташи. Она чуть отстраняется.

— Это лучше, чем кокаин, — говорит он. — Чистая эйфория и при этом ясность мыслей. И зависимость не сильнее, чем от кофе.

Наташа медлит, глядя то на доктора, то на шкатулку, то на ложку в его пальцах.

— Попробуй, — в голосе Мабуши проявляется настойчивость. — Я так хочу. Доверься мне.

Его взгляд гипнотизирует. Ему невозможно не подчиниться.

Наташа ловит губами ложку и погружает кончик языка в порошок. Сладко, похоже на сахарную пудру. Мабуши удовлетворённо улыбается.

У Наташи подсакивает пульс. Она раскрывает рот, глотая воздух. Всё вдруг наливается яркими красками, по телу растекается чистое удовольствие. Звуки сливаются в единую волну, но всё перекрывает колотящий в уши стук сердца.

Всё быстро проходит. Наташе кажется, будто она только что испытала нечто похожее на краткий оргазм.

— Хочешь ещё? — спрашивает доктор.

— Может, потом, — говорит Наташа, запинаясь. Она всё ещё пытается отдышаться.

Мабуши смеётся, лукаво поглядывая на Наташу.

— Я знал, что эта вещь придётся тебе по вкусу. Ты начинаешь понимать толк в удовольствиях, Натали. Всё, чего ты была лишена всю жизнь, теперь тебе доступно. И так может быть всегда.

Он проводит пальцами по шкатулке.

— Но об этом никому не рассказывай. Этот порошок запрещён законом, к сожалению. Дают за него такой же срок, как за героин.

Его слова заглушает нарастающий гул. Наташа понимает, что слышит его уже некоторое время. Глянув через стекло, она видит, как патрульный катер приближается к ним.

Мабуши поспешно захлопывает шкатулку и прячет её под приборную панель. Он уже не улыбается.

Катер замедляет ход и равняется с их яхтой. К поручням выходят двое мужчин в полицейской форме.

— Добрый день! — кричит один из них, сложив ладони рупором. — Мы хотим осмотреть ваше судно. Сейчас мы сойдём к вам. Держите руки на виду и не делайте резких движений.

Они перебрасывают мостик и переходят на палубу яхты. К двоим присоединяется третий. Все они вооружены армейскими скорострельными винтовками, на поясе у каждого болтаются наручники.

— Мы просто отдыхаем, — тихо говорит доктор, поглаживая Наташу по плечу. — Не нервничай. Веди себя естественно.

Он снова спокоен, смотрит на полицейских дружелюбно, как добропорядочный гражданин, которому нечего скрывать. Наташе стоит немалых сил, чтобы держать себя в руках. Ей очень хочется бросить хоть взгляд на приборную панель.

Полицейские неспешно прохаживаются, осматриваясь. Двое обходят палубу по периметру — один справа, другой слева. Третий входит в рубку.

— Выйдите, пожалуйста, — говорит он.

У него жёсткое лицо. Чёрная кожа блестит как дублёная. Уши сломаны и расплющены — скорее всего, он борец или боксёр.

— Идём, — Мабуши, приобняв Наташу, выводит её из рубки.

Они становятся снаружи, под солнцем. Через стекло Наташе видно, как полицейский оглядывает стены, пол, рассматривает приборную панель. Мабуши спокоен до неестественности.

Его можно сдать прямо сейчас. Патрульные возьмут его, ему здесь некуда деться. Наташу они тоже арестуют, но достаточно будет позвонить Куратору — и Агентство вмешается, и неуловимый доктор Мабуши окажется у них в руках. А Наташа выполнит задание, не сделав ни единого выстрела и никого не подвергнув опасности.

Достаточно просто сказать полицейскому, что нужно посмотреть под панель.

— Сейчас крайне удачный момент, — произносит Мабуши.

Вздрагнув, она поворачивается к нему. Он лукаво улыбается, глядя на неё в упор.

— Я знаю, где ты работаешь, — тихо говорит он. — Знаю про Агентство. И что тебе приказали взять меня живым. Я знал это с самого начала.

Можно не спрашивать, как он узнал. Он видит её насквозь. Невероятная пронизательность, блестящий ум. Ему известно всё.

— Там минимум лет на пять, — говорит он. — А пока я буду сидеть, меня можно будет

и раскалывать, и убеждать сотрудничать, и находить новые улики, и предъявлять новые обвинения.

Морской бриз треплет Наташе волосы. Палуба качается, и Наташе чудится, будто она плавает в воздухе без точки опоры.

— Может, я совершил ошибку, доверившись тебе, — говорит он. — А может, это ты ошиблась, решив работать на Агентство. Прямо сейчас всё в твоих руках. Чего ты хочешь?

Наташа молчит. Ещё пару дней назад она бы легко ответила на этот вопрос. Мир был устроен просто и понятно. Но не теперь.

Она с отчаянной надеждой смотрит на патрульного в рубке. Может, он сам найдёт тайник? Может, уже нашёл, пока Наташа не видела? Может, он прямо сейчас выйдет сюда со шкатулкой в руках?

Полицейский выходит из рубки. Его руки пусты.

— Преданность тем, кто тебя использует — или жизнь для себя, — произносит Мабуши. — Выбирай.

Наташе кажется, что она полностью обнажена перед доктором.

Полицейский идёт к ним. Окидывает Наташу взглядом, смотрит на Мабуши.

— Вы хотите о чём-то сообщить?

Наташа молчит. Полицейский ждёт. Кажется, что он будет стоять здесь вечно, до тех пор, пока не получит ответ.

— Нет, — говорит Наташа. — Нам не о чём сообщать.

Полицейский кивает. Выдубленная ударами кожа сверкает на солнце.

— В таком случае, мы вас больше не задерживаем. Приятного дня.

Полицейские уходят. Катер отплывает, качнув яхту. Мабуши глядит на Наташу, поглаживая бороду.

— Хочешь ещё немного? — спрашивает он, указав взглядом на рубку.

— Хочу много, — говорит она хрипло.

В рубке он насыпает порошок прямо себе на ладонь. Наташа слизывает порошок с его кожи. Чистое удовольствие пронзает каждый нерв.

Она сама скидывает с себя одежду и набрасывается на Мабуши.

Она прижимается к нему всем телом, осыпая поцелуями. Он одним движением сбрасывает шорты, и она бедром чувствует его напряжённый член.

Он берёт её прямо на приборной панели. Кажется, что от мощных толчков раскачивается вся яхта. Распалённые тела, мокрые от пота, неистово сталкиваются. Он рывком разворачивает её, надавливает на спину — она с готовностью наклоняется, и он одним движением снова входит в неё на всю длину.

Всё сливается в одну яростную бурю — Наташе кажется, что яхта попала в шторм. Упираясь ладонями в панель, она глядит через стекло, не видя ни моря, ни неба, ни облаков. Наслаждение нарастает с каждым толчком глубоко в ней, а когда оно доходит до пика, небо раскалывается пополам, и там черно, так черно, будто она на миг ослепла. Сквозь сладкое оцепенение она чувствует, как он разряжается внутри неё.

Она сползает на пол и некоторое время сидит, тяжело дыша. Потом, не одеваясь, идёт на палубу и ложится на шезлонг. Всё равно, видел ли кто-нибудь, как она отдавалась мужчине, или как сейчас шла голой. Наташа лежит лицом вверх и не чувствует ни солнца на коже, ни ветра, ни запаха моря. Её захватывает странная апатия, будто недавний ураган эмоций осушил её изнутри, выпил всю способность чувствовать.

Мабуши садится рядом с ней. Он тоже обнажён. До него можно дотянуться рукой, но Наташе кажется, что он очень далеко.

— Мне нужно улететь на пару дней по делам, — говорит доктор. — Я хочу, чтобы ты отправилась со мной.

Апатия быстро отступает. Наташа чувствует себя так, будто собирается уйти из дома без позволения родителей, «без спроса», как говорила мать в далёком Наташином детстве. При мысли об этом захватывает дух, сладко щемит где-то в солнечном сплетении.

— Я полечу с тобой куда угодно, — говорят губы Наташи.

Голова пуста как бесконечное море вокруг. Ни мыслей, ни желаний, ни воли.

— Вот и хорошо, — произносит он. — Пора возвращаться в отель. Самолёт уже ждёт.

Куратор задумчиво глядит на экран телефона и кладёт его на стол. Звонков от Наташи Николаевой нет. И это может означать либо то, что она слишком занята, втираясь в доверие к Мабуши, либо то, что она попала под его влияние.

Куратор выходит на балкон и смотрит вниз. Выложенная плитами площадь похожа на большую шахматную доску. Эта ассоциация возникла ещё тогда, когда он осматривал эту квартиру с вместе риелтором. Поэтому он и решил купить именно её.

Если Наташа возьмёт доктора, Куратор представит это как своё достижение. Он грамотно воспользовался шансом, разглядел в новой оперативнице потенциал агента.

А если Наташа под влиянием доктора, если она начнёт работать на Синдикат — это тоже хорошо. Она превратит операцию в катастрофу. А он, Куратор, спасёт положение.

Только он это сумеет. Никто не сможет заменить Питера Бейли на должности Куратора специальных операций.

Люди внизу ходят по площади как фигуры по клеткам. Мысленно перемещая их по асфальтовой шахматной доске, Куратор размышляет.

10. Грёзы и кошмар

Агата открывает гостиничный шкаф и несколько минут перебирает недавно разложенную одежду. Влажная после душа кожа быстро высыхает. Определившись, Агата кивает сама себе, надевает трусики и натягивает белую майку прямо на голое тело. Закрыв шкаф, она глядит на своё отражение в дверце.

Молодая брюнетка, длинные волосы собраны в хвост. Симпатичное личико, серые глаза, точёная фигурка. Кажется хрупкой, но это обманчивое впечатление.

Несколько лет тренировок за плечами. Айкидо, карате, с детства любимое тхэквондо. Тренеры в один голос хвалили её ноги, быстрые и точные. Это было ещё в родной Праге, в школе и университете. Уже в Агентстве её научили, как применять всё, что она умеет, в реальной ситуации, а не в спортзале.

Она прошла психологическую подготовку. Там, на полигоне Агентства, моделировали сложные ситуации, которые сломали бы обычного человека. Агент Агата Горак в свои двадцать три года знает и умеет достаточно, чтобы справиться с сегодняшним заданием.

Но всё же руки слегка немеют, и заходится что-то в груди при мысли, что сегодня она окажется наедине с боссом Синдиката. Что сегодня всё будет зависеть только от неё. Что её никто не будет прикрывать.

И что это её первая самостоятельная акция. Она будет работать одна. Никого не обеспечит отход, если что-то пойдёт не так.

— Ты всё можешь, — говорит она своему отражению. — Работа в Агентстве — лучший шанс в твоей жизни. Лучший шанс сделать что-то в жизни.

Действительно, о чём ещё может мечтать отличница и спортсменка, гордость хорошей семьи? Принести пользу всем, кому только можно. А здесь она помогает свалить Синдикат, и от этого станет лучше целой стране — а может, и всему миру.

Она натягивает короткие чёрные шортики, крутится по номеру, собираясь. Агата Горак — секретный агент секретной организации. Кто бы думал, что простая девчонка из Чехии добьётся такого? Прямо Джеймс Бонд в юбке.

Правда, киношному спецагенту не приходилось прокладывать себе путь к цели через постель. А для Агаты секс — часть работы. У всех агентов так. Это вдавливали в головы новичкам с самых первых дней на полигоне Агентства, в «школе для пташек». Но для Агаты этот аспект никогда не был проблемой. Даже наоборот.

Разве она виновата, что любит секс? Тяга к постельным утехам никогда не вязалась с её образом отличницы и спортсменки. Зато очень подходит секретному агенту.

А ещё Джеймс Бонд стреляет без промаха. А вот у Агаты со стрельбой всё очень плохо. Ногой она может попасть куда угодно с первого раза. Из пистолета — только если очень повезёт.

Хотя, как успела понять Агата, в Агентстве стреляют чаще всего специально привлечённые оперативники. А агенты выполняют свои задачи более тонкими способами. Втершись в доверие, соблазнив, обольстив. Переспав. Так что стрелять и не нужно.

Подкрашиваясь и прихорашиваясь, Агата напевает себе под нос, вторя песне по радио. Песенка дурацкая, и она тоже ведёт себя подчёркнуто легкомысленно. Всё ради того, чтобы заглушить тревогу.

Потому что это задание опасно.

— Только если он меня раскроет, — говорит она сама себе нарочито беззаботным тоном, и звук собственного голоса её успокаивает. — Только если раскроет. А ведь мне придётся перед ним раскрыться... в другом смысле.

Она усмехается двусмысленности собственной фразы. В голове пробегают мысли о том, что секса у неё не было уже целых две недели, и это много. А сегодня, судя по всему, засушливый период закончится.

Внизу живота начинает пульсировать. Возбуждение и предчувствие опасности смешиваются в странный будоражащий коктейль. Он очень заводит.

Руки снова немеют. Агата встряхивает пальцами и убирает визитку в сумочку. Осталось собрать самое важное.

Агата кладёт в сумочку маленькие скрытые камеры — они похожи на бусины, каждая чуть крупнее ногтя, поблёскивает малюсенький объектив. Стоит только прижать такую к любой твёрдой поверхности, и она сразу же прилипнет, и будет передавать и видео, и звук прямо Бенуа.

Подумав, бросает в сумочку наручники. Её задача сегодня — втереться в доверие к Надиви, понравиться ему, а не задерживать. Но если вдруг представится удобный случай, то наручники пригодятся.

Вместо своего обычного телефона она берёт с собой тот, на котором нет специального мессенджера со сложным паролем. А в списке контактов нет Лоры Бенуа ни под одним из её имён.

Пора ехать. Всё собрано. Она готова к своему первому самостоятельному заданию.

Глянув в зеркало ещё раз, Агата выбегает из квартиры.

Когда такси привозит её на место встречи, она уже не волнуется. Самая нервная часть как раз перед тем, как приходит время действовать. Совсем как на тренингах.

На дороге неспешно выезжает шикарный белый лимузин. Агата видела такие лишь на церемониях награждений: из них кинозвёзды выходят на красную дорожку. У Агаты захватывает дух, когда лимузин останавливается рядом с ней. Открывается дверь, в лицо ей дышит прохлада, напоённая тонкими ароматами парфюма и дорогого алкоголя.

— Привет, красотка, — говорит Надиви. — Садись.

Он смотрит на неё с уверенной улыбкой, прикрыв глаза. По его взгляду понятно: он ни на миг не сомневается, что она поедет с ним. Агата садится напротив него, и лимузин мягко трогается с места.

Джебхуз Надиви вальяжно развалился на сиденье, широко расставив ноги в стороны. На нём дорогие джинсы, кожаные туфли, майка, подчёркивающая мускулатуру. Продюсер, плейбой и меценат. И порнограф. И бандит. Всё в одном лице. Агата смущённо улыбается ему, прижимая сумочку к бедру.

— Тебя зовут Агата, да? — говорит он небрежно, разглядывая её. — Хочешь выпить?

Он тянется к мини-бару и наливает виски в два бокала. Агата выпивает залпом, едва не закашлявшись. Он усмехается, и его грубоватые черты вдруг становятся очень обаятельными.

Невозможно представить, будто он замешан в каком-то криминале. Он снимает порно, да, но в некоторых странах это вполне законно. А Синдикат... может, Надиви лишь косвенно связан с ним. Может, это она и должна выяснить?

— Знаешь, Агата, я не люблю долгие беседы, — говорит Надиви. — Я человек действия. А ты, по словам твоего преподавателя в художке, девочка смышлёная. Ты наверняка

понимаешь, и что я тебе предложу.

— У меня есть кое-какие мысли на этот счёт, — Агата игриво улыбается ему. — Но вдруг я не права? Скажите как есть. Вы ведь такой... откровенный.

Она проходится по его телу таким взглядом, от которого покраснела бы и статуя. Надиви довольно ухмыляется.

— Порно, — говорит он, глядя Агате в глаза. — Ты ведь об этом подумала, правда? Ты верно угадала.

Агата притворно охает, изображая удивление. У неё на лбу выступает вполне настоящий пот. По телу пробегает волна возбуждения.

Надиви не сводит с неё глаз, и Агата вдруг предельно остро ощущает — она всего в шаге от того, чтобы ему отдаться.

— Ну, я не знаю... — она хлопает ресницами, глядит в сторону, изображая невинность. Она уже успела понять — такое мужчинам нравится.

— Не волнуйся. Я предлагаю тебе не дешёвую порнушку с бюджетом в бутылку пива. Будет хорошая студия, профессиональная команда, все условия. Отличный секс прилагается.

— Вы очень прямой, — двусмысленно произносит Агата, бросая взгляды на его пах.

— Ты ещё не знаешь, насколько, — он усмехается, проследив, куда она смотрит.

От него исходит уверенность. Он ничуть не стесняется того, чем зарабатывает на жизнь. А пропитавшее воздух сексуальное напряжение будто питает его, делая ещё увереннее и притягательнее. Его откровенность и уверенность превращаются в сумасшедший магнетизм.

Разве такой открытый человек может быть опасен?

— А ещё у тебя появятся полезные знакомства, — вкрадчиво продолжает Надиви. — Влиятельные люди — такие, которые могут устроить карьеру не только во взрослом кино. Клаудия Антонелли после нескольких фильмов стала телеведущей. Вирджиния Никс, завершив карьеру, пишет книжки. Чёрт, да даже Сандра Буллок начинала с порно.

— А сколько я буду зарабатывать? — спрашивает Агата, хотя думает совсем не об этом.

— Зависит только от тебя. Заработать в этой профессии можно по-разному. Сначала будут только деньги от съёмок, но потом, когда о тебе узнают, будет подработка. Заказы от состоятельных клиентов на эксклюзивное видео.

— Ну это как-то... — мнётся она.

— Да брось. Даже голливудские звёзды это делают. Если хочешь, скажу тебе прямо сейчас, сколько стоит ночь с Джессикой Альбой или с Фассбендером, — он берётся за смартфон.

— То есть я буду как звезда Голливуда, — с туманной улыбкой тянет Агата.

— И зарабатывать ты будешь не меньше.

— И что мне нужно будет сделать, чтобы, ну... начать карьеру?

— Нужно показать, что ты умеешь.

Он манит Агату пальцем. Её не нужно просить дважды. Она подаётся к нему и оказывается в крепких объятьях. Её губы приоткрываются сами собой, и он впивается в них жарким поцелуем.

Агату пробивает возбуждающий ток. Как ей этого не хватало! Мужчина. Его губы, жадные и страстные. Его руки ласкают, гладят, мнут. Невозможно думать — слишком хорошо. А дальше будет ещё лучше.

Оторвавшись от неё, он мягко, но требовательно надавливает ей на плечи, и она безошибочно угадывает его желание, опускается на пол между его расставленных коленей и

нетерпеливо расстёгивает ему ширинку. Он чуть приподнимается, давая приспустить джинсы. Белья на нём нет. Агате чуть ли не в лицо выскакивает упругий мужской орган. Она наклоняется и смыкает губы вокруг набухшей плоти.

— Да-а-а... — слышит она полный блаженства стон, и он звучит как лучший комплимент.

Никакого стыда. Никакой неловкости от того, что она вот так ласкает мужчину, с которым почти не знакома. Ей это нужно. Это не работа, не задание. Она хотела этого последние несколько дней. А теперь она наконец-то получает то, что хочет.

У неё всё выходит легко, естественно, с неподдельной страстью. Плавно двигая головой вверх-вниз, Агата чувствует, как у неё внизу всё намокает.

Не отрываясь, она заглядывает Надиви в лицо. Он наблюдает за тем, что она делает, его губы расплылись в ухмылке. Иногда он поглядывает куда-то Агате за спину.

— Хватит, — он слегка отталкивает её и застёгивает штаны. Агата на мгновение чувствует себя так, будто у неё отобрали любимую игрушку.

Лимузин плавно останавливается. Утирая лицо и слглатывая, Агата замечает в окошке перегородки краешек зеркала заднего вида. В нём отражаются глаза водителя. Заметив взгляд Агаты, он быстро отворачивается.

— Идём, — Надиви, уже стоя снаружи, галантно подаёт ей руку, и Агата выходит под солнце.

Машина привезла их к большому двухэтажному дому, очень современному на вид. Зелёная лужайка сверкает глянцевой, будто пластмассовой травой. У гаража с чистенькими рольставнями сверкает ярко-жёлтый «Ламборгини».

Лимузин в два приёма разворачивается. Водитель поглядывает на Агату, и та ожидает увидеть в его лице смущение, осуждение — ей такое всегда нравилось, от этого она каждый раз чувствовала себя свободной, раскрепощённой до распутности, желанной и обольстительной — но в его глазах только тревога.

Машина уезжает в сторону города. Надиви берёт Агату за руку и ведёт за собой. Он улыбается ей — высокий, мускулистый, уверенный, с привлекательно жёстким лицом. Тревога Агаты тает в лучах его улыбки. Поднимаясь по ступенькам, она думает уже лишь о том, как будет с ним в постели.

Вилла Надиви роскошна. Агата старается смотреть на всё взглядом профессионала, отмечать все детали, но её прямо трясёт от возбуждения.

Это хорошо, что он сразу перешёл к сексу. Очень удачно будет, если получится его измотать поскорее, чтобы он заснул прямо в постели. Тогда будет время пройтись по его вилле. И оставить камеры где только можно.

Но сначала она получит своё удовольствие сполна.

Агата набрасывается на него прямо в фойе. У неё захватывает дух от того, как сильно он прижимает её к себе. Надиви впивается ей в шею, избегая целовать её в губы.

Он подхватывает её за подмышки, разворачивает спиной и сдёргивает с неё шорты вместе с трусиками. Слышится шорох разрываемого полиэтиленового пакетика, и, повернув голову, Агата видит, как он раскатывает презерватив по внушительному мужскому достоинству. Крепко взяв её за бёдра, он напирает на неё; девичья плоть сопротивляется всего секунду, и он легко проскальзывает в неё — там, внизу, она вся мокрая.

Агата охает от смеси боли и острого удовольствия. Он огромный, но ей сейчас именно это и нужно.

Грубые толчки. Шлепки бёдер по ягодицам. Он не останавливается ни на секунду, то держа её за бёдра, то отпуская; иногда он шлёпает её ладонями по попке так, что внутри всё сжимается, стискивая его напряжённую плоть; Он движется в ней в бешеном темпе, входит и выходит, упруго ударяя во что-то внутри, каждым толчком выбивая из неё хриплый стон.

Вот оно. Вот чего хотелось все эти дни. Вот оно, прямо сейчас.

Агата выгибается, стонет всё громче. Неистовые толчки сзади пробивают током всё тело, сладкое напряжение накапливается и наконец разряжается ослепительной вспышкой. Тело немеет в сладкой истоме, а волны наслаждения накатывают одна за другой.

Не останавливаясь, он вдруг отпускает её, и она подаётся назад сама, к нему, желая только одного — ещё, ещё, ещё. Он сбивается с ритма, будто отвлёкшись на что-то. Агата поворачивает голову, чтобы посмотреть на него, но тут же ей на плечо ложится большая ладонь, пригибая её вниз и вжимая лбом в диван. Держа Агату одной рукой, он снова принимается хлётко вколачивать в неё свой инструмент наслаждений, и она тут же забывает обо всём. Через пару минут на неё накатывает снова, и сквозь экстаз она чувствует, как он разряжается внутри неё.

Он отпускает Агату, и она падает на диван. Тело будто незримо вибрирует, исходя сладкой негой. Она поворачивается к нему, глядит с пьяной улыбкой, тяжело дыша. Его тело всё блестит от пота — мускулистое, сексуальное, распалённое. Он довольно скалится, глядя на неё сверху вниз, и наглая улыбка ему очень идёт.

— А ты хороша, — говорит он, и Агата довольно улыбается.

Вот оно, удовольствие от работы. Но и об обязательной части дела тоже не стоит забывать.

— У тебя наверняка много таких, как я, — при этой мысли Агате отчего-то становится обидно.

— Ты оказалась особенной, — усмехается он. — Сколько бы у меня ни было, ты сумела меня удивить.

Мысленно Агата тут же одёргивает себя. Какое ей дело, сколько у него девушек? Он просто объект слезки, не более того.

Или уже не совсем? Он такой необычный. Необузданная сексуальность, уверенность и сила, и затаённая опасность — всё это смешивается в дурманящий коктейль. Агата никогда раньше не испытывала ничего подобного. К низу живота приливает кровь. Там всё снова жаждет мужских прикосновений.

Она с некоторым усилием отводит от него глаза и бросает взгляд на сумочку. Молния застёгнута только наполовину — вроде бы Агата никогда так не делала.

Наверное, просто не обратила внимания, когда собиралась в спешке.

— Пойдём, искупаемся, — произносит Надиви. — У меня есть бассейн.

— У меня нет купальника, — говорит Агата.

— Он тебе не нужен.

Он поднимается с дивана, берёт её за руку и рывком ставит на ноги. Рассмеявшись, она стягивает с себя мокрую от пота майку, скидывает босоножки и предстаёт перед ним нагишом. Он на голову выше неё, рядом с ним она чувствует себя совсем юной и хрупкой.

— Нравятся мне, когда девочки умеют просто ловить кайф без задней мысли, — говорит он.

Он хлопает её по заду, сжимает ей ягодицу, увлекая за собой вглубь дома. Притворно ойкнув, она идёт рядом, прижимаясь к его бедру.

Можно ведь позволить себе и ещё немного удовольствия.

Бассейн большой, почти как в спортивном комплексе. Сквозь затемнённую крышу видно небо. Здесь светло, гулким эхом разносятся шлепки босых пяток по тёплому кафелю.

Надрави ныряет и плывёт, вздымая воду мощными гребками. Плывёт он немного странно, не разжимая кулаков.

Агата рыбкой бросается в воду и устремляется за ним, наслаждаясь тем, как прохладная вода остужает разгорячённую кожу.

Надрави садится на бортик, свесив ноги в воду. Агате вдруг нестерпимо хочется его ещё раз, да так, что между ног всё начинает пульсировать.

Она подплывает к нему, игриво смотрит то ему в глаза, то на его мужскую гордость. Надрави разводит колени пошире, и она обхватывает его за бёдра, болтая ногами в воде. Она целует его живот, пах, подбирается к его достоинству всё ближе, поглядывая ему в лицо.

Его взгляд вдруг становится жёстким. На губах появляется издевательская ухмылка. Он протягивает Агате кулак и медленно разжимает пальцы.

На его ладони россыпь маленьких камер, которые так легко спрятать в чужом доме.

Она хочет отпрянуть, но он резко сдавливая ей голову бёдрами. Оттолкнувшись, он спрыгивает в воду, сталкивая Агату и утаскивая вместе с собой на дно. Зажав её голову, он не даёт ей всплыть. Она барахтается, пытаясь достать его ногой по голове, но только бьётся коленями и ступнями о бортик.

В глазах темнеет. Лёгкие жжёт. Невозможно вырваться из стальной хватки бёдер.

И вдруг Агата освобождается. Инстинктивно бросается прочь, отчаянно загребая воду руками, оглядываясь и ничего не видя из-за брызг. И когда она уже верит, что ей удастся выскочить из бассейна, убежать, тяжёлая рука вцепляется ей в волосы, приподнимает и с размаха опускает в воду.

Он держит её под водой. Она не видит его — он где-то за её спиной. Она барахтается, но он слишком сильный, намного сильнее её — он удерживает её всего одной рукой, а она только и может, что сучить ногами, вцепившись в его кисть обеими руками, чтобы он не выдрал ей волосы. Когда она уже уверена, что сейчас задохнётся, её тянет её вверх. Она жадно хватается ртом воздух, и он снова топит её.

Борьба, подступающее удушье — и он опять вытягивает её на поверхность, даёт вдохнуть и вталкивает в воду. Всё повторяется несколько раз, а потом он, остервенев, рвёт её за волосы, так что она запрокидывается назад, и после рывком шарахает её головой в воду, а потом ещё и ещё, и ещё — так котёнка тыкают носом в молоко. Он яростно лупит её об воду, треплет словно куклу, а она захлёбывается, уже ничего не видя и не понимая, где верх, где низ.

Постепенно Агата понимает, что бешеные рывки прекратились. Она висит на его руке, вцепившись в его запястье, а он крепко держит её за волосы. Агата жадно дышит и кашляет от попавшей в горло воды. У неё уже нет сил бороться.

— Не вздумай сопротивляться, сучка, — шипит он ей в ухо. — Пойдём-ка в спальню.

Он выбирается из бассейна и вытаскивает её, грубо толкнув на пол. Агата всё ещё кашляет, пытаясь прийти в себя, но он не даёт отдышаться, хватается за шею и тащит за собой.

Его руки словно клещи. Агате едва удаётся дышать. В глазах темнеет, мелькают ступеньки, когда он ведёт её вверх.

Он толкает её на кровать лицом вниз, садится сверху и заставляет завести руки за спину. Что-то щёлкает. Запястья сдавливают кольца наручников.

— Так и лежи. Перевернёшься — убью.

Он отходит и что-то делает рядом с кроватью.

— Ты из Интерпола, да, тварь? — спрашивает он. — Вы что-то часто стали вставлять нам палки в колёса. Ну а теперь я тебе буду вставлять, — он гадко усмехается. — И в этот раз приятно не будет.

Повернув голову, Агата краем глаза видит у кровати установленную на штативе видеокамеру — похоже, она уже стояла здесь с самого начала.

— Любишь камеры, да? — спрашивает он, ухмыляясь. — Сейчас ты станешь звездой экрана. Хоть и ненадолго.

Вынув из ящика тубик лубриканта, Надиви приближается к Агате.

Он наваливается, не давая пошевелиться, и коленями разводит ей ноги. Она чувствует, как ей между ягодиц льётся густая маслянистая жидкость.

Член упирается Агате в зад и грубо втискивается внутрь. Агата обещает себе не кричать, но он такой огромный, что она вопит в голос. Надиви мерзко смеётся, насилуя её.

Это продолжается очень долго. Кровать сотрясается от мощных толчков. Сквозь слёзы Агата видит красный огонёк работающей камеры.

Куратор отводит взгляд от экрана и устало потирает шею. Нужно сделать перерыв. Как бы там ни было, не стоит столько работать. Себя следует уважать.

Он переодевается в неброский, но дорогой костюм и выходит на улицу. В кафе за углом в этот час почти никого, и сегодня там тоже немногочисленно. Куратор садится за любимый столик, и официант тут же спешит к нему. Сделав заказ, он берёт оставленную официантом свежую газету и пробегает взглядом заголовки.

«Совет безопасности ООН выразил обеспокоенность ситуацией в Ревалии». «Сепаратисты не одни». «Слова поддержки ревалийским борцам за свободу».

Куратор оглядывает улицу. Тихо, как и бывает в ленивый будничны́й полдень. Проходящая мимо женщина ловит его взгляд и улыбается ему. Он отвечает ей вежливой улыбкой и возвращается к чтению.

Бумажная, настоящая газета по-прежнему приятнее веб-страниц и электронных документов. Похоже, с возрастом менять привычки всё труднее.

Официант приносит кофе и круассаны. Куратор откладывает газету и делает неторопливый глоток, смакуя напиток. Как и всегда, кофе здесь чудесный.

Когда он наконец слезает с неё, Агата лежит, не шевелясь и тихо всхлипывая. Это продолжалось долго. Больно до оцепенения. Агате больше всего хочется уснуть, а проснувшись, понять, что это был всего лишь кошмар.

Надиви садится на кровати и вытирает ладонью потное лицо. Поводив мутным взглядом, он встаёт, пошатываясь, идёт к камере и выключает её.

То, что будет дальше, он снимать не хочет.

Агата переворачивается на спину и скованными руками подтягивает под себя тубик с лубрикантом. Колпачок открыт, жидкость выдавливается легко. Стараясь поменьше шевелиться, Агата размазывает её по правому запястью.

Надиви залезает на кровать и встаёт над Агатой в полный рост. Его взгляд не сулит ничего хорошего.

— Игры кончились. Пора спать, сука.

Глаза похотливой мрази превращаются в глаза убийцы. Агата, уже не скрываясь, ёрзает и рвётся. Она чувствует, как с её правого запястья слезает кожа.

Надиви наклоняется к ней и тянется к её шее.

Извернувшись, Агата выдёргивает правую руку из кольца наручников и изо всех сил бьёт ребром ладони ему между ног, прямо по болтающейся мошонке. Удар такой сильный, что обмякший конец подскакивает.

Надиви сдавленно вякает и содрогается всем телом. Агата пытается вскочить, но он быстро приходит в себя и хватает её за горло одной рукой — другую он не может отнять от отбитых яиц — и вжимает Агату в матрас.

Схватив его за предплечье, Агата подтягивает под себя ноги, сжимается в клубок, а потом резко вытягивается, сдавив бёдрами его шею, и вместе с собой заваливает его на бок, туда, где у него нет никакой точки опоры. Перевернувшись, она садится на него сверху. Его голова зажата у неё между ног.

Размахнувшись, Агата изо всех сил лупит его кулаком в лицо.

На тренировках после такого захвата с переверотом следовал чисто формальный добивающий удар, всего один. Но сейчас Агата молотит противника с таким остервенением, что кровь из его расквашенного носа брызжет ей на бёдра.

Опомнившись, она вскакивает и бросается прочь от кровати. Тяжёлая рука ложится ей на плечо, и она заученно разворачивается, сбрасывая хват, успевает увидеть осоловелые глаза и, не думая, с разворота бьёт его ногой в лицо, попав точно в челюсть. Надиви падает обратно на кровать.

Агата кидается к камере и начинает снимать её со штатива. Руки не слушаются, никак не получается разобраться с креплением. За спиной грохает что-то тяжёлое, и Агата подскакивает на месте, готовая бежать — но, развернувшись, видит, что Надиви свалился с кровати на пол.

Она замирает на месте. Мужчина не шевелится. Правильно сейчас связать его чем-нибудь, хоть проводом от камеры, а потом найти свою сумочку с ключами от наручников и заковать его, как и было предусмотрено на крайний случай. Но слишком страшно.

Страшно подойти к нему. Страшно, что он очнётся и опять схватит её. Её учили драться, учили задерживать, обезвреживать — но это всё было там, в безопасных тренировочных залах, на полигонах, а сейчас она здесь, голая, изнасилованная, едва не убитая и очень, очень уязвимая.

Надиви невнятно мычит и упирается руками в пол, пытаясь встать. Агата срывает камеру с креплений, сбегает по ступенькам вниз, хватая с тумбочки автомобильные ключи и вылетает на улицу. Заскочив в «Ламборгини», она вылетает из ворот и несётся по дороге. Она не думает, куда едет, стремясь оказаться как можно дальше от виллы, от отвратительной комнаты, от гадкой постели. На шее грубая рука. В лёгких будто полно воды.

— В больницу, — слова вылетают с истеричным всхлипом. — Мне надо в больницу.

Её трясёт. Руль едва не вылетает из рук. Самообладания хватает ровно на то, чтобы выбрать правильные повороты, ведущие к городской больнице.

Маоро Левиони перебирает медкарты, печатает направления, заносит информацию в компьютер, изредка поглядывая на больничный холл. Обычные дела работника регистратуры. Обычный день в больнице. Снуют туда-сюда пациенты. Встревоженные лица, нездоровый цвет лиц — у этого полопались капилляры на носу, этого весь отёчный, у того,

наверно, что-то с печенью — он весь жёлтый. Забинтованные руки и ноги, выглядывающий из неловко натянутой одежды гипс, костыли и каталки — обычное дело, в больнице есть и травматология, и хирургия, и стационар.

Маоро уже давно равнодушен к чужой боли. Любой черствеет на этой работе, кто-то раньше, кто-то позже. По его наблюдениям, для этого в среднем нужен год.

Все эти люди, движущиеся в холле больницы, и сами равнодушны друг к другу. Спорят из-за места в очереди, ругаются, если кто-то пытается пройти к врачу без записи. Чем сильнее собственная боль, тем безразличней чужая.

Что-то происходит здесь. Что-то неуловимое, но достаточно необычное, что способно нарушить озабоченное движение в холле. Люди останавливаются, их лица вытягиваются. Они обращают взгляды в одну и ту же сторону. Ко входу.

На девушке ничего, кроме расстёгнутых светлых шорт. Дрожа и спотыкаясь, она идёт босиком, прикрывая предплечьем голую грудь, другой рукой сжимая видеокамеру. Косметика у неё расплылась, лицо заплаканное, хоть и красивое. Пациенты шарахаются от неё.

Шатаясь, она идёт к стойке регистратуры.

Опомнившись, Маоро звонит, вызывая санитару и врача из кабинета скорой помощи, а потом бросается к девушке, на ходу скидывая с себя халат.

— Помогите, — говорит ему девушка. — Помогите мне.

Её всю трясёт. Маоро накидывает халат ей на плечи, пытается взять у неё камеру, но она крепко прижимает её к груди — как потерявшийся ребёнок прижимает к себе игрушку.

Только сейчас Маоро замечает, что одно запястье у неё ободрано в кровь, а на другом болтаются наручники.

— Всё хорошо, — говорит он, усаживая её на мигом освободившуюся скамейку. — Вы в безопасности. Вас никто не тронет.

Она садится, сжавшись в позе эмбриона. Её всю колотит.

11. Живые лоты

Двигатель почему-то затих. Гудения и свиста в ушах больше нет. Салон не качает.

«Мы приземлились?» — думает Наташа, оглядываясь. «Почему мы всё ещё в самолёте?

И почему темно? Мы стоим на полосе уже так давно, что стемнело?»

Она зажмуривается и проводит ладонями по лицу — ощущение странное, будто лицо чужое. Открыв глаза, она понимает, что уже не в самолёте. Вокруг большой тёмный зал.

Мабуши улыбается ей. Он рядом, в соседнем кресле.

У Наташи в памяти мелькают яркие вспышки. Взлёт, облака за окном. Кресло качает. Кожаный диван под спиной, тяжёлое тело сверху. Мужчина размеренно двигается в ней, перед глазами всё плывёт. Вкус сахарной пудры во рту.

Воспоминания ослепительны. Они все сверкают изумрудными искрами.

«Сколько времени прошло с того дня, когда мы были на яхте? Куда мы летели? Где мы сейчас?»

— Как ты, уже лучше? — спрашивает Мабуши. — Тебе стало плохо в самолёте — похоже, из-за перелёта. Вот, выпей.

Он протягивает бокал. Наташа начинает пить раньше, чем ей приходит в голову спросить, что в нём. Вкус странный, слегка отдаёт химией, как сироп от кашля.

По телу растекается лёгкость. В голове проясняется. Не нужно больше ни о чём думать. Провалы во времени, белые пятна в памяти — всё теперь кажется какой-то шуткой. Улыбка сама наползает на лицо. Наташа утирает вспотевший лоб, откидывает волосы и осматривается.

Зал, похоже, концертный. Они с Мабуши где-то на балконе. На других балконах, в полутьме, какие-то люди, их лиц не разобрать. Внизу закрытая бордовым занавесом сцена.

Ряды кресел внизу пусты. И слишком тихо для концерта.

— Сейчас начнётся, — Мабуши указывает вниз. — Смотри.

Включаются прожекторы, освещая сцену.

— Дамы и господа! — раздаётся из динамиков на весь зал. — Мы рады приветствовать вас. Аукцион объявляется открытым.

Не видно, откуда говорит ведущий. Похоже, с одного из балконов.

— По традиции, лоты объявляют сами владельцы. Прошу!

Зажигается слабый свет на одном из балконов. Лиц сидящих там людей по-прежнему не видно.

На сцене появляются двое мужчин в одинаковых брюках и рубашках. Они выводят под свет прожекторов девушку. На ней только трусики и лифчик. Они держат её под руки. Она заторможенно водит вокруг пьяными глазами.

— Лот первый, — грубый прокуренный голос принадлежит кому-то с освещённого балкона. — Двадцать лет. Родилась в Камеруне. Замужем не была. Закончила школу. Работала официанткой. Начальная цена триста тысяч.

— Триста двадцать, — произносит кто-то в свой микрофон с подсветкой.

Вспыхивает свет на балконах. Звучат суммы. Девушка пошатывается в мужских руках.

— Что это? — спрашивает Наташа. — Что происходит?

— Я состою в одной крупной организации, как ты знаешь, — говорит Мабуши. — Это часть нашего бизнеса.

— Вы продаёте людей?

Собственная реплика кажется Наташе нелепой. Ей едва удаётся подавить смешок.

— Люди всегда продают людей, милая, — доктор оглаживает бороду. — Здесь хотя бы сразу называют цену.

— Четыреста, — произносит кто-то.

— Продано! — прокуренный голос из динамиков оглашает свой вердикт.

Сцена покачивается у Наташи перед глазами. Другие люди выводят другую девушку. Зажигается свет на балконе напротив.

— Мы много чем занимаемся, — говорит Мабуши. — У нас так много интересов, что править всем одному не под силу. Нашей организацией управляют трое. Один — Джебхуз Надиви, продюсер и владелец клубов. Он большой ценитель женской красоты, и знает, как правильно показать её людям. И сделать доступной тем, кто готов заплатить.

— Он что, сутенёр? — Наташе это тоже кажется смешным. — Держит клубы для мужчин? Стриптиз и всякое такое?

— Это слишком грубые слова, — доктор глядит неодобрительно, и Наташа сразу перестаёт смеяться. — Но, надо признать, тяга к сексу — его слабость. Иногда мне кажется, что если его что-то и погубит, то это будет женщина.

— А остальные двое?

— Мистер Асаб занимается защитой наших интересов. Он человек жёсткий, решительный, и такая работа ему по вкусу. Если требуется силовое вмешательство, его люди сделают всё быстро, профессионально — и так, что все несколько раз подумают, прежде чем переходить нам дорогу.

— Мускулы Синдиката, — рассеянно произносит Наташа.

— Так было написано в ваших досье?

— Мне их не показывали. Просто говорили, что делать, и я делала.

— Теперь ты делаешь только то, что хочешь. Помни об этом. Я просто помогаю тебе понять, чего именно тебе хочется.

— А третий — ты?

Доктор кивает.

— Я занимаюсь планированием. Я достаточно сведущ в разных областях, и у меня большой жизненный опыт. Если продолжать анатомические аналогии, то Асаб — мускулы нашей организации, а я — её мозг.

— А двинутый на сексе Надиви — он тогда...

Наташа снова хихикает. Зал перед глазами плывёт. Доктор протягивает бокал, и она пьёт, не задавая вопросов.

— Надиви торгует сексом, сексуальностью. Асаб — оружием и смертью. Ну а я работаю с людьми. У меня это получается лучше всего. Я хорошо разбираюсь в людях. К каждому нужно подобрать свой ключ, и в этом мне нет равных.

У доктора гипнотический взгляд. Он кажется Наташе магом, недобрым, но знающим всё и обо всех. Он смотрит прямо в душу.

— Это, — он кивает на сцену, — лишь часть нашего бизнеса. И ты можешь тоже участвовать. Не только в роли моей спутницы. Ты можешь сделать больше.

— Я работаю на Агентство, — говорит Наташа. Слова даются с трудом.

— Но разве это имеет значение? Это было в прошлой жизни. Теперь у тебя есть другое — миллионы удовольствий, в которых ты себе так старательно отказывала. Ты всегда

подавляла себя — разве ты хоть когда-нибудь жила так ярко и полно, как в эти два дня со мной? И так может быть всегда.

Наташе кажется, будто это сон. Томный сон в жаркий полдень. Какая разница, что сказать во сне?

— Ты полностью свободна. Там, на яхте, у тебя был выбор, и ты выбрала свободу. Ты в любой момент можешь делать то, что захочешь.

— Я хочу, чтобы сон не кончился.

— Я даю тебе свободу. Настоящую свободу. Кто-нибудь когда-нибудь предлагал тебе такое?

Перед глазами у Наташи проплывают прозрачные картинки: детство под контролем родителей, учебка и служба в армии, приказы, распорядки, правила, правила, распорядки, приказы. В Агентстве рамки дозволенного лишь чуть-чуть шире, чем в учебке.

Картинки прошлого отчего-то присыпаны изумрудным порошком.

— А ещё я предлагаю тебе удовольствия, — шепчет вкрадчивый голос. — Такие, которых ты никогда не знала. Я вижу. Я знаю людей, и знаю толк в жизни.

Бокал снова полон. Наташа делает большой глоток. В горло вливается чистое наслаждение.

Зажигается свет на их балконе. Наташа подносит бокал к глазам, смотрит сквозь него на свет. Всё искрится и сверкает. Жидкость делает всё мутным и нечётким, обрывочным и несерьёзным. Настоящее — лишь череда обрывков, фрагментов времени. Каждый из них незначителен и не связан с остальными. Важно лишь удовольствие, которое можно извлечь из каждой отдельной минуты.

Она совсем не удивляется, когда Мабуши подносит ко рту микрофон.

— Следующий лот, — говорит он, — девушка двадцати пяти лет, прекрасный цветок из далёкой страны. Умная, красивая, спортивная. Приехала в Африку по работе и решила остаться. Стартовая цена шестьсот тысяч.

Наташа вздрагивает. Ей кажется, что сейчас под прицел прожекторов выведут её. Напряжение длится всего секунду, а потом наступает рассеянная апатия. Пусть делают что хотят. Ничто не имеет смысла. Есть лишь череда отдельных минут.

Наташа опускает взгляд на сцену, но там уже другая девушка. Она явно пьяна. Её поддерживают двое в брюках и красных рубашках.

Выключив микрофон, доктор поворачивается к Наташе.

— Величайшее удовольствие из всех — это власть над другим человеком. Давай, попробуй.

Он протягивает ей микрофон.

Наташа берёт микрофон и, не узнавая собственного голоса, произносит:

— Продано.

Что-то вдруг обрывается внутри — будто лопнули невидимые нити, удерживавшие сердце на месте, и оно полетело куда-то вниз, в страшную черноту. Наташа хватается за бокал и, захлёбываясь, пьёт до тех пор, пока пугающее чувство не растворяется в изумрудных грёзах.

12. Растоптанный фотоальбом

Бормотание телевизора перебито трелью звонка. Валери, не шевелясь, смотрит на телефон. Понятно, кто звонит. В настройках нет никакого специального сигнала для этого человека, его звонок звучит как и все остальные, но Валери его всегда узнаёт.

Она выдерживает пять секунд, чувствуя, как нервы превращаются в гудящие провода. Когда терпеть уже невозможно, Валери хватается телефон и отвечает.

— Алло. — её голос хриплый после долгого молчания.

— Приезжай ко мне. Чтоб через десять минут была тут.

Надиви сразу вешает трубку. Он явно не в духе. Наверно, сегодня будет груб. Но отказать нельзя. Нужно собираться, прыгать в машину и ехать.

Надо делать, что говорят.

Конечно. Через пару минут.

Валери сидит и смотрит на море. Она неподвижна, как в кататонии. Воспоминания накатили внезапно и парализовали.

Ещё в старших классах школы Валери начала сниматься для эротических журналов — ещё там, в Будапеште. Когда закончила школу, снялась в порно. Через три дня после первых съёмок об этом знали уже все её одноклассники. А к концу недели кто-то рассказал родителям.

Они поссорились так, что к утру Валери собрала вещи и ушла из дома. Больше она ни разу не возвращалась в родительский дом.

Родные перестали отвечать на звонки. И родители, и шестнадцатилетняя сестра тоже. Валери так и не сумела узнать, запретили ей или она так решила сама.

Через год самостоятельной жизни в Европе Валери переехала в Ревалию — для европейских студий она была одной из тысяч молодых актрис, а здесь её, белую, быстро заметили. Уже в Ревалии она основательно увязла в порнобизнесе. Снималась много — нужно же на что-то жить. На неё всегда был спрос. Она красива, профессионально работает, хорошо играет. Почему бы и нет?..

Воспоминания набегают волнами, но ни на лице, ни на теле Валери это никак не отражается.

В двадцать три года она попыталась порвать с порно и устроиться на обычную работу, но ничего не получилось. Её узнавали, даже если она пыталась скрыть, что снималась в порно, и отказывали. Лучшим шансом стала попытка поработать фотомodelью — удалось даже договориться с одной начинающей студией, но после первой же фотосессии Валери позвонил фотограф и испуганным голосом сказал, что их сотрудничество закончено.

Причин он не назвал. Но сразу после него позвонил Надиви и предложил вернуться в порно. Так что причины стремительного завершения карьеры фотомodelи можно было и не выяснять.

Валери всё не оставляла попыток устроиться хоть куда-нибудь, а он не переставал звонить. Звонил после каждого отказа. Звонил и писал до тех пор, пока она не исчерпала все варианты и снова не начала сниматься.

Он никогда её не бил. Просто принуждал делать то, чего он хочет. А когда она пыталась уйти, он раз за разом уничтожал все её возможности наладить другую жизнь.

Память — словно удар в солнечное сплетение, от которого не можешь дышать. Такой

внезапный. Такой неотвратимый.

Она свободна — её ведь никто не держит. Она может пойти куда угодно. Надиви просто сделал так, чтобы ей некуда было идти.

Валери встаёт, накидывает лёгкое платье и едет к нему.

Куратор тоже не заставлял работать на Агентство. Напротив, он сделал щедрое предложение: пока Валери остаётся его агентом, её семья в Будапеште будет под его опекой. Если у них возникнут трудности, он поможет — незаметно, так, что они не узнают, от кого пришла помощь. И если Надиви когда-нибудь задумает до них добраться, Куратор их защитит.

Они в безопасности, это главное. Со всем остальным она как-нибудь справится сама.

Захлопнув дверь машины, она уверенно шагает к особняку Надиви.

Надиви действительно груб. Грубее, чем обычно. Но он почти ничего не может. Вошёл в неё с трудом, и через минуту у него уже упал. Он разозлился ещё сильнее.

Валери минут пятнадцать старается, делая ему минет, но его пенис остаётся таким же вялым. Его лицо с левой стороны распухло, на скуле здоровенный желвак.

Надиви не смотрит на неё. Уставившись в сторону, он о чём-то напряжённо думает.

В конце концов он идёт к телевизору и включает какую-то запись — на ней здоровенный чёрный мужчина насилует девушку, закованную в наручники. Лицо Надиви нечасто попадает в кадр, но Валери сразу понимает, что это он.

Валери замирает, вглядываясь в экран. Девушка отворачивается от камеры, и её трудно рассмотреть из-за слёз и размазанной косметики, но Валери её узнает.

Разве можно не узнать ту, с кем выросла?

Это ведь она? Нет, не может быть. Как она здесь оказалась? Валери впивается взглядом в экран, ловя моменты, когда девушку можно разглядеть.

— Не отвлекайся ты, — недовольно произносит Надиви. — Работай давай.

Он берёт Валери за волосы и утыкает её лицом в свою промежность. Она послушно возвращается к его гениталиям.

Из телевизора несутся крики девушки, хлёткие звуки шлепков, довольное рычание насильника. У Надиви понемногу начинает вставать. Валери старается не показывать, насколько ей противно.

Ему звонят. Он хватает телефон, жестом веля Валери не прерываться.

— Девка в больнице «Святой Сальвадор», — звонящий говорит громко, видимо, стараясь перекричать какой-то шум. — Приехала туда на вашей машине, босс. Тачку мы забрали, с ней всё в порядке, скоро мы её вам...

— Хрен с ней, с тачкой! — орёт Надиви. — Девку мне привезите! Понял?

Он швыряет телефон на пол.

— Она у меня сдохнет, — говорит он сам себе. — Шкуру с неё сдеру. Кол в неё затолкаю. Загоню ей так, что из пасти торчать будет.

Он повторяет это раз за разом. С каждым словом его член всё больше твердеет.

Валери смотрит на Надиви, и от выражения его лица ей становится жутко.

Ему так и не удаётся кончить. Она работает ртом целых полчаса, но у него всё равно обмякает и съёживается.

— Проваливай, — тихо произносит Надиви. — Одевайся и вали. На сегодня всё.

Валери не решается даже пойти в душ. Она подхватывает одежду и выбегает, на ходу

утирая лицо. Ей страшно и противно.

Оказавшись в машине, Валери достаёт телефон, открывает список контактов и смотрит на фото, прикреплённое к одному из номеров. Фото заслоняет лицо девушки с видео, незнакомое и родное одновременно.

На этой записи ей столько же, сколько и тогда, когда они сделали последнюю фотографию для семейного альбома.

Разве это может быть она? Нет, исключено. И всё же...

Не решившись набрать номер, Валери убирает телефон и едет домой.

13. Ангел-хранитель с грязными крыльями

Внизу всё ещё больно. В первое время трудно было даже ходить. Теперь уже получше, но Агата избегает вставать с койки без необходимости.

Её положили в общей палате. Полицейские хотели, чтобы она дала показания прямо здесь, и пришлось просить их не проводить допрос на людях — хорошо ещё, что врач, позвонивший в полицию, согласился ненадолго уступить свой кабинет. Полицейские слушали её с видимой скукой, записывали через слово, пока Агата не упомянула Надиви.

Вот тут они сразу напряглись. И стали задавать вопросы. Но интересовали их не подробности, а то, была ли она после виллы где-то кроме больницы.

И ещё они очень хотели забрать камеру. Агата наотрез отказалась её отдавать.

Полицейские не позволили никуда позвонить, и явно обрадовались тому, что у Агаты нет телефона. Уходя, они оставили у палаты охрану в лице юного курсанта. С самого их ухода Агата гадает, поставили его охранять её или не дать ей уйти.

Бенуа не знает, что она здесь. Не знает, в какую беду она угодила. И не знает, что у неё есть доказательства на Надиви.

Нужно добраться до телефона. Нужно вернуться в свой номер и связаться с Бенуа. Рассказать ей всё. И тогда уже и Агентство, и Интерпол возьмутся за Надиви. Он сядет как минимум за изнасилование гражданки другого государства.

Но для этого нужно покинуть палату. Чистую, светлую, безопасную палату, где полно других людей, и куда постоянно заходят вежливые заботливые медсёстры.

Агата остаётся в койке. Под одеялом она прижимает к себе камеру.

Дежурящий у входа курсант вчера заходил. Приятный парень, совсем молодой, недавно из академии. Они чуть-чуть поболтали, и он пообещал, что теперь Агата в безопасности. Она сделала вид, что верит в него.

Никакой безопасности Агата не чувствует. Спит она отвратительно. Ей постоянно снится, что железная рука впивается ей сзади в шею и топит.

Когда в палату входят двое мужчин, Агата сразу понимает — они пришли к ней. Оба темнокожие, крепкие, в лёгких пиджаках, совсем не нужных в этот жаркий полдень. Полы пиджаков одинаково топорщатся слева, у подмышки.

Это не те, кто брал у Агаты показания. Эти ей сразу не нравятся.

Агата быстро делает несколько движений под одеялом. При этом смотрит она в лица мужчин в пиджаках — на психологических тренингах в Агентстве учили, что так можно спровоцировать ответный взгляд в глаза. Пусть смотрят на её лицо, а не на руки.

Мужчины становятся над койкой Агаты. Под их взглядами она замирает, как испуганная мышь.

— Агата Горак? — спрашивает тот, что повыше. Второй щерится, очевидно, пытаюсь изобразить дружелюбную улыбку.

Агата кивает, пытаюсь улыбнуться в ответ.

— Мы из центрального полицейского управления.

Высокий небрежно взмахивает удостоверением перед лицом у Агаты. Его напарник не сразу находит своё.

— Мы переводим вас в другую больницу, — говорит высокий. — Здесь сложно

обеспечивать вашу безопасность. Идёмте с нами.

Агата открывает рот, подыскивая слова. Мысли сверкают с быстротой молний.

— Меня ведь уже охраняют, — говорит она. — Этот курсант, Мирсо — он очень ответственный. Ни на минуту не отходит от меня. Я к нему привыкла. Он тоже поедет с нами?

— У Мирсо сегодня выходной, — говорит тот, что пониже.

— Он приболел, — добавляет высокий.

— Ясно, — тянет Агата. — Передайте ему, пусть поправляется.

Она старается не выдать волнения. Потому что курсанта у дверей зовут Талем, а не Мирсо.

— А может, я лучше останусь здесь? Понимаете, я в больнице в первый раз, и здесь мне всё нравится, а в новой больнице, может быть...

Высокий нетерпеливо перебивает:

— Понимаете, этот человек, который на вас напал, очень опасный тип. Вам нужна защита получше, чем парень у дверей. Вставайте, машина ждёт.

Пациенты замолкают, подозрительно косясь на высокого. Он смягчается и говорит уже тише:

— Мы вам поможем. Где ваши вещи?

— У меня ничего нет.

У Агаты правда ничего, кроме больничной робы на голое тело. Даже шорты у неё забрали как вещдок. Она встаёт и всовывает ноги в шлёпанцы.

— Ваша камера, — высокий протягивает руку. — Дайте её мне, и пойдёмте.

— Ничего, я сама, — Агата прижимает камеру к груди. — Знаете, мне надо в туалет.

— Нам нужно спешить.

— Я быстро! — нарочито громко говорит она. — Пожалуйста, мне очень надо!

Мужчины снова ловят на себе подозрительные взгляды пациентов.

— Хорошо, — хмурясь, говорит высокий. — Я вас провожу.

Они втроём выходят из палаты. Тот, что пониже, остаётся у дверей, а высокий идёт рядом с Агатой. Он чуть заметно улыбается, поняв, что они направляются в глухой коридор, выйти из которого можно только вернувшись к палате.

Агата уверенно шагает к двери в самом конце, туда, куда ведёт длинная очередь из женщин с полотенцами и тубиками шампуня в руках.

— Это душевая, — говорит её провожатый, когда они подходят к двери.

— Да, женский туалет на ремонте, а здесь есть биде, — врёт Агата, поворачивая дверную ручку.

— Знаете, будет лучше, если... — начинает фальшивый коп.

— Если зайдёте вместе со мной, то, боюсь, вас неправильно поймут, — Агата кивает на женщин в очереди.

Она уже собирается юркнуть в дверь, когда ей на плечо ложится тяжёлая рука.

Агата вся сжимается. На миг ей кажется, будто она захлёбывается в бассейне.

— Оставьте мне камеру, — говорит мужчина. — Вам с ней будет неудобно.

Он глядит на неё холодно, зло. Неизвестно, на что он готов пойти здесь, при свидетелях, но Агате не хочется это проверять.

— Да, конечно. — она нехотя отдаёт ему камеру.

— Я верну, как только вы выйдете, — он улыбается одними губами. — Я никуда не

уйду.

Агата входит в душевую. Там моются несколько женщин, и они оглядываются на Агату, когда та пробегает к окну и откидывает жалюзи. Ручки поддаются плохо, но, распахнув створку, Агата видит то, что искала — пожарную лестницу слева от окна. Схватившись рукой и поставив ногу на поперечину, Агата перескакивает на лестницу отработанным на альпинистской стене броском.

Здесь четвёртый этаж. Подворотня далеко внизу, и у Агаты на миг кружится голова от высоты. Но этот страх — ничто по сравнению с чувством невидимой руки на шее.

Она быстро спускается, держась за крашенный металл заостренными руками. Карту памяти, вынутую из камеры ещё в палате под одеялом, она держит в пересохших губах.

Хуже всего то, что она понятия не имеет, что будет делать, когда спустится.

Что хорошо в солнечных очках — не привлекая внимания окружающих, они позволяют изменить внешность. У Валери очки зеркальные, в половину лица. Она всегда надевает их, когда выезжает в город. Хотя бывает это редко. С каждым годом всё реже.

У больницы людно, и припарковаться было бы сложно, если бы Валери не приехала ещё на рассвете, когда здесь не было ещё никого. Ей удалось поставить свой синий седан у тротуара недалеко от входа. Отсюда отлично видны раздвижные стеклянные двери, автоматически расходящиеся и сходящиеся перед людьми, и большие белые буквы «Святой Сальвадор» над входом.

Никто не просил её приезжать. Не звонил ни продюсер, ни режиссёр, ни абонент без имени. Валери захотела это сделать сама — так сильно, что проснулась среди ночи, проспав всего пару часов. Впервые за долгое время появилось что-то такое, чего по-настоящему захотелось.

Только приехав к больнице, она поняла, что не придумала, что делать дальше. Ни Надиви, ни холуй, звонивший ему при Валери, не обмолвились о том, как зовут девушку с видео. Спрашивать в больнице о поступившей к ним жертве изнасилования глупо. Так можно лишь вызвать подозрения.

Валери ждёт, наблюдая за входом, изредка сигналив машинам, пытающимся припарковаться вторым рядом и заблокировать ей выезд. Радио, заменяя бормотание телевизора, выдаёт попеременно то слащавое пение, то натужно бодрые мелодии. Слушая манерных диджеев, старательно копирующих энергичную манеру своих американских коллег, сложно представить, что на западе Ревалии прямо сейчас идёт война. А сама Ревалия будто бы не входит в лидеры по уровню коррупции и организованной преступности.

Если бы Валери лет десять назад сказали, что она переедет сюда, она ответила бы, что никогда не совершит подобную глупость. Лет десять назад юная Валери Ремей ещё не знала, что значит плыть по течению. И не могла предположить, куда это течение может занести.

Что ещё там, в Будапеште, она придёт на фотосессию для эротического журнала к незнакомому фотографу. Что не сможет отказаться, когда фотограф будет настойчиво предлагать ей выпить, чтобы «раскрепоститься».

Что он соблазнит её прямо в студии. А потом покажет ей запись их секса, которую сделал втайне. И, шантажируя этой записью, наполовину уговорит, наполовину вынудит её сняться в порносцене.

Для многих всё начиналось с фотосессии. Или с кастинга в модельный бизнес. Или с предложения в художественной школе. Или с изнасилования.

А как заканчивается карьера порноактрисы? Одни тихо исчезают из информационного поля. Другие — и это редкость — используют свою скандальную популярность и становятся ведущими небольших ток-шоу, ведут блоги, стримят игры, в конце концов. Одна даже попыталась стать ди-джеем, но не взлетела.

Гораздо чаще актрисы взрослого кино скатываются либо в алкоголизм, либо в наркоманию. Или кончают жизнь самоубийством.

Валери кладёт затылок на подголовник и глядит на прохожих, прикрыв глаза. Огест Эймс. Шайла Стайлз. Скайлер ДеМалли. Юри Люв. А ещё раньше — Сюзанна Бриттон. Талия Джеймс, Клаудия Фьелерс, Линн Тарс, Камилла Де Кастро. Анджела Деви. Джулиет Джетт, Ева Люкс. Можно продолжать до самой Шоны Грант в тысяча девятьсот восемьдесят четвёртом.

Валери вдруг кажется, что за ней следят. Мужчина в облупленном корвете пристально смотрит на неё. Возможно, просто ещё один любитель порно.

Ему кто-то звонит. Он слушает несколько секунд, потом выпрыгивает из машины и бежит к больнице. Расталкивая санитаров, мужчина врывается в прозрачные двери и скрывается из вида.

То, что сейчас делает Валери, тоже можно назвать способом суицида. Может, поэтому она и приехала сюда — чтобы люди Надиви увидели её и что-то заподозрили. Чтобы схватили, отвезли в какой-нибудь подвал и там выдавили из неё то немногое, что она знает об Агентстве. И потом пустили пулю в лоб.

А может, дело в чём-то другом.

Девушка выбегает из подворотни на тротуар. На ней больничная роба и шлёпанцы. Она оглядывается по сторонам, крутя головой так, что собранные в хвост каштановые волосы хлещут её по спине. Валери вглядывается в её лицо, пока не узнаёт в ней ту самую, с видео в доме Надиви.

Это точно она. И как же она похожа на... Хотя у неё и другое лицо, она очень похожа на...

Валери не позволяет себе додумать эту мысль. Одно становится ясно — её сюда пригнало определённо не стремление покончить с собой.

Валери настежь распахивает пассажирскую дверь и машет девушке рукой.

— Эй, сюда! Садись!

Ей кажется, что её не слышно из-за уличного шума. А потом девушка поворачивается и смотрит Валери прямо в глаза.

У неё даже взгляд такой же.

Девушка со всех ног бросается к машине. Заскочив на сиденье, она захлопывает дверь и съёживается, съехав в ноги пассажирского места так, чтобы её не было видно снаружи. Валери давит на газ, и машина срывается с места.

В зеркале заднего вида она видит мужика из обшарпанного корвета. Он вертит головой, несколько секунд смотрит вслед её машине и отводит взгляд.

— Спасибо, — выдыхает девушка. — Вы меня спасли.

Она вглядывается в лицо Валери.

— Но кто вы, и почему помогаете мне?

— Не за что. Просто иногда нужно, чтобы тебя кто-то вытащил из дерьма.

Реплики отчего-то получаются короткими и грубыми. За это неудобно, но Валери ничего не может с собой поделать.

— Я Агата, — говорит девушка. — А как вас зовут?

Это не она. Надо помнить, что это не она.

— Не важно, как меня зовут.

Валери проскакивает перекрёсток уже на красный, и ей сигналият со всех сторон. Она улыбается так, будто сорвала шквал аплодисментов.

Странно. Валери раньше никогда так не водила. Возможно, стоит начать. От этого так сладко щемит в груди, что хочется петь.

А может, причина в другом.

— Я хотела бы вас отблагодарить, — говорит девушка. — Потом, как только смогу. Скажете ваш телефон? Я запомню...

— Я не даю свой номер при первой встрече.

Девушка, назвавшаяся Агатой, глядит на неё с мольбой. Она такая молодая. Такая хрупкая, такая незащищенная в этой больничной робе — сжалась на сиденье как потерявшийся ребёнок. Здесь, в машине, она в безопасности.

Она так похожа. Так похожа.

Вот откуда оно, это тепло в груди. Это забытое ощущение там, где уже давно лишь привычная пустота.

— Где ты живёшь? — спрашивает Валери.

— В отеле «Калипсо», — отвечает Агата, ловя её взгляд в зеркале.

Если уж взялась помогать, то останавливаться поздно.

14. Вкус новой жизни

Отель «Сан Дени» находится в самом центре города. Как всегда, в полдень здесь полно машин и прохожих.

В салоне вовсю работает климат-контроль, но Наташу всё равно душит жара.

— Мы отправили по шлюхе каждому мужику в этом отеле, — говорит угрюмый тип на переднем сиденье. — Дороговата затея.

— Не волнуйся, мой друг, — говорит Мабуши. — Всё окупится. С процентами.

— Я не виновата, что не знаю, в каком он номере, — произносит Наташа. — Они все переехали после того, как я... — она делает глубокий вдох, — после того как я перестала выходить на связь. Я бы вообще не знала, где они, если бы не успела прочитать их переписку, пока старший не заблокировал меня в мессенджере.

Её мутит. Во рту вкус порошка. Она будто с тяжёлого похмелья: бледная, слабая и вялая, с провалившимися глазами. Утром ей было противно смотреть на себя в зеркало.

— Никто тебя не винит, дорогая, — говорит Мабуши.

Некоторое время они ждут. У угрюмого звонит телефон. Несколько секунд он кого-то слушает и поворачивается к Мабуши.

— Одна из девочек только что вышла от мужика. Он подходит под описание, которое нам дала она.

Он кивает на Наташу. Ей нестерпимо хочется плюнуть прямо на пол.

Подъезжает фургон, взвизгнув тормозами. Двери распахиваются, и наружу высыпают одинаково одетые мужчины: чёрные брюки и свободные бордовые рубашки. Охранники доктора. Наташа постоянно видит их на вилле Мабуши.

У каждого из кобуры торчит «Глок», на плече «МП-5». Вооружение не хуже, чем у тактической группы.

У четверых, оставшихся в фургоне, автоматические винтовки, австрийские «Steyr AUG A3». Наташе удалось пострелять из такой в тренировочном лагере Агентства. Инструктор по стрельбе всегда хвалил её за меткость.

Эти тренировки негласно именовали «курсами для пташек». Кажется, будто это было очень давно.

Боевики Синдиката вооружились так, будто собрались брать отель штурмом. И они совсем не скрываются, стоят с автоматами прямо на тротуаре.

— Пошли, — говорит угрюмый и выходит из машины. Наташа, скривившись, выбирается вслед за ним. Мабуши остаётся в салоне.

Прохожие ахают и убираются с дороги. Никто не кричит, не поднимает шум. Мужчины поодаль отворачиваются, втянув голову в плечи. Прямо перед Наташей тучная женщина широко раскрывает рот и тут же захлопывает его ладонью.

Все понимают, что происходит. Все уже привыкли к виду вооружённых людей, и усвоили, что в их дела лучше не лезть.

Бандиты вместе с Наташей проходят к вестибюлю. Никакой паники. Позади всего лишь стало меньше городской суеты, меньше людей и разговоров.

Консьерж бледнеет, когда угрюмый подходит к нему. Тот бросает два неразличимых слова, и консьерж нервно подзывает испуганную горничную, семенит к доске с ключами и отдаёт ей один из них.

— Проводи в четырёхста восьмой, быстро!

У горничной подёргиваются плечи, когда она ведёт бандитов к лифту. Шагая за ней, Наташа чувствует острый запах её пота, перебивающий духи.

Наташу мутит всё сильнее с каждым этажом. Когда они останавливаются у дверей четырёхста восьмого номера, ей кажется, что её сейчас вырвет.

Консьержка открывает дверь номера. У неё дрожат руки.

Бандиты берут оружие наизготовку. У угрюмого и двух других пистолеты с глушителями. Консьержка хочет уйти, но угрюмый одними губами говорит «стой тут» и взглядом пригвождает её к стенке у двери.

У Наташи к горлу подкатывает огромный ком. Бандиты вваливаются в номер. Она входит вслед за ними.

На кровати никого, только смятые простыни в свежих влажных пятнах. В душе шумит вода. Краны закрываются. Шлёпают по кафелю босые пятки.

Бандиты занимают позиции, направив стволы на дверь ванной. Наташа оказывается зажата между плечами двоих, вставших у стены напротив.

Светловолосый крепкий мужчина выходит из ванной и замирает при виде бандитов. Он голый, мокрый после душа.

Его взгляд упирается в Наташу. В глазах сверкает вспышка узнавания.

— Это он, — выдавливает из себя Наташа.

Гремят выстрелы. Пули рвут тело Джеймса Хаггарта, он дёргается под свинцовым дождём. Всё длится не дольше двух секунд, но Наташе кажется, что прошли часы.

Она не может закрыть глаза. Лицо парализовано.

Изрешеченное тело падает на ковёр — ещё недавно такое крепкое, теперь оно похоже на скомканную бумажную скульптуру в алой краске. Вся стена позади пробита пулями и забрызгана кровью.

Не меняясь в лице, Наташа смотрит, как он умирает. Застывшие глаза уставились на неё. В них застыл один вопрос, который старший оперативник Хаггарт так и не успел задать.

«Почему?»

Ей нечего было бы ему сказать. И она не хочет думать над ответом.

Бандиты набрасываются на ноутбук и телефон убитого как шакалы на падаль. Похватав всё, они спешат к выходу. Наташа всё смотрит на труп Хаггарта, и угрюмый хватает её за локоть и тащит за собой. Она идёт, машинально переставляя ноги.

На выходе из отеля она выдёргивает локоть из его клешни. Наташа садится на своё место рядом с Мабуши, и машина трогается.

— Всё правильно, — говорит доктор. — Тебе нужно было это сделать. Чтобы начать новую жизнь, нужно порвать с прошлым.

Он ещё что-то вещает успокаивающим тоном, но она не слушает. У неё в ушах гремят выстрелы. Он гладит её по колену, но она не чувствует его руки.

— У тебя есть? — спрашивает она. Он кивает, лезет в карман и достаёт похожий на портсигар футляр с порошком и ложечкой внутри.

Во рту возникает желанный вкус. Он стирает оцепенение. Убирает гром выстрелов из ушей.

«Почему?» — спрашивают мёртвые глаза. «Почему?»

Когда они выезжают из города, Наташа уже перестаёт и искать ответ. Весь путь до виллы доктора её тошнит.

15. Секс-кукла своевольничает

Валери ещё раз перечитывает сообщение на дисплее. В салоне машины темно, и в свете телефона всё кажется сюрреалистичным, будто она смотрит странный фильм.

«Предложи Надиви сделку», — велят последние строчки от абонента без имени. «Со всеми гарантиями с нашей стороны. Результат сообщи мне».

Он всегда был для Валери таинственным. Загадочным, непредсказуемым. Она никогда его не видела. Даже в Агентство он завербовал её через своих агентов, и те никогда не называли его по имени. Он всегда был только Куратором.

После того как Валери согласилась работать на него, ей время от времени стали приходить сообщения с поручениями. Смысла большинства этих поручений она не понимала, и только чувствовала, что на время становится частью некой большой игры. И тогда в её жизни что-то появлялось. Хотя бы что-то. Именно из-за этого ощущения она и согласилась. И ещё ради гарантий для родителей и сестры.

Но сейчас задание почему-то неприятно. Что-то мутное колыхается на самом краю сознания, как масляное пятно в заводи — будто что-то неправильно, но никак не понять, что именно. Пытаясь уловить, в чём дело, Валери уже минут десять сидит в машине у дома Надиви, раз за разом пробегая глазами слова, такие простые и такие трудные.

Невозможно будет это произнести. Предложить ему такое. После всего, что он делал с ней. И с другими тоже. Это всё сойдёт ему с рук?..

...А почему должно быть иначе? Разве это её дело? Нужно просто выполнять. Делать, что говорят.

Собственное лицо в свете смартфона кажется ей ликом привидения. Банши — вроде бы так называются женщины-призраки, встреча с которыми сулит несчастье.

В детстве она смотрела фильм про них. Кажется, что это было в другой жизни. В общем, так и есть.

Убрав телефон, Валери выходит из машины и направляется к вилле. Чувство неправильности нарастает, будто она собирается сделать что-то грязное.

Нечто подобное было тогда, давно, перед первыми съёмками — когда она, студентка начальных курсов, вошла в комнатку, которую сняли на сутки, и там её уже ждал и сам режиссёр, и оператор с камерой, и совершенно незнакомый парень-иммигрант, голый и со стоячим болтом. А во второй раз было легче. А потом она уже и не чувствовала никакой грязи.

Сейчас Валери кажется, что она вот-вот окунётся в грязь с головой.

Она шагает по выложенной плиткой дорожке, как много раз до этого. Только сегодня Надиви её не приглашал. И на территории три незнакомых машины. И какие-то люди лениво прохаживаются между кустами.

Когда до дверей виллы остаётся несколько шагов, из темноты навстречу Валери выходят двое мужчин.

— Сегодня сюда нельзя, девушка, — говорит один.

У него на поясе кобура с пистолетом. Другой по-солдатски положил расслабленные запястья на висящий поперёк груди автомат.

У них бандитские рожи. Такие обычно кого-нибудь охраняют. Надиви охранников при себе никогда не держал.

— Меня пригласили, — произносит Валери. — Мне можно.

Говоривший недоверчиво хмыкает, оглядывая её.

— Я тебя знаю, — бросает он. — Ты Валери Стилл. Видел тебя в паре сцен.

— Хочешь автограф? — она смотрит на него в упор.

Они оба медлят. Валери думает, что будет, если они всё же решатся спросить у Надиви, действительно ли он её пригласил.

— Может, обобщем её? — предлагает тот, что с автоматом, раздвигая Валери взглядом.

— А ты всегда лапаешь вещи босса без спроса? — спрашивает она.

Автоматчик недовольно кривится. Они оба отступают.

— Проходи, — тот, что с пистолетом, машет ладонью в сторону виллы.

Валери идёт к двери. Она чувствует выступивший на шее пот, но при этом нет никакой нервозности. Но непонятное ощущение не ослабевает.

В холле никого нет, свет погашен. Валери останавливается, едва войдя, и осматривается. Дверь в гостиную открыта, там видно сверкание телеэкрана и слышны приглушённые звуки. Прислушавшись, Валери различает сдавленные женские стоны. Будто бы в гостиной кто-то смотрит жестокий фильм.

Она осторожно снимает туфли, берёт их в руку и босиком идёт к гостиной.

Надиви там, сидит за столом. С ним ещё один мужчина: незнакомый, холёный, с ухоженным лицом. Клиновидная бородка, усики как ниточка, тонкие черты придают ему сходство с испанским дворянином с обложки женского романа. Они оба уставились в телевизор.

Творящееся на экране Валери узнаёт с одного взгляда. На видео Надиви насилует ту девушку, Агату. Крики, плач, мерзкое рычание режут уши, бьют по нервам. У Валери подкатывает к горлу огромный ком.

Мужчины смотрят молча, не отрываясь. Холёный до самого конца ролика одобрительно кивает.

— Недурно, — произносит он. — Значит, она ускользнула?

— Мои идиоты упустили её в больнице, — буркает Надиви. — Они говорят, ей кто-то помог. Её ждала машина. Они даже не запомнили номера. Дебилы.

— Не вини их. Эта девка не так проста. Твоё лицо не даст соврать.

Надиви кривится и трёт скулу. Холёный мужчина улыбается, став таким обаятельным, что не верится, будто это он только что хвалил видео с изнасилованием.

— Я с ней поквитаюсь, — говорит Надиви, глядя перед собой. — Когда я её найду, она мне за всё ответит.

— Как ты собираешься это сделать? — спрашивает незнакомец.

— Что? — Надиви поворачивается к нему. — О чём ты?

— Как ты собираешься с ней поступить? На твоём месте я бы выбрал для неё что-нибудь изощрённое и болезненное. Так как ты думаешь это сделать?

У холёного такой будничным тон, будто он обсуждает способ приготовления стейка. Надиви смотрит недоумённо, потом хмурится и отводит взгляд.

— Да я как-то не думал... Ещё не решил, что именно я с ней...

Незнакомец берёт со стола пузатый бокал и делает глоток.

— Я кое-что предложу. Знаешь, была одна дама, которая меня очень разочаровала. Я был так расстроен, что поставил две машины рядом друг с другом, привязал её правую ногу к одной, а левую — к другой. А потом одна машина поехала на север, а другая на юг.

Он отпивает ещё и смакует, прежде чем проглотить. Надиви смотрит на него, хлопая глазами.

— Ну я даже не знаю...

— Нет-нет, я не настаиваю. Можешь придумать что-то своё. Но о моём предложении подумай. — он улыбается с аристократической сдержанностью. — Её не сразу разорвало. Ребятам за рулём пришлось подавить на газ, так что она успела испытать массу ощущений. И кровь ударила фонтаном — это было впечатляюще. Лично я люблю, когда много крови. Но это уже дело вкуса.

Надиви молчит, уставившись перед собой и потирая скулу. Холёный глядит на него.

— Тех, кто тебя задел, нужно наказывать, — говорит он. — Болезненно и страшно. Только так.

Надиви долго думает. А потом его губы растягиваются в жуткой усмешке.

— Знаешь, а мне нравится этот вариант.

— Я в тебе не сомневался. Мы с тобой похожи. Именно поэтому мы и работаем вместе.

Надиви усмехается и салютует бокалом собеседнику. Они оба смеются и пьют. Жидкость в бокалах темна, свет экрана придаёт ей багровый оттенок. Валери кажется, будто она попала на пир двух упырей.

Она на цыпочках пятится от двери. Ей холодно, будто она голой выскочила на мороз.

Валери как можно тише закрывает за собой входную дверь. Обуться она решается только снаружи.

— Так быстро? — недоверчиво тянет охранник. — С чего это?

— Хочешь спросить у босса, почему он такой скорострел? — спрашивает Валери. — Валяй. Только не удивляйся, если в следующий раз он отымеет уже тебя.

Охранник ругается себе под нос. Его напарник ржёт.

— Острая она на язык, — говорит он.

— Рот у неё разработан ещё как, — недовольно тянет первый. — Я тебе скину пару видосов, её там так...

Валери ускоряет шаг и уже не слышит завершения фразы. Сев в машину, она достаёт телефон, находит сообщение с заданием и быстро пишет ответ Куратору.

«Надиви отказался. Выслушал меня и отказался. Он не согласится. Уверена на сто процентов. На сотрудничество с ним можно не рассчитывать».

Отправив сообщение, она тихо отъезжает от виллы. Оказавшись достаточно далеко, чтобы её нельзя было услышать, она набирает скорость, стремясь убраться как можно дальше от виллы.

На ходу Валери открывает список контактов. Твердя себе, что это не она, что это точно не она, что она в безопасности, дома, с родителями, в Будапеште, нажимает кнопку вызова. Слушает долгие гудки.

Ей всегда казалось, что у гудков особенный звук, если звонить в Европу.

— Абонент не отвечает, — проговаривает автоответчик. — Если хотите оставить голосовое сообщение...

Валери бьёт по кнопке отмены и давит на газ.

16. Сокращение ресурсов

Лора Бенуа набирает номер Джеймса Хаггарта, старшего оперативника. Слушая длинные гудки, водит взглядом по стенам съёмной квартиры, будто ища на них ответ. Дождавшись обрыва вызова, снова набирает его номер — уже в четвёртый раз подряд.

Что-то точно не так. Бенуа нутром чувствует — ситуация выходит из-под контроля. Хаггарт не отвечает. Совсем недавно так было и с новенькой, Агатой Горак — она пропала больше чем на сутки, а потом, чуть не плача в трубку, рассказала, что Надиви её изнасиловал, что она угодила в больницу и только чудом ускользнула от людей Синдиката.

Но этой девочке хватило профессионализма, чтобы добыть доказательства на Надиви — видеозапись изнасилования, на которой он засветил своё лицо. Теперь есть законное основание взять его под стражу.

Только кто в Ревалии решится арестовать босса Синдиката? Точно не полиция. Можно сдать подонка Интерполу — они-то будут только благодарны за такой подарок.

Но тогда Надиви просто сядет за решётку, и всё. А он нужен Агентству для других целей. Неизвестно, для чего именно. Но задача такова: захватить Надиви, остальных двух боссов и передать их Агентству. Для чего? Видимо, руководство Агентства собирается задействовать их в иных планах. И в эти планы Лору Бенуа не посвящали.

Как бы там ни было, Бенуа передала запись изнасилования Горак Куратору. Он сам решит, как разыграть этот козырь.

Гудки тянутся мучительно. Нервы Бенуа натянуты как струны, и каждый протяжный сигнал — как капля раскалённого свинца, падающая на кожу.

Монотонные гудки прерывает трель входящего вызова. Звонит Куратор. Бенуа жмёт кнопку ответа, непроизвольно выпрямившись, как ученица перед вошедшим в класс учителем.

— Всё пошло не по плану, — говорит Куратор. — Сейчас у тебя будет обновлённая информация о контингенте. Ознакомься и перезвони мне.

Он отключается. Бенуа поворачивается к ноутбуку — там уже давно открыт список сотрудников Агентства, действующих в Ревалии. На экране завертелись песочные часы, обозначая актуализацию данных. Фотографии агентов и оперативников глядят на Бенуа. Светятся строчки имён и статусов, ссылки на досье.

Когда обновление завершается, у Бенуа глаза лезут на лоб.

Имя «Джеймс Хаггарт» теперь отмечено красным. В скобках мелким шрифтом: «погиб при исполнении». Имя оперативницы Анны Косевич тоже помечено красным. Ещё одна, Наталья Николаева, числится пропавшей.

Едва не уронив телефон, Бенуа набирает номер Куратора.

— Их уничтожили за последние двое суток, — говорит он, не дожидаясь её вопросов. — Факт смерти удалось подтвердить только двадцать минут назад. Отправить подкрепление сейчас невозможно. Тебе придётся работать с теми, кто есть.

— Слишком большие потери, — мгновенно охрипнув, говорит Бенуа. — Нужно свернуть операцию. Перегруппироваться и начать заново...

— Сворачиваться нельзя, — резко обрубает Куратор. — Ты будешь работать с теми, кто есть.

Бенуа вздрагивает, будто её ударили. Куратор тут же смягчается.

— Учись. Ведь со временем ты займёшь моё место. Об этом говорят все, включая моего начальника. Сложные условия — это возможность проявить себя. Воспользуйся ею.

Она делает глубокий вдох. Слухи о туманных перспективах карьерного роста Лоры Бенуа только что получили подтверждение.

— Вас поняла. Продолжаю выполнять задание. Позвоню сразу же, как только разработаю новый план.

— Отлично. Меньшего я от тебя и не ожидал.

Он завершает вызов. Бенуа ещё некоторое время стоит с телефоном в руках, глядя на ноутбук. В ушах всё ещё звучат одобрительные слова Куратора.

Проблема — это возможность. Если удастся успешно завершить операцию в Ревалии, Лора Бенуа станет самым молодым Куратором за всю историю Агентства.

Сделав несколько дыхательных упражнений, помогающих обуздать эмоции, Бенуа отводит волосы за уши, садится за стол и ставит перед собой ноутбук. Она разглядывает список сотрудников уже иначе, постепенно начиная рассуждать как руководитель. Люди превращаются в штатные единицы. Гибель сотрудников становится всего лишь вводной в управленческой задаче: как наилучшим образом распорядиться оставшимися человеческими ресурсами.

Красным цветом не полыхают имена всего двух оперативников: Райя Табаро, Кирк Меррит. Бенуа берёт телефон и скупыми движениями отправляет каждому из них по сообщению с одинаковым текстом.

«Тебя раскрыли. Немедленно уезжай из отеля».

Бенуа в этом не уверена, но, скорее всего, так и есть. Двое бойцов погибли, одна пропала — противник наверняка знает и о Меррите, и о Табаро.

Отправив сообщение, она возвращается к изучению досье.

Куратор делает плоток кофе и несколько секунд наслаждается тонким вкусом. На большом мониторе алеют имена оперативников, погибших в Ревалии. Глядя на них, Куратор удовлетворённо кивает.

В квартире полутьма, света ровно столько, сколько нужно для работы в ночные часы. Обустривая интерьер, Куратор особое внимание уделил тому, каким должно быть освещение. Теперь в кабинете идеальные условия для размышлений.

Отставив чашку, он берётся за мышку и открывает папку с тремя досье.

Мабуши. Надиви. Асаб. Триумвират Синдиката прямо здесь, как на ладони. Куратор погружается в свои мысли, параллельно пробегая взглядом строчки досье.

Джебхуз Надиви. Тридцать шесть лет, родился в Ревалии. В Синдикате курирует проституцию и порнографию. Держит ночные клубы. Любит бывать на съёмках, в клубах. Принуждает актрис к сексу.

В молодости отсидел за совращение малолетней. Выйдя на свободу, стал интересоваться женщинами ещё более активно, чем до срока. Как и раньше, дойдя до этого места в досье, Куратор про себя предполагает, что Надиви в тюрьме изнасиловали. Вся его сексуальная гиперактивность очень похожа на попытку скомпенсировать частичную утрату мужественности. И постоянные тренировки, накачка мышц также соответствуют этому предположению.

С другой стороны, фактов, подтверждающих это предположение, нет. Возможно, их нет потому, что Надиви приложил все усилия, чтобы скрыть свой позор. Так или иначе, он

явный и очевидный сексоголик. Это его слабое место.

Анехави Мабуши. Ему пятьдесят один год. Родом из Камеруна.

Имеет степень доктора психологии, учился в Европе. В нескольких странах Европы находится в розыске за мошенничество на миллионы долларов. Дважды был арестован во Франции и один раз в Италии — каждый раз по подозрению, опять же, в мошенничестве, но во всех случаях его отпускали за недостаточностью улик.

Обладает дьявольским магнетизмом. Владеет способами внушения на грани гипноза. Отменное для его возраста здоровье.

Несколько лет прожил в Индии, где увлёкся медитацией и тантрическими практиками. И пристрастился к наркотикам — в основном к кокаину и его производным.

Много путешествует — как правило, арендует самолёты. Его всегда сопровождают женщины, его редко можно увидеть в одиночестве. По неподтверждённым данным, несколько спутниц доктора постоянно живут на его вилле.

Предположительно связан со случаями гибели женщин в этих местах — их тела выносило на берег недалеко от его виллы. При этом на телах нет следов насильственной смерти. Доказательств его причастности ни к одной из смертей выявить не удалось.

Обожает демонстрировать свой высокий уровень интеллекта. Возможно, его слабое место в этом. Или в женщинах, которые его окружают.

Габриэль Асаб. Тридцать восемь лет, родился в Сербии. Настоящее имя — Милош Тодошевиц. Мускулы Синдиката.

Именно боевики Асаба составляют костяк Синдиката — проводят силовые операции, занимаются рэкетом, рейдерскими захватами. Терроризируют население Ревалии.

Асаб появился в Ревалии пятнадцать лет назад — вероятно, сбежал от уголовного преследования в родной Сербии. В Ревалии прибил к Синдикату и быстро сделал карьеру. Действовал смело, дерзко, жестоко, и этим заработал авторитет. В конце концов он обвинил своего стареющего босса в сотрудничестве с полицией и начал внутри Синдиката войну. На его сторону встало большинство, и прежний босс погиб вместе со своими немногочисленными сторонниками. Асаб занял его место.

Торговля оружием — в настоящее время основной интерес Асаба.

Информации о нём мало. Известно, что, сделавшись боссом, Асаб стал вести едва ли не затворнический образ жизни, лишь изредка показываясь на важных встречах. И что он патологически жесток. Его авторитет во многом держится на страхе.

Куратор хмурится, задумчиво потирая подбородок.

Не ясно, кто такой Габриэль Асаб. Чего от него можно ожидать. В его окружении нет ни одного информатора Агентства.

Нужно отправить к нему человека. Нужна ясность.

С остальными двумя всё куда более понятно.

Мабуши — умный манипулятор, знаток психологии. Не случайно Наташа Николаева так легко попала под его контроль. Но вера в собственный ум сыграла против него — он подпустил к себе человека из Агентства. Через Наташу можно будет с ним работать.

Единственная проблема — Николаева начала пропускать звонки Куратора. А когда всё же отвечает, то кажется, будто она всё время пьяна. Возможно, на начальных этапах психологической обработки Мабуши держит своих новых спутниц на наркотиках, и дело в этом. А может...

Куратор берёт телефон и звонит Наташе. Снова долгие гудки. Снова нет ответа.

Как бы там ни было, доктора Мабуши в Синдикате знают и уважают. Он — ценная фигура в большой игре, которая сейчас идёт в Ревалии.

А вот что касается Надиви...

Куратор возвращается к досье Надиви и изучает его более тщательно. Раздумывает, соединив кончики пальцев, наклонив голову с аккуратным зачёсом.

«Кто ты, Джебхуз Надиви? Сутенёр, порнограф, секс-маньяк, насильник? Или будущий глава Синдиката?»

Способен ли ты стать ферзём? Или ты не более чем ладья, прямолинейная до тупости?»

Куратор качает головой.

«Не ферзь. Из вас троих на роль ферзя ты подходишь меньше всех».

Кивнув самому себе, Куратор решительными движениями создаёт письмо нужному человеку в Интерполе, подцепляет курсором всю папку с досье Джебхуза Надиви, помещает её в письмо и отправляет. Так гроссмейстер скидывает с доски фигуру, которая начала мешать.

В рабочей папке остаются только досье на Мабуши и на Асаба. Оба глядят на Куратора с фотографий. Доктор, худой и чёрный, смотрит взглядом недоброго мага. Асаб непроницаем — высокие скулы, бородка клином, тонкие усы. Лицо испанского аристократа.

До глубокой ночи Куратор внимательно изучает их дела.

17. Спасение активов

«Тебя раскрыли. Немедленно уезжай из отеля».

Кирк Меррит читает сообщение, сидя на кровати в одних трусах. С самого прилёта он изнывает от жары, не ослабевающей даже в этот поздний час. В комнате нет кондиционера, но Кирк сознательно выбрал себе маленькую гостиницу на окраине, отказавшись от комфорта фешенебельных отелей.

Он хмурится, глядя на имя отправителя: Бенуа, а не Хаггарт, как полагается по цепочке командования.

Бросив телефон на кровать, Кирк быстро одевается. Подхватывает сумку, которую не стал разбирать с самого заезда, вынимает из-под подушки бесшумный пистолет — небольшой, предназначенный для скрытого ношения, — и не глядя суёт его в кобуру под мышкой. Накинув свободную рубашку с серо-голубыми пальмами, он выходит из номера.

«Немедленно уезжай из отеля», — читает Райя Табаро, держа телефон мокрой после душа рукой.

Не одеваясь, она выбегает в комнату и начинает запихивать вещи в сумку. Она так спешит, что заканчивает раньше, чем успевает обсохнуть. На самый верх сумки кладёт пистолет с глушителем и застёгивает молнию до середины, так, чтобы до рукоятки можно было дотянуться одним движением.

Надев трусики, лёгкую юбку и свободную блузку прямо на голое тело, она останавливается у двери и несколько секунд осматривает коридор в дверной глазок. Убедившись, что за её номером никто не следит, выходит, захлопнув за собой дверь, и стремительным шагом спускается в холл. Сумка висит у неё на плече, ладонь лежит у полурасстёгнутой молнии, рядом с пистолетной рукояткой.

— Вы выезжаете? — спрашивает сонная девушка на ресепшене.

— Нет, — не останавливаясь, отвечает Райя. — Я вернусь.

Ключи она не сдаёт, хотя знает, что уже сюда не вернётся.

18. Кто остался на доске

Бенуа ломает голову до самого утра. За окном уже рассвело, но спать она не может.

Из пяти бойцов в строю двое. Ещё одна оперативница не выходит на связь. И всего один агент — и та пережила нападение и не годится для полевой работы. Как такими силами можно взять трёх боссов ревалийского Синдиката?

Остекленевшими от усталости глазами Бенуа в сотый раз изучает досье.

Райя Табаро. Оперативница, возраст двадцать семь лет. Высокие навыки стрельбы и рукопашного боя, отличные отзывы тренеров. Послужной список краткий, но внушительный. Получила два дисциплинарных взыскания за непрофессиональное поведение с коллегами. Отличается развязным поведением.

Кирк Меррит. Оперативник, возраст тридцать лет. Стрельба и рукопашка не хуже, чем у Табаро. Родился в Канаде, рос в Гонконге. Участвовал в восьми боевых операциях. В одной отличился, выступив переговорщиком при освобождении заложников. С новой для себя задачей справился прекрасно.

Наталья Николаева. Стрельба и рукопашка на высоком уровне. Послужной список небогатый, но при этом уже две награды.

Родилась и выросла в России, в бедной семье. Родители военные: отец — прапорщик, мать — армейский психолог.

В досье особо отмечена её высокая лояльность Агентству, беспрекословное подчинение приказам.

Агата Горак. Агент. Её досье более подробное, как и бывает у сотрудников, занятых работой под прикрытием, с соответствующей психологической нагрузкой.

Ей двадцать три года. Родилась в Чехии. Оценки по стрельбе скверные, отзыв от инструктора по рукопашному бою, напротив, восторженный: «агент Горак превосходно владеет тхэквондо и джиу-джитсу».

Росла в хорошей семье. Закончила школу с отличием. После поступила в университет и уехала учиться в другой город. Вырвавшись из-под опеки родителей, пустилась во все тяжкие: клубы, алкоголь и прочее. Особенно увлеклась мужчинами. В результате бросила университет на третьем году обучения.

Покончив с учёбой, начала работать помощником тренера по тхэквондо. Там её заметили и завербовали в Агентство.

В беседах с психологом как причину работы в Агентстве Агата назвала желание служить родине и бороться с преступностью. Психолог же в заключении указал другие мотивы — он охарактеризовал Агату как скрытую нимфоманку.

«Агент Горак испытывает постоянную тягу к острым ощущениям, которую помогают удовлетворить секс и риск. При этом в опасных ситуациях она чувствует себя крайне уязвимой. Тяга к острым ощущениям в сочетании со страхом делает поведение агента Горак труднопредсказуемым».

Заключение психолога очень осторожное. Бенуа хмурится и трёт виски.

Почему Куратор назначил Агату Горак на эту операцию? Неопытная, с низким порогом стресса — очевидное слабое звено.

Хотя винить за то, что Агата отправилась на задание и оказалась в больнице, Бенуа может и себя. Ведь это она отдала приказ агенту Горак втереться в доверие к Надиви.

Бенуа усилием воли подавляет лишние мысли. Работа руководителя состоит в том, чтобы использовать людей так, как необходимо. Горак исполняла свою функцию, нравится это ей или нет. Горак не единственная, кому не повезло оказаться изнасилованной. Переживёт.

Через полминуты умственных упражнений Бенуа полностью убеждена, что сделала всё абсолютно правильно.

Список имён закончен. Вот всё, с чем придётся работать.

Обдумывая следующий шаг, Лора просматривает несколько переписок. Цели операции всё те же: захватить Надиви, Мабуши и Асаба. И обязательно живыми.

Когда план выкристаллизовывается в уме окончательно, она снова пишет Кирку Мерриту и Райе Табаро.

«Отправляйся в парк «Дельфин». Там жди дальнейших указаний».

19. Скрытые фигуры

Приняв после сна бодрящий душ, Куратор возвращается за компьютер и открывает ещё одну папку. В ней всего два досье.

Он знает их почти наизусть. В них много внимания уделено психологическим аспектам характеров. Сейчас они нужны ему в качестве фона — он проходит строчки взглядом, параллельно размышляя.

Валери Ремей. Двадцать семь лет, актриса порно. Снимается под псевдонимом Валери Стилл.

В Будапеште у неё осталась семья: мать, отец и младшая сестра. В первое время после переезда в Ревалию Валери звонила родным, но ни на её звонки, ни на сообщения они не ответили. Сейчас они не поддерживают контактов с Валери. Тем не менее, она время от времени пытается с ними связаться — как и ранее, безуспешно.

Именно через семью ею можно манипулировать. Обещания заботиться о родных хватило, чтобы Валери согласилась работать на Агентство.

Лисса Мисани. Двадцать один год, родилась в Ревалии, в бедном криминальном городке. Проститутка, работает в клубах, начинала на улице.

Отец болен, альцгеймер в последней стадии. Содержание отца в больнице Лисса оплачивает сама.

Образование — семь классов. Знания о жизни в других странах практически отсутствуют.

Досье скучное, но не потому, что о Лиссе Мисани чего-то не удалось выяснить — просто ни в её биографии, ни в характере нет ничего примечательного. Обычная девушка, в юном возрасте попавшая на панель и с тех пор тянущая унылое ярмо проститутки. Тривиально и даже скучно.

Ещё давно Куратор сделал от себя приписку прямо в досье: «Способ манипулирования: Лисса хочет вырваться из порочного круга бедности и проституции. Это желание приняло форму идеи уехать из Ревалии, чтобы в новой стране начать новую жизнь.

Восхищается Америкой, видит в ней рай на земле, но в действительности ничего о ней не знает».

Вот и весь резерв. Вот агенты, подотчётные лично Куратору; во всём Агентстве о них знают лишь единицы. Лоре Бенуа о них ничего не известно.

Куратор приглаживает волосы и улыбается своим мыслям. Пусть Бенуа разыгрывает свою партию — уже очевидно провальную. Когда ревалийская операция будет висеть на волоске, и в ЦРУ начнут рвать на себе волосы и обвинять Агентство в некомпетентности — вот тут он, Куратор, выйдет на первый план и всё спасёт. Задействовав скрытые ресурсы, исправив ошибки исполнителей на местах. Если операция в Ревалии и завершится успехом, то лишь благодаря его, Питера Бейли, усилиям и таланту.

Закончив разглядывать досье, Куратор звонит Лиссе Мисани.

20. Встретимся в парке

Сегодня ещё жарче, чем обычно. Кирк приехал в парк в десять утра, но солнце палило уже тогда. Он то и дело проводит ладонью ото лба к макушке, утирая пот и ероша короткие волосы, но это приносит лишь краткое облегчение.

Сейчас, в полдень, здесь настоящее пекло.

Людей в парке полно, что вполне ожидаемо для выходного дня. Кирку кажется, что толпа вокруг только повышает температуру. А вот местным, похоже, вполне комфортно.

Кирк на секунду со злорадством представляет, как бы они чувствовали себя зимой в его родной Канаде, но тут же обрывает эту мысль. Нечестно так думать о них.

В конце концов, в Тринидаде тоже было жарко. Только там ещё был бронежилет, и разгрузка, и шлем. И стреляли. И шарахало так, что не слышно было самого себя. Так что сейчас не стоит жаловаться.

Вокруг много зелени. Шум и весёлый детский визг доносится от аттракционов. Плывёт в воздухе музыка, журчит вода в фонтанах. Вкусно пахнет чем-то жареным, запах мешается с ароматами мороженого и здоровенных разноцветных помпонов сладкой ваты.

Кирк прогуливается по аллеям, стараясь держаться в тени. Чтобы как-то себя занять, он разглядывает женщин. Два раза с ним пытались познакомиться девушки, но он с вежливой улыбкой отказывался.

Его сейчас интересует одна вполне конкретная женщина. И пока её не видно.

Пистолет под мышкой нагрелся. От него ещё жарче.

Телефон в кармане штанов отрывисто пищит. На дисплее значок нового сообщения. Это та самая Бенуа, которая теперь отдаёт приказы вместо Хаггарта.

«Иди в кафе «Итако», — кратко велит текст. «Там встретишься с напарницей. Координаты места назначения вы получите после встречи».

В кафе почти никого, как и бывает в первой половине дня. Изредка кто-нибудь заглядывает, чтобы купить лимонад или сигареты. Клиенты обычно появляются к обеду. А вот уже к вечеру все столики будут заняты.

Поэтому сейчас хозяин кафе не спеша намывает бокалы, слушая любимую музыку. Хорошо здесь по утрам. Не то чтобы хозяин считал себя мизантропом, но собственное кафе «Итако» больше всего нравится ему пустым. Или если тут один-два клиента. И если они молодые и красивые.

Сегодня повезло. Одинокая женщина появилась рано утром, заняла лучший столик в тени, под ветвями. Смотреть на неё приятно.

Она спортивная, её кожа цвета кофе с молоком. Волосы вьющиеся и светлые, будто выгоревшие на солнце. Сидит в раскованной позе, закинув ногу на ногу, покачивая носком сандалии.

Отчего-то с первого взгляда в ней чувствуется внутренняя сила, свобода. Хозяин кафе вспоминает, как когда-то занимался фотографией, и ему очень хочется попросить у неё разрешения её сфотографировать. Может, он так и поступит.

Женщина ждёт, потягивая прохладный коктейль и лениво поглядывая по сторонам. Она здесь уже давно, и время от времени заказывает что-нибудь прохладительное. Присматривается к гуляющим, особенно к мужчинам. Похоже, ищет себе кавалера.

Время от времени она глядит на молодого мужчину со спортивной сумкой через плечо, прохаживающегося у кафе. Тот своей белой кожей выделяется среди всех. На нём свободная рубашка с голубыми пальмами. Ему явно жарко — он то и дело утирает пот, пытаясь спастись от жары.

Похоже, какой-то одинокий турист, пытающийся найти себе девушку.

Женщина за столиком смотрит на него так откровенно, что намёка не понял бы только слепой. Молодой мужчина твёрдым шагом подходит к ней и садится за её столик.

Это точно она, Райя Табаро. Фотографии в досье, которые Кирк видел, оказались довольно скверными. В жизни она куда ярче.

— Не помешаю? — спрашивает он, положив перед ней свой телефон, на котором открыт мессенджер Агентства.

— Я жду мужчину, — она рассматривает Кирка. — Как раз такого, как ты.

Райя показывает ему свой телефон. Кирк бросает взгляд на дисплей и кивает.

— Не люблю долгие прелюдии, — говорит Райя. — Поедем сразу. Ты на машине?

— Минут через десять буду на машине, — произносит он, приглядываясь к припаркованному авто.

— Возьми что-нибудь получше. Ехать нам далеко.

21. Путешествие в фильм

Вот это хоромы у этого Асаба! Много про него говорят, это да, но такого даже и не ожидаешь.

Одна эта прихожая чего стоит. Потолки высоченные, метра четыре, а места столько, что тут запросто поместится наша с отцом квартира. И всё деревом обделано, и стулья мягкие, с высокими спинками, будто троны.

Мне, впрочем, сесть не предлагают. Охранники Асаба, откормленные рожи, знают, что я проститутка, и относятся так же. Хотя у них, поди, ко всем женщинам такое отношение.

Обыскивают они тщательно. Хотя на мне платье в обтяжку — где бы я что спрятала? Моё самое лучшее, между прочим. Но они, само собой, не обыскивают, а просто лапают меня бесплатно.

Мордovorот с бородавками на лысине водит лапами мне по голой ляжке, поднимается до самого паха, суёт руки под короткий подол. Остальные только ухмыляются. Если б можно было меня трахнуть, так и трахнули бы прямо здесь.

— Ничего такая, — говорит один другому. — Фигурка, глазища...

— Люблю таких, шоколадных. Конфетка.

Знали бы они, сколько у меня бывает клиентов за один вечер в клубе. А уж когда работала на улице...

— Чисто, — говорит бородавчатый, отступая. — Нет у неё ничего. Если только в манде не спрятала.

Они ржут, став ещё мерзче. Хотя, казалось бы, куда уж ещё. Прогоготовавшись, остаются сидеть на местах. Двое у дверей не отходят, стоят там как два столба.

— Ну так я пойду, — киваю я на двери. — Сама найду, можете не провожать.

— Куда собралась? — спрашивает самый молодой, с нахальной моськой. — Господин Асаб сейчас занят. Подождёшь, пока он освободится.

И всё. И нет смысла им говорить, что мне встреча назначена. Что Асаб меня ждёт. Сидят и не собираются уступать место девушке.

Ну и ладно. Больно нужны мне их любезности. Постояю.

Они начинают рыться у себя в телефонах. Телефоны дорогие, и одеты эти бугаи как настоящие денди — костюмчики, туфли, только галстуков не хватает. И все при пушках. А в телефоны уставились, будто подростки. Мужики всегда так делают, когда им становится скучно.

Если для мужика ты и секс-кукла, и домработница — скорее всего, он твой муж.

Я их как следует изучила, мужиков-то. Моя работа к тому располагает. С ними просто: знаешь одного-двух — знаешь их всех.

Есть в моей профессии такая штука — общественные работы. Это когда тебя вызывает на квартиру один мужик, ты приезжаешь — а там целая толпа горилл со стояками. Мне один раз так не повезло. Прискакала на квартиру к одному клиенту, а там целых пятеро на меня одну. Трахали всю ночь, отпустили только утром — и то потому, что просто перепились и заснули, натрававшись. Сгрэбла я в горсть одежду, сумочку, и так голяком и выбежала на лестничную клетку. Оделась уже на ходу.

Так вот, они там разные были — и белые, и чёрные, и худые, и толстые, и с большими, и с маленькими. А все одинаковые. Все скоты.

И бывший мой сутенёр оказался не лучше — не приехал за мной, и ребят своих не послал, хотя они должны были страховать от таких подстав. Когда спросила, почему они так меня кинули, хотя берут деньги за защиту, получила кулаком в живот. Когда смогла снова нормально дышать, зареклась на них надеяться. И что-то у них спрашивать.

Да, берут деньги. Да, ни за что. А вот так — потому что могут. И ничего ты им не сделаешь, и не сбежишь от них. Потому что некуда.

Но они не совсем бездельники, это тоже надо признать. Был у меня такой случай: села к клиенту в машину, отъехали подальше, а он вместо того, чтобы снять штаны и дать мне поработать, достал нож и затолкал меня в багажник.

Вытащил меня уже в лесу. У двухэтажного коттеджа, аккуратненького такого. А внутри оказалось ещё шесть таких же бедняжек, как я. Все прикованы наручниками к трубе. И меня к ним прицепили.

А потом приказали нам работать. Разводили по комнатам, приказывали помыться и подкраситься, а потом пускали к нам клиентов. Я так поняла, брали с них недорого, а нам велели делать всё, что клиент скажет. Платить, конечно, не платили. И кормили чем попало.

Четыре дня я там провела. Чего только не было — и одна на двоих, и одна на троих, и две на одного, и много на много. И даже видео снимал кто-то. А ночью проснулась от того, что стреляют. Нашли меня сутенёр с ребятами. И всех нас оттуда вытащили — и меня, и остальных девчонок. А подонков этих там положили. Некоторые уже на полу остывали, когда я выходила. А некоторых живыми поймали.

Я так поняла, меня и остальных девочек взяла какая-то новая банда — «Восточный квартал», вроде так они себя называли. Они, видно, решили отжать в городе проституточный бизнес. Только зря они с Синдикатом связались.

Их потом на мосту вывесили. В их же квартале, чтоб остальным неповадно было. Все порубленные, изуродованные. Тех, что в коттедже том живы остались, запытали до смерти.

Это ещё история со счастливым концом. Бывает и по-другому. Как с Аишей.

Появился у нас как-то странный клиент. Мы его называли «синий мини-вэн» — он на таком ездил. Ходили о нём всякие слухи: вроде, приезжал как все, снимает тебя, а потом везёт далеко, дальше, чем следует. А когда ему говоришь, что так нельзя, он предлагает тебе больше деньги, чтобы поехать к нему домой. А если отказываешься, он отвозит тебя обратно, туда, где снял, а по дороге просит у тебя номер телефона — мол, хочет позвонить и встретиться уже без сутенёра. И что тогда он заплатит прямо тебе, и никто не узнает.

Вообще, не он один до такой схемы додумался. Предлагают такое, бывает. Но этот, по слухам, был какой-то стрёмный. Что-то, мол, с ним не то. И не надо давать ему свой телефон. И встречаться с ним не стоит.

Помню, как у меня сердце в пятки улетело, когда Аиша мне рассказала, как её снял какой-то мутноватый тип, что приглашал к себе домой, а потом отвёз обратно. Я сразу поняла — это он, «синий минивэн» этот. А ещё страшней мне стало, когда она ляпнула, что собирается ему позвонить и обслужить «мимо кассы».

Я ей сразу сказала — не думай даже. Сотри его телефон. А если увидишь его — зови сутенёра. А она упёрлась — нет, мол, поеду к нему. Деньги нужны, а обещает он немало.

Всегда она такая была, с самого детства. Как вобьёт себе в голову что-нибудь — так её не отговоришь, хоть весь язык себе оттрепи. Нагнёт голову как бык, смотрит на тебя исподлобья и твердит своё. И в тот раз так же получилось.

А через день она пропала. Была — и нету. И не поделаешь ничего. Реви, не реви, всё без

толку.

Мужик этот странный ещё приезжал. Ездил, мразь, на нас поглядывал. Вытрясти бы из него всё, да только что ему сделаешь? Он же сильнее.

Так уж устроен мир. Они — в машинах, оценивают нас, развалившись в креслах. Мы — на панели, выстроились в ряд. Какая из нас им понравится, такую и купят. И сделают что захотят.

Полиция на него всё же вышла — иной раз и копы на что-то сгодятся. Правда, им просто повезло. Точнее, одной из девочек повезло спастись от этого маньяка.

Она потом уже рассказала, как всё было.

Приехала она к нему: обычный дом за городом, частный, с садиком. Он ей сначала рассказывал, что он охотник, показал трофеи свои, ружья всякие. А потом наставил на неё пистолет. И заставил выпить какую-то дрянь, от которой она вырубилась.

Очнулась она уже в лесу. Голая, руки связаны, на глазах повязка. Этот урод сидел рядом — ждал, пока она придёт в себя. Ткнул её ружьём и сказал «беги».

Она рванула через лес. Натыкалась на деревья, падала. Он по ней стрелял, как будто она животное. У неё получилось кое-как стянуть повязку, и когда она стала хоть чуть-чуть видеть, то понеслась так, что ног не чувала. А он всё не отставал.

Ей повезло, что она услышала машины и смекнула, что рядом дорога. Видно, этот урод не стал завозить её глубоко в лес — может, времени не было, а может, поленился в этот раз. Девчонка выскочила на дорогу прямо под колёса грузовика. Водитель её подобрал и отвёз прямо в участок.

Она и привела копов к дому этого скота. Только его там уже не было. Видно, собрался сразу и уехал. А когда полицейские прочесали лес, то нашли в неглубоких могилах семнадцать тел. Все девочки с панели. Все застрелены из охотничьего ружья. В одной из них опознали Аишу.

Та девочка, что спаслась, хотела нас предостеречь — потому всё нам и рассказала. А потом пошла к сутенёру и объявила, что бросает работу. Что, мол, с неё хватит — один раз чудом спаслась, второй раз испытывать судьбу ни к чему.

Отходили её так, что её потом месяц не видно было. А потом она вернулась на панель. Села на героин. Через год — смерть от передоза.

А урода этого так и не нашли. Он больше не показывался. Но до сих пор в каждой проезжающей машине я вижу его. И ничего не могу сделать.

А что я могу? Защитить подругу детства? Захотят — увезут и пристрелят в лесу. Об отце позаботиться? Ну разве что. Только на это у меня денег и хватает.

Но если всё получится... Если этот Куратор окажется не как все, а порядочным... Тогда — Америка. Там всё будет хорошо. Уж я-то знаю. Я жизнь повидала.

— Иди за мной, — бородавчатый мордоворот встаёт и направляется к дверям. Подпиравшая косяки парочка расступается, и мы вместе с бородавочником выходим к длинной террасе.

Вот это да. Колонны, лепнина, всё из белого камня, будто в церкви. Виден огромный двор с зелёной травкой, с оградками, с фонтанами. Королевский дворец, а не вилла. Красотища как в кино. Раскрыла я глаза, разинула рот, да так и шла за мордоворотом, пока он не привёл меня прозрачным дверям.

Внутри оказался бассейн метров на сто, наверно. Половина крыши стеклянная, поэтому светло, но совсем не жарко. Всё чистенькое, всё сверкает — иначе тут, видно, и быть не

может.

На солнышке в шезлонге греется белый мужчина в плавках. Бородавочник подводит меня к нему.

— Это она, господин Асаб.

Мужчина кивает мордovorоту, и тот, аж поклонившись, пятится назад и уходит. Мужчина пару секунд меня рассматривает. Я тоже гляжу на него.

Ухоженный. Чёрная бородка, тонкие усы. Тело как у атлета, сухое, ни грамма жира — сразу видно, следит за собой. Изящные черты лица, твёрдый взгляд. Настоящий аристократ.

— Меня зовут Габриэль Асаб, — говорит он.

Голос у него приятный. Я даже не сразу понимаю, что мне тоже надо представиться.

— Я Лисса Мисани.

— Садитесь, Лисса, — он изящным жестом указывает на пустой шезлонг напротив. Я сажусь, отчего-то сжав коленки. Моё лучшее платье теперь кажется мне безвкусным тряпьем.

— Вы хотели поговорить со мной, Лисса. Я бы сказал, даже настаивали на личной встрече.

— Да, простите, я... Мне пришлось так сделать, прошу извинить мою упёртость...

Мне так неудобно, что аж все слова из головы вылетели. Я набивалась к нему на встречу, словно он звезда кино. Он правда похож на актёра из самых лучших фильмов.

— Меня послал к вам один человек. У него есть для вас очень важное предложение.

— Почему вы не передали его через вашего начальника, господина Надиви?

— Мне сказали сказать... передать именно вам. Лично. Никто другой не должен знать.

— Субординацию следует соблюдать. Но раз уж вы здесь, Лисса — я вас слушаю.

— С вами хочет поговорить один очень важный человек.

Перестав ломать себе язык, я набираю номер и протягиваю Асабу свой телефон. Он смотрит на него с подозрением.

— Положите на стол, пожалуйста, — он кивает на прозрачный кофейный столик в метре от себя. — Включите громкую связь.

Тянутся гудки, отражаясь от воды. Куратор ответит. Я знаю, что ответит. Он обещал, а он как раз из тех немногих, кто всегда держит слово.

— Здравствуйте, господин Тодошевиц. Милош Тодошевиц, я ведь прав?

Асаб мрачнеет. Теперь он смотрит только на телефон.

— Вы ошиблись, — говорит он.

— Простите, но я не ошибаюсь. Но вам не о чем волноваться. И извините меня за бестактность. Я буду называть вас Габриэлем Асабом — насколько я знаю, после отъезда из родной Сербии вы предпочитаете это имя.

— Кто вы?

— Это не имеет значения. Время дорого, не будем тратить его на вопросы, которые мы не будем обсуждать. У меня для вас предложение.

Асаб глядит на меня. Глаза у него теперь холодные, как у змеи.

— Выйди, — говорит он.

— Сразу хочу оговорить один важный момент, — произносит голос из телефона. — Эта женщина под моей защитой. С ней ничего не должно случиться. Она важна для организации, которую я представляю.

От слов Куратора становится теплее на душе. Взгляд Асаба уже не так давит.

— Мы друг друга поняли, господин Асаб? — спрашивает Куратор. — Я могу продолжать?

— Я слушаю, — после паузы цедит Асаб.

— Я хотел бы перейти на сербский, — произносит Куратор. — Мне говорили, я вполне сносно владею вашим родным языком.

Асаб в ответ произносит короткое странное слово. Оно звучит утвердительно.

Куратор начинает говорить. Асаб слушает, изредка вставляя пару слов. Я ни слова не понимаю и только слушаю голос Куратора, этот его лёгкий акцент, благородный, от которого мне вспоминаются старые фильмы с Аленом Делоном.

Это голос из далёкой прекрасной страны. Там солнце, свет и никакой грязи. Все добрые, воспитанные, обходительные.

Я никогда не видела Куратора. Всегда только по телефону с ним говорила. Но он мне сразу понравился, ещё в самый первый наш разговор, когда он подтвердил всё, что обещала та женщина, что пришла ко мне в камеру, когда копы меня загребли за проституцию. Сказал, что вытащит меня, если я соглашусь работать на какое-то Агентство.

До сих пор не знаю, что это. И кто там ещё работает. Видно, секретная организация.

И потом он просто звонил мне и говорил, что делать. Лица его я никогда не видела, но часто представляла, как он выглядит: солидный и представительный мужчина, умеющий держаться с достоинством. С изысканными манерами, но без выпендрёжа. И он наверняка пахнет дорогим одеколоном, хорошим таким, ненавязчивым. И он обходительный с женщинами, и уважительный, и не унижает, и не ведёт себя как самец.

Наверно, их там много таких, в Америке. Или в Европе. Или где он там есть. Не важно — он обещал мне Америку. Если я буду делать, что он скажет.

— Спасибо за внимание, господин Асаб, — произносит Куратор уже на понятном языке. — Жду вашего решения.

Пищит сигнал, а потом становится тихо. Слышно, как вода плещется в бассейне. Асаб ещё долго сидит, молча уставившись перед собой. Он уже не улыбается.

— Ему нужно что-то передать? — спрашивая я несмело.

На лбу Асаба прорезается глубокая морщина. Он всё молчит, будто не услышал. Я не решаюсь спросить ещё раз.

Наконец он говорит:

— Передай ему, что я подумаю.

22. Искра и снеговик

Дорога пуста, хоть солнце едва прошло зенит, и погода прекрасная. Кирку легко вести машину. Уезжая из города, он всё поглядывал в зеркала заднего вида, высматривая полицейские авто, но сейчас там лишь длинная полоса шоссе. Похоже, угон седана, ставшего их с Райей добычей, правоохранителей не очень заинтересовал.

Вряд ли впереди будут посты дорожной полиции. Здесь больше не ездят. Мало кому хочется попасть туда, на границу Угенской провинции. Там сейчас горячая точка. То сепаратисты, то ревалийская армия устраивают диверсии, засылают вооружённые группы, проводят военные акции.

Идеальное место, чтобы незаметно ввезти в страну оружие. И чтобы передать его двум оперативникам.

В парке Кирк угнал серый седан с плохой сигнализацией, далеко не новый, но ухоженный. Двигатель работает исправно, машину мягко покачивает на ямах, нигде ничего не стучит. Бак почти полный. Хватит и туда, и обратно.

За окном под жгучим солнцем раскинулись прерии. Земля на обочине сухая как пыль, она поднимается за машиной и быстро оседает. В салоне свежо благодаря кондиционеру. Кирк включил его, как только они тронулись.

Райя скидывает сандалии и задирает босые ноги на приборную панель.

— Убери, пожалуйста, — говорит Кирк.

— Это ведь не твоя машина, — Райя глядит на него. — Какая тебе разница?

— Убери ноги, пожалуйста. Это... некрасиво.

Она возмущённо хмыкает, снимает ноги с торпеды и поджимает босую пятку под себя. Лёгкая юбка сползает, открыв внутреннюю сторону бедра до самых трусиков.

— Так тоже некрасиво? — заманчиво низким тоном спрашивает она, глянув на него из-под прикрытых век.

Кирк переводит взгляд на дорогу.

— Я тебя смущаю? — спрашивает она.

— Вот ещё, — хмыкает он.

— У тебя что, комплексы?

— У меня — воспитание. А у тебя?

Она вспыхивает, но ничего не отвечает, а потом быстрым движением выключает кондиционер.

— Жарко, — говорит Кирк.

— Люблю жару, — говорит Райя.

Кирку уже через минуту становится душно. Он смотрит на кнопку кондиционера, на Райю и открывает окно. Горячий пыльный ветер тут же задувает ему в ухо, он одними губами ругается и с раздражением поднимает стекло до середины. Райя смотрит в окно, делая вид, что ничего не замечает. На её губах играет едва заметная улыбка.

Кирк берёт себя в руки и делает над собой усилие, успокаивая мысли. Вспоминая годы в Гонконге, он считает вдохи и выдохи, стараясь дышать реже и глубже. «Ум спокоен, как озеро в ясный день», — повторяет он про себя. «Ум спокоен, как озеро в ясный день».

Сознание очищается. Раздражение впитывается в пыль на обочине.

— Я родился в Канаде, — спокойно говорит он. — А рос в Гонконге. Родители туда

переехали из-за работы. Там в целом было хорошо, если бы не жара. Мне там всегда не хватало снега. А ты откуда?

— Отсюда. Почти. Из Алжира.

— Ты жила где-то ещё? Ты очень хорошо говоришь по-английски.

— Я посплю, — обрывает она.

Райя откидывает сиденье и ложится, раскинувшись настолько, насколько позволяет салон.

— Если захочешь, чтобы я тебя сменила, разбуди, — говорит она, не открывая глаз.

— Может, и разбужу. Мы приедем на место только к ночи.

Райя не отвечает. Она дышит ровно, её глаза под веками неподвижны.

Ведя машину, Кирк время от времени он смотрит на Райю, подолгу задерживая взгляд на её лице.

23. Тошнота

Снова аукцион. Наташа на балконе, сцена перед ней. В свете прожекторов девушка внизу беззащитна. Поднеся бинокль к глазам, Наташа-распорядительница рассматривает её оценивающим взглядом.

Наташа-на-сцене запрокидывает голову и, болезненно щурясь от света прожекторов, пытается рассмотреть девушку на балконе. Её лица не разобрать. Видно только, что у неё в руках бинокль.

За её спиной тёмный силуэт. Там мужчина в костюме, стоит в тени. Заметно только, что у него густые волосы. Всегда, когда она видела его, он выглядел так, будто только что вышел от лучшего парижского парикмахера.

Мужчина направляет руку Наташи-распорядительницы, и та подносит к губам микрофон. Он шепчет ей в ухо одно короткое слово, и она послушно повторяет:

— Продано.

Сжавшаяся на сцене Наташа-товар переводит взгляд на зал. Молчаливые люди в креслах смотрят вниз, на Наташу. У них всех одно лицо.

— Почему? — хрипят они в унисон. В ладони Наташи что-то тяжелеет, а когда она опускает глаза, то видит у себя в пальцах пистолет.

— Почему? — повторяют они. Наташа хочет ответить, но ей нечего сказать.

— Почему? — вопрошают мертвецы. Наташа поднимает руку, машинально целится и стреляет в Хаггарта. Слезы текут по её щекам и каплют с подбородка.

Она просыпается в слезах — уже в настоящих, не приснившихся — и долго сидит на кровати, прижав ладони к лицу и тяжело дыша. Ещё один кошмар. Теперь они снятся уже постоянно. Один и тот же сон, одни и те же лица.

Наташа встаёт и, не одевшись, идёт по вилле. Посреди большого зала постель, полная обнажённых тел. Женщины разные — белая, азиатка, мулатка. Среди них раскинулась чёрная фигура доктора Мабуши.

Сегодня Наташа не с ним. Но она бывала здесь уже много раз. Кажется правильным подойти и нырнуть в объятия атласных покрывал, к тёплым податливым телам. Кажется, что её место там.

Она провела здесь уже несколько дней. Невозможно сказать, сколько именно. Когда она пытается вспомнить, всё сливается в один калейдоскоп наслаждений, в бесконечную оргию и наркотический трип — всё вперемешку, всё сразу. Воспоминания обрывочные и все приторно-сладкие. От них становится тошно.

Всё так же, голой, она выходит на балкон. На воздухе холодно, вилла на скале, и от морского ветра зябко, но сейчас Наташе лучше так — холод хотя бы перебивает ощущение невидимой грязи на коже. Дремлют во мраке извилистые линии живых изгородей. В свете фонарей проплывают фигуры охранников. Кажется, будто их красные рубашки залиты кровью.

Наташа перепрыгивает через перила и босиком идёт по траве.

Ветер треплет ей волосы. Море шумит, волны разбиваются об утёс, близ которого доктор построил свою виллу. Наверное, скоро будет шторм.

Беседка на самом верху утёса, у обрыва. Ноги сами несут туда.

Внутри пахнет сигаретным дымом. Запах табака впитался в дерево навеса, его не

выгоняет даже ветер. Доски под босыми пятками грязные, но незримая грязь на коже куда противней. Наташа кладёт ладони на перила, наклоняется и вглядывается в бушующую бездну.

Волны налетают на утёс, разбиваются в пену. В воде кружится тело мужчины, пробитое пулями. Его лицо Наташа различает даже отсюда.

— Я хотела выйти из-под контроля, — тихо говорит она мёртвому Хаггарту. — Хотела быть собой, чтобы никто не приказывал. А попала из одних рук в другие. По-другому что, не бывает?

Она зажмуривается, подаётся вперёд и теряет равновесие. Под ногами больше нет досок — она летит. Через мгновение она врежется в воду. И, наконец, очистится.

Кто-то усмехается за спиной. Распахнув глаза, Наташа понимает, что всё ещё стоит, схватившись за перила. Обернувшись, она видит охранника в красной рубашке. Он, не скрываясь, разглядывает её.

— Ещё одна, — он равнодушно кивает.

— Что? — спрашивает она, не узнавая собственный голос. — О чём вы?

— Да ни о чём, — он рассеянно машет рукой. — Просто это мой пост. Повадились убиваться на этой скале, будто других мест нет.

Он смотрит на Наташу с абсолютным равнодушием, как на красивую вещь. Его лицо всё больше кажется ей знакомым.

— Ладно, я пока там покурю. У вас это обычно быстро получается.

Он отворачивается и уходит. А Наташа наконец вспоминает, где именно его видела.

Сломанные уши, расплющенное лицо — тот самый, который заходил с обыском на яхту. Только тогда на нём была не красная рубашка, а полицейская форма. Наташа сползает на покрытый песком пол и сидит, обхватив колени и раскачиваясь.

Все те копы на яхте были подставными. На самом деле у Наташи тогда не было никакого выбора. Если бы она решила арестовать Мабуши, её бы убили прямо на яхте. Именно поэтому они с Мабуши и вышли тогда в море — чтобы она была у них в руках, чтобы ей некуда было деться. Чтобы не было свидетелей. Яхта просто отошла бы подальше от берега, и никто не увидел бы, как с борта сбросили в воду тело белой девушки двадцати трёх лет.

Может, её труп вынесло бы на берег так же, как тех, о ком потом пишут в местных новостях.

В самом деле, что происходит с теми, кто наскучил доктору? Не потому ли эта беседка стоит здесь? Из неё так удобно падать...

Доктор играл ею всё время. Вся свобода, которую он будто бы дал — ненастоящая. На самом деле она каждую секунду была в его руках. И сейчас тоже.

Наташа перегибается через перила — достаточно порыва ветра, чтобы полететь вниз. Спиной она чувствует невидимые нити, удерживающие её навесу. Нити в пальцах кукловодов.

Внутри разгорается злость — такая, что Наташе уже не холодно. Теперь она вся сгорит от внутреннего огня.

В одном из окон виллы зажигается свет — на втором этаже, в кабинете Мабуши. Видимо, доктор проснулся и решил поразмышлять среди ночи, отдохнуть от плотских утех.

Он всегда поступает так, как хочет. И все вокруг делают то, чего хочет он. А если они не согласны, от них можно избавиться. Так, гениальный доктор Мабуши?

Наташа переводит взгляд на охранника со сломанными ушами. Винтовка «Steyr AUG A3» на его плече знакома как старая подруга. Руки вдруг очень отчётливо вспоминают её вес. Плечо начинает зудеть, словно от отдачи.

Не только доктору Мабуши можно делать то, что хочется.

24. Прах к праху

Хорошая дорога кончилась километров тридцать назад, ещё на закате. Асфальт сделался разбитым, в нём стали отчётливо видны колеи от танковых траков, а ближе к городу верхние его слои уже целиком перемолола тяжёлая техника. Кирку приходится ехать медленно, маневрируя среди воронок, оставшихся от разрывов.

Иногда проезжую часть преграждают брошенные машины — не военные, простые легковые автомобили. Некоторые разбросаны взрывами. Другие растащили в стороны, чтобы хоть как-то пользоваться дорогой.

Город погружён во тьму. В свете фар видны пятна копоти над пустыми окнами многоэтажек, обваленные стены, торчащие из провалов плиты межэтажных перекрытий. Лишь изредка, вдалеке, возникают пятнышки света — вспыхивают ненадолго и гаснут.

— Это окна, — говорит Райя, глядя на далёкий свет. — Тут ещё живут. И электричество есть.

— Наверно, восстановили после боёв за город, — говорит Кирк.

— И долго они так будут жить?

— До следующих боёв.

Город едва дышит, тёмный и мёртвый. Лишь в глубине теплятся искорки жизни — эти загорающиеся на несколько секунд окна. Где-то в своих квартирах люди включают свет, находят что-то необходимое и тут же со страхом щёлкают выключателями, вслушиваясь в тревожную тишину на безжизненных улицах.

Искры готовы потухнуть в любую секунду. Новый обстрел может начаться хоть сейчас.

— Плохое место для встречи, — говорит Райя. — Мы тут очень заметны. Все сидят по домам, только мы едем.

— Зато здесь территория вне закона. Можно передать что угодно кому угодно.

Помолчав, Кирк добавляет:

— И на улицах мы не одни. Когда въезжали в город, я заметил чьи-то фары. Мелькнули и пропали.

Он ещё раз смотрит в зеркало, но позади темно и пусто.

Райя окидывает взглядом разрушенный город.

— Никогда такого не видела.

— Я видел. Когда служил наёмником. После армии. Был на одной войне.

Райя смотрит на него с уважением. Потом переводит взгляд на очередной расстрелянный дом.

— Это всегда так?

— Всегда.

— А кто здесь воюет? Чего они хотят?

Кирк пожимает плечами.

— Одни хотят независимости. Другие пытаются сохранить страну в целостности.

Помолчав, он добавляет:

— Я сначала тоже пытался понять, ещё там, на той войне, кто прав, а кто виноват. Понял, что, какую войну ни возьми, по-своему правы и те, и другие — и все виноваты. А мирняку всё равно, кто там прав, а кто нет. Мирным достаётся ото всех.

Райя смотрит на карту в телефоне.

— На перекрёстке — налево, и мы на месте. Там должен быть театр. Если его не разнесли.

Райя убирает телефон и накидывает белую жилетку. Во внутренний карман она суёт компактный «Вальтер» и застёгивает молнию. Со стороны оружие не заметно.

Нужное здание теперь мало похоже на театр — похоже, в него попала бомба. Даже с дороги видно, что крыша провалилась, большие окна выбиты, а прозрачные двери вестибюля вынесло взрывом. Стоящие у ступенек белые каменные львы закопчены до черноты.

У входа бежевый пикап, целый и чистый. Кирк паркуется рядом с ним. Водительская дверь пикапа приоткрывается, в свете фар показывается встревоженное лицо — такое же, как на фото, которое Кирк и Райя получили от Бенуа. Вот и он, связной.

Бритый наголо мужчина с быстрыми глазами выходит, вглядывается в лица Кирка и Райи и кивает на свою машину.

— Давайте, быстро.

Он открывает багажник и начинает там шумно возиться.

— За вами хвоста не было? — спрашивает он, что-то откручивая ключом-трещоткой.

— Нет, — говорит Райя.

Кирку кажется, будто ключ в руках связного щёлкает на весь город.

— Хорошо, — говорит связной. — Здесь бывают военные патрули.

Он откидывает фальшивое дно багажника, демонстрируя четыре уложенных плотно друг к другу одинаковых чемодана.

— Забирайте. И расходимся.

Вспыхивают чьи-то фары, освещая его испуганное лицо. Чужая машина медленно приближается оттуда, откуда приехали Кирк и Райя. С другой стороны улицы катится ещё одна.

Связной, бледный как бумага, прикрывает крышку багажника.

— Военные, — одними губами произносит он.

— Может, свалим? — тихо спрашивает Райя.

— Нет, — говорит он. — Пристрелят на месте. Разбираться потом будут.

Машины приближаются. Становится видно, что это армейские внедорожники.

— Стоим, резких движений не делаем, — бормочет связной. — Вы журналисты, приехали снимать город. Я привёз вам камеры и остальное говно.

Райя до середины распускает молнию на жилетке. Кирк расстёгивает несколько пуговиц на своей рубашке, чтобы легче было добраться до пистолета под мышкой.

Внедорожники останавливаются, перекрыв улицу с обеих сторон. Хлопают двери, четверо в военной форме приближаются, держа автоматы наготове. Кирк внимательно рассматривает их.

Бронежилеты короткие. Каски старого натовского образца. Машины светят фарами Кирку прямо в лицо и мешают, но при этом освещают салоны друг друга, и видно, что там больше никого нет.

— Кто такие? Что тут делаете? — спрашивает один из военных.

— Мы журналисты, — начинает Кирк.

— У нас украли багаж, — Райя прерывает его, неуверенно улыбаясь. — Мы приехали снимать репортаж, но теперь остались без камер, а тут нам предложили купить быстро и дёшево, вот мы и...

Она смущённо разводит руками. Военные глядят на багажник пикапа. Судя по их лицам,

в историю про журналистов они не очень верят.

— Руки держите на виду, — говорит один из них. — А то тут вас и положим.

Он делает шаг к пикапу, и Райя заступает ему путь.

— Подождите-подождите, нас нельзя так просто обыскивать! — быстро говорит она. —

Нам обещали особые условия, обещал сам полковник! Ваше командование о нас знает. Полковник обещал, что нам не будут мешать! Я лично его знаю. Он человек слова.

Военный глядит на неё недоверчиво, но с места не двигается. Его челюсть под подбородочным ремнём двигается, будто он пережёвывает услышанное.

— Что за полковник? — спрашивает он.

— Я не могу назвать его имя, — отвечает Райя.

Военный хмыкает и отодвигает её в сторону.

— Стойте! — Райя кладёт руку ему на плечо и наклоняется к его лицу. — Я скажу, как его зовут. Но только не при всех. Поговорим в вашей машине, идёт?

Военный медлит, а потом кивает на внедорожник.

— Пошли.

Райя идёт за ним и вдруг спотыкается, начинает прихрамывать, будто ей что-то попало в сандалию. Она на ходу разворачивается к военным спиной и наклоняется до самой земли, поправляя ремешок на щиколотке. Те одновременно опускают взгляды, рассматривая её голые ноги и всё остальное, что открыла задравшаяся юбка. Кирк внутренне собирает, готовясь действовать.

Райя, всё ещё наклонившись, глядит на него. В её глазах молчаливый сигнал.

«Сейчас».

Кирк и Райя срываются с места одновременно: она прыжком уходит из конусов света, а он бросается за машину, на бегу выхватывая пистолет и давя на спуск. Массивные фигуры военных видны в свете фар чётко, как мишени.

Кирк стреляет в лица, в ноги, в низ живота, под бронежилет. Одного убивает первым же выстрелом, второго ранит в лицо.

Оказавшись в темноте за машиной, он крадётся к каменному льву. Военные кричат и бегают, стонет раненый. Райю Кирк не видит. Он едва успевает заскочить в выбитые двери театра, когда по нему открывают огонь из всех стволов.

Его прижимают очередями, не дают высунуться. Военные не жалеют патронов, и внутрь вестибюля с потоком пуль летит град осколков бетона и штукатурки. Шквал выносит остатки дверной рамы. Кирк прижимается к стене до тех пор, пока они не перестают палить. В настороженной тишине отчётливо слышно, как раненый в лицо ругается и стонет.

Хлопают пистолетные выстрелы — один, два. Кирк, высунувшись вполглаза, видит, что один из троих теперь лежит, выронив автомат и схватившись обеими руками за колено, а двое других палят в темноту, повернувшись к Кирку спиной.

Мгновенно прицелившись, он стреляет одному в поясницу, ниже бронежилета. Другой, разворачиваясь, получает следующую пулю в бок, а потом ещё две в лицо. Раненый в ногу пытается поднять оброненный автомат, но выскользнувшая из темноты Райя приставляет пистолет к его лбу и стреляет.

Кирк идёт к ней, опустив оружие. Она стоит в свете, оглядывая убитых.

— Наш связной — всё, — говорит Райя, кивая в сторону пикапа. Проследив её взгляд, Кирк видит неподвижное тело, смятое автоматной очередью.

— Берём чемоданы и уезжаем, — говорит Кирк, шагая к багажнику пикапа. Труп

связного мешает пройти, и через него приходится перешагнуть.

Они быстро закидывают чемоданы в свою машину и уезжают.

Кирк прилагает все усилия, чтобы поскорее выехать из города, и адреналин в крови помогает, обостряя реакцию. Райя не говорит ни слова, не отвлекает. Выведя машину на шоссе, Кирк вздыхает с облегчением.

Говорить не хочется. У Кирка это всегда так после боя — особенно если кого-то убил. Только через некоторое время он понимает, что лицо онемело от долгой неподвижности, а на шее выступил пот, а в салоне очень душно. Открыть окно он забыл.

Он вытирает шею ладонью. Райя молча включает кондиционер.

— Я лет пять прожила в Манчестере. Там и выучила английский. А потом переехала в Израиль. В двадцать три года завербовалась. А потом — Агентство.

Кирк долго молчит. Райе даже кажется, что он её не услышал.

— А я после Канады жил в Гонконге, — говорит он. — Когда родители погибли, записался в армию, потом стал наёмником. Был ранен, попал в госпиталь. Когда лежал там, пришёл человек и предложил мне особую работу. Так я узнал про Агентство.

— Знакомая история, — говорит Райя.

— Тогда я решил, что с меня хватит войны. Что я уже не хочу быть наёмником. Что Агентство с его маленькими точечными операциями мне больше по душе. Но и здесь...

Он глядит в зеркало заднего вида. Города не видно, но Кирк чувствует, что он там. И у Райи тоже наверняка это ощущение. Можно даже не спрашивать.

— Давай поговорим, — произносит Кирк. — О чём угодно, о любой ерунде. Это помогает отойти. Сбросить напряжение.

— Есть ещё способ сбросить напряжение, — говорит Райя, поглядывая на Кирка. Он смотрит ей в глаза, и она не отводит взгляд.

Это всё же будет неправильно. Неуместно. Только не после этого города. После него ничего не хочется. Кирк переводит взгляд на дорогу.

— Тебя дома кто-нибудь ждёт? — спрашивает он.

Она качает головой.

— Я и не знаю, где это теперь — дом. Да и вообще, это всё — кухня, быт, стирать носки — это не для меня. Последнего, кто пытался убедить меня осесть у него дома, я выставила за дверь.

Кирк усмехается. Райя тоже невесело смеётся.

— У тебя глаза закрываются, — говорит она. — Давай я поведу, а ты поспишь.

— Да нормально. В целом.

— Давай, не строй из себя крутого. Тут удобное сиденье.

Она говорит без своей привычной колкости — мягко, с простой человеческой заботой. Кирк медлит, а потом соглашается.

Они останавливаются на трассе, выходят, чтобы поменяться местами, и Кирк идёт к багажнику, будто что-то вспомнив.

— Надо посмотреть, что он нам привёз. Ничего другого мы всё равно уже не получим, но хочется знать, с чем придётся работать.

Они открывают чемоданы. В тусклом свете лампочки поблёскивают компактные и точные автоматы, прицелы, глушители, запасные магазины, коробки с патронами. На мягкой подкладке уложены тактические гарнитуры, аккуратно свёрнутые разгрузки.

— Прямо как открывать подарки, — произносит Райя, оглядывая оружие.

— Рождество в этом году наступит пораньше, — говорит Кирк. — И будет жарким.

— Я напишу Бенуа, что мы готовы.

Райя отправляет сообщение, а Кирк глядит назад, туда, где в темноте остался город.

Там очень легко остаться одному. Вот что тяжелее всего. Там пусто, мертвенно и одиноко. Там не чувствуешь жизни. Совсем как тогда, когда раненый солдат Кирк Меррит брёл в темноте через разрушенные кварталы Тринидада, и вокруг не было никого из своих — никого не было, они все ушли, а он был брошен и один, один, один, и страшно было умереть там, и даже не смерть пугала больше всего, а то, что в последние секунды никого не будет рядом.

— Ложись спать, — ладонь Райи ложится на плечо. — Я поведу. Спи и ни о чём не думай.

— У тебя так получается? — спрашивает Кирк, всё ещё глядя назад.

— Получается. Пока что получается.

Он идёт к пассажирской двери, откидывает сиденье, ложится и закрывает глаза. Райя ведёт, поглядывая на него. Тревога и одиночество растворяются, мысли текут всё медленнее, и через несколько минут Кирк засыпает под шум двигателя.

25. Цена своей шкуры

Уже за полночь. Народу полно. Обычный вечер в «Каса Нове».

И Надиви тоже здесь, сидит у хозяина в кабинете. Нравится ему тут бывать. Пьют там, дуют кальян, оттягиваются. А мы, внизу, работаем.

Всё как всегда. Я кручусь, встречаю всякую мелочь, стараюсь обуть кого-нибудь из туристов. Джен на сцене сверкает задницей. Все при деле. Разве что минутка выдастся постоять и перевести дух.

И при всём при этом тут куда легче. Я это сразу почувствовала, как только освоилась — легче и безопаснее, чем на улице. Тут, в шумном клубе, в сверкающем свете, можно подумать, что всё прошлое просто приснилось.

Приснилось, как в шестнадцать лет пошла на панель. Как избил какие-то подонки, а потом сказали, что теперь я работаю на них. Как оставили совсем чуть-чуть из того, что я заработала, и этого едва хватило, чтобы расплатиться за лекарства для отца, и чтоб заплатить сиделке.

Как через два года увидела на панели новую девчонку. Как пыталась предупредить её, отговорить. Какое взрослое у неё было лицо, когда она рассказывала мне, что у неё двухлетняя дочка, и её надо кормить.

Как сутенёр меня отлупил за то, что пыталась отговорить новенькую. Как потом болели сломанные рёбра. В тот день мне как раз исполнилось восемнадцать.

Как Надиви забрал меня с улицы. Как через неделю работы в клубе я узнала, что изуродованный труп той девчонки нашли в овраге за городом. Как я пыталась узнать, что стало с её дочкой, но не сумела выяснить ничего.

Как намекнула хозяину клуба, что девчонку мог убить её бывший сутенёр. Как хозяин бросил: «Не лезь не в своё дело».

И это всё тоже пройдёт. Когда Агентство закончит свою работу здесь, и Куратор перевезёт меня в Америку. Вся грязь останется тут, а я буду там. Начну жизнь заново, с чистого листа. А об этом всём и вспоминать не стану.

Замечаю, что в зале происходит что-то ненормальное. Какая-то суматоха, толпа волнуется. Клиенты вскакивают и бегут, охрана бестолково мечется. Несколько секунд озираюсь, не понимая, а потом замечаю людей в чёрной форме с большими белыми буквами на спине: INTERPOL.

Вдоль позвоночника, от холки до задницы, продирает страх.

Накрыли. Надо сваливать. Быстро, бежать, бежать.

Присев, я верчу головой, пытаюсь сообразить, куда метнуться. Может, это Агентство послало сюда интерполовцев, и Куратор в курсе. А может, и нет. Лучше валить, на всякий случай.

Люди толпятся, мешают пройти. Везде снуют интерполовцы, хватают всех подряд, крутят руки; им в основном попадают клиенты, не знающие, что делать. А я уже сообразила — надо наверх, в комнату хозяина. Я-то знаю, что там можно через окно вылезти на пожарную лестницу и спуститься в переулок, такой узкий, что пройти там можно только боком, обтираясь спиной и грудью о стены. Переулок неприметный, его легко не увидеть, если смотреть с улицы. Я знаю о нём лишь потому, что давно работаю в «Каса Нове», и мне уже приходилось сбегать вот так два года назад, когда отморозки из конкурирующей

группировки прямо на танцполе открыли стрельбу. И год назад, когда в клуб нагрянула полиция, и меня взяли прямо на выходе из переулка.

Бежать, бежать.

На самом верху лестницы меня как током пробивает. Я-то сообразила, что делать. А Джен?

Спрятавшись за креслом, я оглядываю толпу и вижу, что Джен вместе с другими девочками и охранниками поставили к стене и надевают на неё браслеты.

Я чуть не прыгаю к ней. Но что я могу? Вокруг неё целый рой людей в чёрной форме. А я снова в камеру не хочу. Оттуда можно и не выйти.

В прошлый раз мне светило пять лет за проституцию — без права на досрочное, учитывая условный срок по той же статье. И сейчас я всё ещё сидела бы, если бы однажды ко мне в камеру не пришла иностранка с наглой мордой и крутой ксивой. Она меня и вытащила с условием, что я буду работать на Агентство.

А в этот раз может никто не прийти.

«Надеюсь, тебя отпустят, Джен. Когда появляются копы, каждый сам за себя».

Я разворачиваюсь и бегу в кабинет хозяина. Остаётся только надеяться, что интерполовцы — приезжие, и знают эту улицу хуже, чем местные копы.

В кабинете никого. Стул опрокинут, на столе всё разбросано. Окно открыто. Высовываюсь — лестница на месте, как раз дотянуться рукой и ногу закинуть.

Успеваю спуститься до середины, когда лестница вдруг содрогается. Задираю голову, боясь увидеть наверху спину с белыми буквами, но вижу перекошенное лицо Надиви.

— Быстрее, — шипит он.

Мне два раза повторять не надо. Он спрыгивает рядом со мной и крепко берёт меня за предплечье.

— Ты на машине? — спрашивает он.

Я отрицательно качаю головой. Он тихо матерится.

— Возьмём мою, — он кивает в конец переулка, где виден свет уличных фонарей. — Ты поведёшь. Водить умеешь?

Я киваю, поздно сообразив, что надо было соврать. Мы идём к улице неловким приставным шагом. Надиви нервно дышит мне в затылок. Слышно, как он скребёт грудью и лопатками по стенам, как отшелушивается краска, и я молча надеюсь, что он со своими мышцами где-нибудь застрянет. Но мы вместе добираемся до мусорного бачка, загораживающего переулочек, отодвигаем его и оказываемся на улице.

Интерполовцы всё оцепили у входа в клуб. На нас никто не смотрит. Надиви ведёт меня к «Ламборгини» и отдаёт мне ключи. Я сажусь на водительское место, а он проскальзывает в заднюю дверь и ложится сзади, в место для ног, скрючившись так, что на него даже смотреть неудобно.

— Что мне делать? — спрашиваю я.

— Ты что, дура? — рычит он. — Езжай от клуба. Куда угодно, но тихо-спокойно, чтоб на тебя не обращали внимания.

Я кое-как трогаюсь с места. Машина — чудо, послушная и мягкая, хоть я и водить толком не умею. Медленно проезжаю мимо входа в клуб, гляжу на интерполовцев. Если остановиться и выскочить, можно добежать до них. Надиви не успеет меня схватить, не успеет вылезти из своей тесной ниши в ногах. И не выстрелит мне в спину — пистолета у него нет.

А что дальше? Зачем им помогать? Джен они на Надиви не обменяют. Только меня загребнут. Знаю я их. Легавым доверять нельзя.

Не надо лезть не в своё дело. Лучше держаться в стороне. Улица этому учит как следует.

Я проезжаю мимо.

— Куда ехать? — спрашиваю я Надиви, когда клуб остаётся позади.

— В аэропорт. Вези в аэропорт.

«Интерпол взял «Каса Нову», — читает Куратор в сообщении от Бенуа. «Арестовали всех, кто там был, но упустили Надиви».

Куратору уже об этом известно. Лисса доложила, что увезла Надиви от клуба в аэропорт. Ей не удалось проследить, на какой рейс он сел.

Неудивительно, что Бенуа пишет Куратору о том, что он уже знает. Ведь она и не подозревает, что у него есть Лисса. И о Валери она тоже не знает.

Хорошо иметь запасные фигуры. Нужно только понять, как воспользоваться ими наилучшим образом.

Всё же Надиви нельзя списывать со счетов. Сдавая его Интерполу, Куратор рассчитывал, что в камере тот будет куда более сговорчивым, чем тогда, когда Валери делала ему предложение.

Пока что никто из трёх боссов Синдиката не согласился. Асаб раздумывает. Надиви на первое предложение ответил отказом и теперь в бегах. С Мабуши вообще не удалось установить контакт — Наташа Николаева окончательно перестала выходить на связь.

Асаб со своими боевиками хорошо защищён от силовых воздействий. А вот за Мабуши пора взяться по-другому — уже более прямолинейно.

Куратор набирает номер Бенуа.

— Берите Мабуши, — говорит он, не дожидаясь приветствия. — Живым, напоминаю и подчёркиваю. Это обязательное условие.

— Я знаю, — отвечает Бенуа. — Мои оперативники тоже в курсе.

— Доложи сразу же, как только он окажется у вас в руках, — произносит Куратор и отключается.

26. Преданные и предавшие

В ночи вилла кажется безмятежной. Обрамлённая полукольцом невысоких гор с юга и с востока, она смотрит на море. Ведущая к ней дорога живописно вьётся по склону, и от этого кажется, что и виллу, и горы, и утёс над морем написал художник.

Может, где-то действительно есть такая картина. Кто-то мог бы создать её, расположившись с мольбертом здесь, в невысоких предгорьях, спускающихся к окружённой забором территории. Примерно там, где залегли Кирк и Райя.

Забор вокруг виллы невысокий, декоративный. Его можно перелезть в любом месте. Приборы показывают, что на вилле сигнализация, но у обоих на поясе по электронной «глушилке».

И Кирк, и Райя в полном боевом облачении: всё чёрное и облегающее, но не стесняющее движений. Бронежилет и пояс-разгрузка. Автомат и пистолет с глушителем.

Свои кудрявые волосы Райя собрала в пышный хвост. Кирк про себя отмечает, что ей это идёт — смотрится очень по-боевому.

Бенуа тоже здесь, в холмах. Кирк не видит её, но знает, что её позиция где-то дальше и выше — так нужно, чтобы её тактический наблюдательный комплекс покрывал максимально возможную территорию. Кирк представляет, как она прикинула к окулярам громоздкого устройства, похожего на увеличенный в несколько раз бинокль.

— На территории вижу четверых, — произносит голос Бенуа в наушниках тактических гарнитур. — Был ещё один, его сейчас не наблюдаю, возможно, ушёл в дом. В доме ещё двое или трое.

— Беседка на утёсе, — говорит Кирк. — В ней кто-то есть?

— Не могу сказать, — отвечает Бенуа. — Слишком далеко, локатор не добивает.

— Отличная снайперская позиция, — замечает Райя. — Оттуда видно всю территорию.

— Держитесь в темноте, — говорит Бенуа. — Тепловизоров у них нет, на оружии простая оптика. Ночью у вас преимущество.

— Сделаем всё тихо, — произносит Кирк.

— Это единственно верная тактика. Если вас обнаружат, то сразу вызовут подкрепление. Город недалеко, боевики Синдиката придут минут через пять.

— Пошли.

Кирк и Райя опускают на лица тепловизоры, похожие на полупрозрачные очки, и неслышно спускаются к охраняемой территории.

Ветер треплет Наташе юбку, холодит голые ноги. Со ступенек, ведущих к беседке, видны окна кабинета Мабуши.

Наверное, он специально устроил свой кабинет именно там. Чтобы смотреть прямо из кресла, как очередная сломанная игрушка бросается вниз.

Наташа поднимается по ступенькам босиком. Её шаги неслышны. Охранник там, внутри — курит, стоя спиной к лестнице, поставив винтовку рядом с собой. Он не замечает, как подкрадывается Наташа.

Она бьёт его кулаком в затылок, в основание черепа. Подавившись дымом, разворачивается и получает коленом в пах, локтем в лицо, а когда он откидывается назад, зажимая разбитый нос, Наташа подхватывает его под колени и сильно дёргает вверх.

Мужчина исчезает за перилами. Из-за края доносится только короткий крик и всплеск воды.

Кирк и Райя крадутся к вилле как неслышные тени. Шум моря заглушает их шаги.

— Один перед вами, — говорит Бенуа в наушниках. — Метров восемь-десять, стоит спиной.

Оперативники одновременно замедляют шаг. Пройдя чуть вперёд, Кирк различает тепловой контур человека. Райя уже за спиной врага — поднимает автомат и делает два выстрела. Глушитель превращает звуки в громкие щелчки. Тело охранника падает на гравий.

— Ещё один идёт к вам, — произносит Бенуа. — Ближе к тебе, Кирк. На девять часов.

Охранник шагает туда, где упал его коллега — похоже, его встревожили странные звуки. Прежде чем он успевает увидеть убитого, Кирк, затаившийся у него на пути, посылает пулю ему точно в лоб.

Райя забирает у убитого рацию и подносит к уху.

— На частоте тихо, — почти бесшумно произносит она.

— Двое на девять часов, — говорит Бенуа.

Двое охранников разговаривают на открытой площадке у скамеек. Они стоят прямо под фонарями, и к ним никак не подобраться, не выйдя на свет. Даже если убрать их выстрелами из укрытия, тела в красных рубашках будут отлично видны откуда угодно. Особенно из беседки.

Райя делает несколько жестов, глядя на Кирка. «Обойдём их, зайдём одновременно с разных сторон. Ты берёшь того, я — этого». Он кивает ей и осторожно крадётся за кустами, заходя своей цели за спину.

Оперативники стреляют вместе — две короткие очереди сливаются в одну. Выстрелы похожи на стук нескольких молотков по доске. Охранники валятся одновременно. Тела в красных рубашках полыхают на гравии как два маяка.

— Останься тут и прикрой, — тихо говорит Кирк.

— Нет, я иду с тобой, — Райя качает головой.

Кирк бросает взгляд на беседку.

— Я сказал, останься.

Он выбегает на открытое пространство, чувствуя себя голым посреди улицы. Затылок явственно ощущает чей-то взгляд.

Схватив обоих убитых за воротники, он, напрягшись, тащит их в кусты. Они тяжёлые — мёртвый всегда тяжелее живого, это Кирк усвоил ещё на войне. Противно щекочет между лопаток и на загривке — чувство такое же, как было ровно перед тем, как в него попала пуля снайпера, на месяц отправив в госпиталь и чудом не убив.

Кирк затаскивает тела за скамейки среди кустов. Ощущение прицела между лопаток пропадает. Но утёс всё равно не даёт покоя.

— Идём на виллу, — говорит Райя по рации.

— Надо проверить беседку, — отвечает Кирк.

Райя медлит. Похоже, ей не нравится эта идея.

— Идём, — соглашается она. — Ты впереди, я прикрываю.

Кирк крадучись поднимается в беседку. Внутри никого нет. На перилах мелкие капли крови, в воздухе запах сигаретного дыма. Здесь недавно что-то произошло, но сейчас это место не представляет опасности.

— Чисто, — говорит он, вернувшись к Райе.

— На территории тоже чисто, — сообщает Бенуа.

— Идём на виллу, — повторяет Райя.

Затаившись под окнами, оперативники останавливаются.

— Я не вижу, что внутри, — говорит Бенуа. — Не знаю, кто, где и сколько.

— Пусть подвигаются, — говорит Райя. — Так они станут заметнее.

Она произносит в рацию убитого охранника что-то невнятное. Через несколько секунд внутри здания хлопают двери, а в окнах мелькают силуэты.

— Двое, — шепчет Бенуа. — Идут к балкону, он слева от вас.

Один из охранников выходит на балкон и, нахмурившись, вглядывается в темноту. Кирк убивает его единственным выстрелом. Его напарник в панике разворачивается и удирает. Когда он пробегает мимо окна, Райя расстреливает его длинной очередью.

Оперативники влезают на виллу через балкон.

— Внутри вы будете сами по себе, — говорит Бенуа. — Я не смогу вас вести.

— Ясно, — отвечает Кирк.

Кирк и Райя проходят к большому залу, который было видно ещё через окна. Тепловизоры показывают, что в остальных комнатах никого нет, а вот внутри зала несколько человек.

Девушка выходит к ним неслышно словно привидение. Она голая и дрожит всем телом, будто у неё вот-вот случится нервный срыв. Ей не больше двадцати, она хрупкая как подросток.

Райя рефлекторно берёт её на прицел и тут же отпускает автомат, оставив его болтаться на ремне.

— Всё хорошо, милая, — оперативница говорит так, будто успокаивает ребёнка. — Мы тебя не тронем. Мы пришли помочь.

Говоря, Райя идёт к ней, выставив вперёд пустые ладони. Кирк не спускает глаз с девушки. Ему очень не нравится, как та держит руки — левая сжата в кулак у бедра, а правая отведена за спину, предплечье напряжено. Прикрыть наготу она даже не пытается.

Когда Райя пытается обнять девушку за плечи, та делает резкое движение рукой, и Кирк стреляет не раздумывая. Девушка ломается, став похожей на смятую бумажную фигурку, и отлетает к стене. Из руки у неё выпадает маленький кухонный нож.

Райя смотрит на нож, потом на Кирка и снова на девушку. Кирк, не успев отвернуться, всё же заглядывает в почти детские глаза, остановившиеся и пустые.

— Проверим зал, — говорит он, старательно глядя в сторону. — Давай, идём.

Райя на секунду задерживается у тела — наверняка опускает убитой веки. Кирк не оборачивается и только замедляет шаг, позволяя себя догнать.

В зале ещё пять девушек. Все полуголые. На лицах страх и решимость — сочетание, не предвещающее ничего хорошего. Они все сбились в кучку — одна держится позади, остальные закрывают её собой.

— Помогите, — говорит одна из них дрожащим голосом. — Она ранена, помогите ей!

Кирк и Райя идут к ним, держа их на прицеле. Когда до дрожащей стайки девушек остаётся пара шагов, они расступаются, и становится видно, что у той, кого они закрывали, в руке граната.

Чека выдернута. Девушка сжимает гранату и вся трясётся, закусив губу. Её лицо мокрое от пота и слёз.

У Кирка что-то подкатывает к горлу, но только на мгновение. Страх уходит куда-то

внутри, сейчас на него нет времени. Кирк идёт к девушке, стараясь не спешить, чтобы не испугать её.

— Отдай мне, — говорит он. — Не глупи.

Отпустив автомат, он кладёт руки на её сжатый кулак.

— Отдай мне. Давай.

Тонкие девичьи пальцы заостенели. Несколько секунда она стоит как истукан, а потом вдруг разжимает руку, и Кирк едва успевает перехватить выпавшую гранату.

Девчонка рыдает в голос, пока Кирк выкручивает взрыватель и кладёт уже безвредный металлический кругляш на пол.

— Уходите, — говорит Райя девушкам. — Быстро. Чтоб через минуту вас тут не было.

Они разбегаются, хватая одежду, тут же снова сбиваются в стаю и спешат к выходу. Хлопает дверь, и на вилле становится тихо.

Только теперь Кирк обнаруживает, что весь в поту. Костюм мокрый насквозь.

Проклятая жара.

— Они же ещё совсем... — произносит Райя с придыханием. — А тут — граната... Как они додумались такого?

— Подсмотрели у шахидов, — устало говорит Кирк. — Собой пожертвовать не жалко, если защищаешь то, во что веришь. По крайней мере, у них там так.

— Там понятно — вера... А тут-то они кого защищали?

Кирк хочет что-то сказать, не находит слов и пожимает плечами.

— Ты молодец, — Райя хлопает его по плечу, позволив себе скупой жест одобрения.

— Давай найдём их кумира, — говорит Кирк, кивнув на лестницу наверх.

На втором этаже визоры обнаруживают только одного человека — он в комнате на углу здания. Дверь в комнату открыта. Видно, что внутри горит тусклый свет.

Подойдя, Кирк и Райя видят обычный рабочий кабинет. За столом сидит человек, он не вооружён. За его спиной большое окно, стекло от пола до потолка. В кабинете темно, свет даёт только лампа на столе.

Это определённо доктор Мабуши. Белая рубашка небрежно накинута на голое тело. Он смотрит спокойно, его глаза лучатся мудростью. Знают всё. Видят и его, и Райю насквозь. В скупом свете лампы в его облике Кирку видится что-то мистическое.

— Добро пожаловать, — звучным баритоном произносит Мабуши.

Кирк направляет на него автомат. Что-то здесь не так. Доктор слишком спокоен.

— Не обязательно было врываться. Вы могли бы просто попросить о встрече.

— Голову на стол, руки на затылок, — командует Кирк, приближаясь. Шаги отчего-то получаются неуверенными.

— Давайте поговорим, — спокойно произносит доктор. — Садитесь. Не нужно спешить.

— Делай, что тебе сказали, — Райя идёт к нему.

— Сделаю, конечно же — ведь оружие у вас. Но разве вы не хотите узнать, кто на самом деле отправил вас сюда?

Кирк и Райя останавливаются и переглядываются.

— Говори, — после паузы приказывает Кирк.

Доктор указывает на стулья с высокими спинками по другую сторону стола. Райя остаётся стоять, Кирк тоже не садится.

— Рассказывай, — говорит Райя. — У тебя мало времени.

— На гостеприимство всегда найдётся время. Но я рад, что вы даёте мне слово. И знаю, почему. Потому что вы сомневаетесь, что поступаете правильно. После всего, что вы видели здесь, и после вашей работы в Агентстве — вы начали сомневаться, и это правильно.

Кирк и Райя быстро переглядываются.

— Да, я знаю про Агентство, — говорит Мабуши. — И знаю, что всё это Международное Агентство безопасности — лишь театр марионеток. Хотите, скажу, кто на самом деле дёргает за ниточки?

— Говори.

— Вы задумывались о том, почему вам приказано взять меня живым? Ведь я один из первых людей в Синдикате. Агентству известно достаточно, чтобы обезглавить всю нашу организацию — достаточно лишь уничтожить верхушку, включая меня. Но я нужен Агентству живым. Почему?

Кирк вопросительно смотрит на доктора. Тот загадочно улыбается.

— Синдикат нужен Агентству в целости. Нас никто не собирается уничтожать. Наоборот. Агентство собирается с нами договориться.

— Чушь, — бросает Райя.

— Отнюдь, — доктор чуть наклоняет блестящую голову. — Агентству нужна крупная нелегальная структура в этой части Африки. И лучше всего — в Ревалии. Вы ведь знаете, что Угенская провинция пытается отделиться от Ревалии, верно?

— При чём тут Угенская провинция? — спрашивает Кирк.

— Я рад, что ты спросил. Но сначала ответим на другой вопрос: как вообще стало возможным нынешнее положение с провинцией? Как началось это отделение от страны, как сепаратистам удалось не впустить в Угенскую провинцию войска, направленные для подавления волнений? И как им удаётся сопротивляться армии так долго? Очевидно, что сепаратистов, воюющих за отделение Угенской провинции, кто-то поддерживает. Кто же? Ответ на поверхности, всего три буквы: США.

— Что? — разом спрашивают Кирк и Райя.

— Так и есть. Угенская провинция по плану ЦРУ должна стать плацдармом для военных операций США в Африке. Нужно только довести отделение провинции от Ревалии до конца. Армия США уже сейчас тайно снабжает сепаратистов, но там очень сложные способы доставки. А с Синдикатом поставлять им оружие из других стран стало бы куда проще. Мы — здешние. В своей стране мы знаем всё, все маршруты, которые можно будет превратить в каналы поставки оружия. Знаем всех, кому можно заплатить за сотрудничество. Мы можем перевезти угенцам и танки, и ракетные системы, и переправить наёмников. Если армия США получит в распоряжение Синдикат, конфликт решится быстро и в пользу Угена. И американцы получают отличную базу для своей деятельности в Африке.

Кирк и Райя переглядываются.

— Дело совсем не в том, чтобы уничтожить преступную организацию в одной африканской стране. Вы служите расширению американской гегемонии. Безопасность простых людей тут не при чём. Даже наоборот: когда через Синдикат на территорию пойдут наёмники и оружие, масштабы конфликта сразу вырастут. И мирные люди, которых вы будто бы защищаете, будут гибнуть.

И Кирк, и Райя молчат. Мабуши украдкой улыбается одними глазами.

— Вас используют. И я смогу вам это доказать.

— Откуда ты всё это знаешь? — спрашивает Райя.

Он откидывается на спинку кресла и складывает кончики пальцев.

— Я умею говорить с людьми. Я честен с ними, и они тоже откровенны со мной. Я могу рассказать вам многое. Приготовьтесь слушать. Я буду говорить долго.

Райя опускает оружие, и Кирк тоже. Мабуши удовлетворённо кивает.

— Я рад, что вы мне верите, — он поглаживает бороду, будто хваля себя за что-то. — Начнём с того, что...

Панорамное окно за его спиной разлетается на куски. Перед Мабуши всё в один миг оказывается залито кровью. Доктор вздрагивает всем телом, валится вперёд и со стуком ударяется лбом о стол.

Кирк и Райя разом бросаются в стороны, прячась за креслами, но больше ничего не происходит. Слышно только как шумит море, как ветер посвистывает в выбитом окне. Тело доктора неподвижно лежит грудью на столе. На пол падают крупные алые капли.

Кирк крадётся к окну и осторожно выглядывает наружу. Нигде никакого движения. Слабо светится в ночи беседка на утёсе.

Райя, стараясь не высовываться из-за стола, подбирается к Мабуши и поворачивает ему голову. Видно, что пуля вошла ему в затылок и прошла насквозь. Глаза доктора теперь сделались бессмысленными, брови изогнулись в немом удивлении. Образ всезнающего мудреца разрушен дырой во лбу.

— Уходим, — отрывисто произносит Кирк, заглянув куда-то под столешницу.

— Надо найти того, кто стрелял, — говорит Райя.

— Нет времени, — он резко выпрямляется и указывает на стол. — Здесь тревожная кнопка, как в банках. Этот урод вызвал подкрепление, а нам заговаривал зубы и выигрывал себе время. Надо уходить, быстро!

Они быстро идут к выходу. Движения Райи становятся дёргаными, порывистыми — Кирк видел такое на войне, когда кому-то приходится идти осторожно, но при этом хочется нестись со всех ног.

Оказавшись снаружи, они не сговариваясь бегут к ограде, огибая освещённые места. Выбравшись за территорию, взбираются на склон, туда, где спрятана машина.

Райя останавливается на склоне, хлопает Кирка по плечу и указывает вниз. У ворот виллы остановился внедорожник, следом подъехал ещё один. Из обоих выскакивают вооружённые люди и несутся к вилле.

Кирк и Райя начинают взбираться ещё быстрее

Через три минуты они уже в машине. Не зажигая фар, они выбирают на шоссе и едут к городу.

— Кто его убил? — спрашивает Райя.

— Кто-то, кто умеет обращаться с оружием. Стреляли из этой чёртовой беседки — при таком расстоянии и ветре отличный выстрел.

Помолчав, Кирк добавляет:

— Если бы не этот стрелок, нас бы там накрыли. Так что я желаю ему удачи. Кем бы он ни был.

Приехав в город, они находят маленький отель на окраине с очень нелестными отзывами в приложении. Им оказывается вытянутая вдоль тротуара ветхая двухэтажка, облицованная потрескавшейся красноватой штукатуркой. Полы внутри деревянные, старые, при каждом шаге они громко скрипят, а стойка, за которой стоит хозяин, едва не

разваливается. Наверное, поэтому постояльцев здесь почти нет, судя по доске, увешанной ключами от не востребуемых номеров.

— Вам один номер? — спрашивает хозяин. — У нас есть отличный двухместный, с двуспальной кроватью — его обычно берут молодожёны, которые решили провести медовый месяц у моря...

— Нам два отдельных номера на втором этаже, — говорит Райя. — Найдите такие, чтобы были напротив друг друга.

Хозяин подбирает им номера в конце длинного коридора с редкими тусклыми лампочками и потрескавшимися стенами. Их двери действительно напротив друг друга — у одного окна выходят во двор, у другого на дорогу. Райя берёт себе тот, что смотрит во двор.

— Хочешь, выпьем чего-нибудь? — спрашивает Кирк, остановившись у своей двери.

— Вряд ли тут обслуживают номера по ночам, — говорит Райя, не оборачиваясь.

Она крутит ключ, но замок не поддаётся. Кирк уже порывается ей помочь, но она справляется сама.

— Прости, но я устала, — она заглядывает ему в глаза. — Сейчас я доберусь до кровати и вырублюсь. Спокойной ночи.

Она делает шаг в номер и уже в дверях вдруг оборачивается и посылает ему шутливый воздушный поцелуй, на мгновение став дурашливой и озорной. Дверь закрывается, и Кирк ещё несколько секунд разглядывает свежую зелёную краску, нанесённую прямо поверх несчищенной старой.

Спохватившись, он входит в свой номер, запирает за собой дверь, находит стул со спинкой и подпирает ручку так, чтобы её невозможно было взломать снаружи.

Раздевшись, он садится на серые, но чистые простыни и пишет Бенуа:

«Не удалось захватить Мабуши. Его устранил неизвестный. У нас без потерь. Заселились в отель «Арабский купец».

27. Радикальная эмансипация

Куратор перечитывает отчёт Бенуа об операции и с досадой бросает телефон на стол. Мабуши погиб. Его кто-то убил. Возможно, оперативники прокололись, случайно застрелили его и теперь сваливают свою ошибку на некоего неизвестного стрелка. А может, гений психологии Мабуши оказался не таким уж гением.

Куратор берётся за мышку и с досадой отправляет папку доктора Мабуши в корзину. В директории остаётся только досье Асаба.

Асаб всё ещё молчит. Неизвестно, что он думает по поводу предложения от Агентства. Не ясно, можно ли на него рассчитывать. Нужен ещё кто-то. Нужен запасной вариант.

Подумав, Куратор восстанавливает досье Надиви. Конечно, он не ровня Асабу, но как номинальный лидер Синдиката сойдёт и он. Правда, в этом случае придётся убирать Асаба, который в Синдикате пользуется куда большим авторитетом, чем Надиви. И это само по себе куда сложнее...

Тем не менее, Надиви нужен. Надо его найти, где бы он ни прятался.

Только как это сделать?

Положив подбородок на сцепленные пальцы, Куратор погружается в размышления.

Телефонный звонок врывается в бормотание телевизора — бесцеремонный, наглый, нетерпеливый как всегда. Так звонит хозяин. Валери не глядя берёт телефон и жмёт кнопку ответа, не сомневаясь насчёт того, кого сейчас услышит.

— Привет, детка, — произносит голос Надиви. — Ты должна кое-что сделать.

До Валери уже дошли слухи, что он внезапно пропал пару дней назад. Что его любимый клуб прикрыл Интерпол, арестовав там десятка два человек. Большинство из них сразу же отпустили, оставили только некоторых вроде хозяина клуба. Валери втайне надеялась, что Надиви окажется среди тех, кого отпускать не стали. Но сейчас он звонит явно не из камеры.

— Что тебе нужно? — спрашивает Валери.

— Недавно у меня изменились планы. В общем, я решил начать всё заново. В ЮАР. Я открываю здесь студию, и ты будешь моей главной звездой. Новый этап в карьере, новые горизонты и всё такое. Собирайся и приезжай.

— А как же мой дом? — спрашивает Валери.

— Какой, нахрен, дом?! — взрывается он. — Твой дом там, где я скажу!

Валери кажется, что её ударило током — мышцы напряглись, дыхание участилось. Будто со стороны она слышит, как потрескивает пластик телефонного корпуса в её руке.

— Продашь свой дом там, купишь здесь. — Надиви делает паузу и говорит уже мягче. — Не думай ни о чём, я уже всё решил. Ты мне нужна, слышишь? Здесь, сейчас.

Она вдруг представляет, как он сидит один в гостиничном номере — голый, со стоячим членом. Часто так и бывало, когда она приезжала к нему после такого звонка. Наверняка и сейчас так же.

— Ты чего молчишь? — нервно спрашивает он. — Играть со мной вздумала?

— Куда мне приехать? — спрашивает Валери.

— В Кейптаун. Отель «Роял палац». Я в семьсот пятнадцатом номере. Прилетай первым же рейсом, слышишь?

— Уже лечу, — без выражения произносит Валери.

Повесив трубку, она некоторое время смотрит в потолок. Потом, не меняясь в лице, звонит Куратору.

— Надиви в Кейптауне, — говорит Валери. — Отель «Роял палац», семьсот пятнадцатый номер.

Несколько секунд Куратор ничего не говорит. Такую реакцию Валери встречает у него впервые. Видимо, она всё же сказала ему что-то, чего он не ожидал услышать.

Ещё бы. Такого она сама от себя не ожидала. Видимо, даже для таких, как она, наступает время освободиться от хозяина.

— Отлично, — по голосу Куратора слышно, что он улыбается. — Я отправлю к нему своего человека в Кейптауне. Ты молодец.

Валери отключается, а Куратор ещё минуту сидит, улыбаясь самому себе. Иногда простая пешка оказывается неожиданно полезной. А важная фигура сама открывается для атаки.

Не теряя времени, он находит в списке контактов нужный номер.

— Здравствуй, Моника, — говорит он. — Для тебя есть работа.

28. Как поджечь снег

Очень жарко. Отель оказался ещё дешевле, чем показалось на первый взгляд — никакого кондиционера здесь никогда не было. Номер Кирка на втором этаже, окно распахнуто, но это не помогает.

Кирк лежит на кровати в одних трусах, раскинув руки и ноги. Всю ночь он то и дело просыпался: стоило задремать, и он как наяву видел лицо девушки, прятанной за спиной нож; она вся мгновенно заливалась кровью, и он просыпался, тяжело дыша, и ещё несколько секунд ему казалось, будто она стоит в углу комнаты и смотрит на него из темноты. Дыры в её теле полны запёкшейся крови, и они чёрные, чёрные на бледной коже; руку она держит за спиной и не мигая глядит Кирку в лицо. Кирк тогда приходил в себя окончательно и видел, что в углу никого нет, что это лишь обрывки кошмара, но, засыпая вновь, всякий раз чувствовал чей-то взгляд.

День, безвылазно проведённый в номере, его полностью вымотал: сон превращался в тяжкий бред и не давал облегчения, выйти и освежиться было нельзя, а холодный душ в эту жару спасал всего минут на пять. Солнце палило весь день, а сейчас, вечером, раскалённый воздух втекает в номер, заполняет все комнаты, и от него нет никакого спасения.

Кирк старается ни о чём не думать. Жара, по крайней мере, отвлекает от мыслей, заставляя сосредоточиться на ощущениях. Время от времени на него находит дремота, похожая на душный бред, и в сонной одуре ему всякий раз мерещится пробитое пулями обнажённое тело у стены.

В дверь кто-то стучит. Кирк резко садится на кровати, внутренне собираясь.

— Это Райя, — произносит из-за двери знакомый голос.

Кирк, подумав, всё же надевает штаны и только потом открывает.

Райя на пороге, свежая и бодрая. Кажется, что от неё веет прохладой. Она проходится взглядом по телу Кирка.

— Зайдёшь ко мне? — спрашивает она. — Тут скука смертная. Даже телевизора нет.

— Да в общем... — тянет Кирк, пытаясь собраться с мыслями.

— У меня есть пиво, — говорит она. — Холодное.

Кирку вдруг кажется, что она хотела сказать что-то ещё. Он медленно кивает.

— Мне как раз нужно освежиться.

Накинув рубашку, он идёт к ней.

В её номере всего одно кресло, у окна. Райя сидит настолько развязно, насколько возможно: локоть она перекинула через спинку, ногу свесила через подлокотник. В руке запотевшая бутылка, на полу початая упаковка в капельках воды. Кирк садится на кровать и берёт себе пиво.

— Как тебе здесь? — спрашивает она.

— В отеле? Бедно, но у меня нет особых запросов.

— У меня тоже, — она делает глоток. — Я примерно в такой обстановке выросла. В Манчестере было лучше, но там для меня слишком холодно.

— Тут нас труднее найти, чем где-нибудь в центре, — говорит Кирк, как будто ей это не известно.

Она пожимает плечами, потягивая пиво. Она так близко, что Кирк чувствует запах её тела. Он отпивает, не отводя от неё глаз.

— У меня из головы не идёт всё, что сказал этот доктор, — говорит Кирк. — Думаешь, такое правда может быть? Агентство, Америка. Уген, война...

— Мы слишком мало знаем, — говорит она, глядя в окно. — Бенуа велела ждать. Я не против. Не стоит забивать себе голову вопросами, на которые не найдёшь ответ.

— Всё узнаем в своё время, да? — он смотрит ей в глаза. — А пока отдыхаем? Райя глядит на него в упор.

— Если выпала возможность, ею нужно пользоваться, — говорит она.

Она ставит бутылку на пол и откидывается в кресле.

— Я не кусаюсь, — грудным голосом произносит она. — Ну, почти.

Кирк наклоняется к ней и целует её. Она отвечает страстно, жадно, будто уже давно этого хотела.

— Пойдём на кровать, — говорит она через минуту. — И разденься уже. Рубашку мог бы и не надевать.

29. Красавец/чудовище

Асаб вызвал меня к себе. Его человек позвонил и сказал, что это срочно. Ну я-то не против. Мне сейчас работать вообще негде — клуб-то закрыли.

Он прислал за мной машину — крутую дорогую тачку. Так что я сижу на заднем сиденье, и притом одна, будто особа из высшего общества, а не как обычно. Смотрю на море за окном. Закат, красотища.

Когда мы приехали в его поместье, водитель мне дверь открыл и даже лапу свою протянул — я аж не сразу сообразила, что это он мне выйти помогает. Ну я прямо светской дамой себя почувствовала.

Так тут у него спокойно. Зелень, кустики, лужайки, фонтаны. Ещё и вечер тёплый. И этот господин Асаб такой учтивый, обходительный. Интересно, есть у него женщина?

Может, он меня не по делам позвал? Может, и он не прочь развлечься вечерком с девочкой?

Я тут же себя одёргиваю. Ну да, конечно, размечталась. Нужна я ему, ага. У него все элитные наверняка на выбор, с его-то деньгами. Девчонка с панели — слишком низкий уровень для него.

Ну и ладно. Зато я в этом чудесном поместье. Хоть недолго побуду как в фильме.

Меня ведут не в его дом, а в длинный амбар поодаль, с закрытыми ставнями. Похоже на конюшню. Да, наверняка он там держит лошадей — заниматься лошадьми ему под стать, недаром ведь он выглядит как испанский дворянин. Но конюшня эта какая-то жутковатая. Особенно сейчас, на закате.

Меня заводят внутрь через калитку в деревянных воротах. Здесь темно, всё завешено каким-то целлофаном, и только вдалеке горит свет.

— Иди туда, — говорит мне водитель. — Господин Асаб там.

Он указывает вглубь амбара.

Дверь захлопывается у меня за спиной. Водителя рядом уже нет, я не заметила, как он вышел. У меня вдруг возникает нехорошее предчувствие. Но деваться мне некуда.

Иду на свет, отодвигая эти целлофановые шторы, и с каждым шагом мне всё хуже. Тут странный запах. Чем дальше я захожу, тем он сильнее. В конце концов я понимаю, что это тяжкий дух разделанной туши.

Не на конюшню это похоже. А на бойню.

Впереди раздаётся влажные тяжёлый удар. Потом ещё один. Кто-то что-то рубит. Я стараюсь ступать так тихо, как только могу.

Тень за клеёнчатой ширмой поднимает руку с топором и опускает её на стол. Ещё один влажный удар. В промежутках между ударами слышится нервное бормотание.

— Решили за нас взяться, да? Надиви пропал. Мабуши убит. Теперь моя очередь, да? Копаете под меня? Думаете забрать Синдикат себе? Думаете, у меня нет козырей в рукаве? Я вас удивлю.

Дрожа, я захожу за ширму.

На столе женское тело. Расчленённое. Разрублено где аккуратно, как в мясной лавке, а где-то в ярости измочалено топором.

Жуткие детали впиваются в глаза все разом. Лицо, изуродованное до неузнаваемости. Отрубленные руки и ноги. Но страшнее всех увечий наколотая на бедре татуировка.

Россыпь звёзд.

Вскрикнув, я отворачиваюсь, закрыв лицо руками.

«Джен! Лучше бы они тебя заперли в камере. Тебя отпустили, и ты попала в руки к этому чудовищу».

— Добрый вечер, — говорит Асаб, его голос нервно подрагивает. — Приношу извинения за этот... бардак, — он с досадой указывает на жуткий стол. — Просто я не выношу, когда что-то идёт не так, как я хочу. И не терплю никого, в ком вижу предателя.

Всхлипывая, я гляжу на него в щель между пальцами. Он отводит волосы с потного лба. По коже размазываются капельки крови.

— Скажете, что это слишком? Но ведь кто-то же навёл Интерпол на клуб. Может, она. А может, и нет.

Не могу смотреть. Да, да, всё так и есть, Джен. На этом столе вместо тебя должно лежать я.

— Смотри на меня! — орёт Асаб. — Смотри мне в глаза, когда я с тобой говорю!

Я убираю руки от лица. Меня вот-вот вырвет. Асаб нависает надо мной, его трясёт, он весь перекошен. Рука сжимает топор так, что пальцы сплошь белые. Я уже ничего не соображаю от ужаса.

Ну вот и всё. Конец проститутке Лиссе. Прости, Джен. Прости, папа.

— Скажи ему, что я согласен.

— Ч-ч-то? — выдавливаю я.

Он произносит ещё раз, терпеливо, как слабоумной:

— Скажи своему Куратору, что я согласен.

30. Лучшая работа на свете

Шум воды из душевой всё не стихает. Моника сидит в кресле, закинув ногу на ногу, и разглядывает свои туфли — удобные, с открытым носком, позволяющим продемонстрировать педикюр. В них жарковато, и в коротком чёрном платье тоже, но чем не пожертвуешь ради элегантности.

Моника крутит в пальцах электронную отмычку. Отличная игрушка — дверь гостиничного номера открылась на раз, хоть замки здесь совсем не дешёвые. Ещё бы, от отеля «Роял палац» не стоит ожидать меньшего. Будь у Моника привычные, простые отмычки, пришлось бы провозиться у двери подольше, и сотрудник на пульте охраны запросто мог бы что-то заподозрить. А с этой электронной штучкой всё заняло пару секунд — со стороны наверняка выглядело так, будто Моника открыла дверь номера ключом.

Будь у неё в распоряжении такие игрушки три года назад, её бы ни за что не взяли при той попытке обокрасть аптеку. Хотя в итоге всё сложилось куда лучше, чем она могла надеяться. Вместо тюремного срока ей предложили работу на Агентство. Знай она, что всё так обернётся — специально попалась бы копам.

Теперь можно проворачивать все эти противозаконные штуки, работая на секретную организацию. Опасность всё равно остаётся, она всё так же сладко щекочет нервы — иначе всё было бы бессмысленно. Но при этом есть приятное чувство защищённости. Если снова закроют в камере, Куратор оттуда вытащит. На него можно положиться.

И приказывать он умеет как никто другой. Ему приятно подчиняться — даже если знаешь, что он тебя использует.

Возможность поработать на Агентство — лучшее, что случилось с Моникой за все её двадцать четыре года. Нищета, разовые заработки, шатания по улицам Антверпена с такими же никому не нужными парнями и девчонками в поисках всего, что можно стащить — это уже в прошлом. Теперь у неё есть работа. Лучшая на свете работа.

В ванной становится тихо. Моника убирает отмычку в сумочку и кладёт ладонь на лежащий рядом «Вальтер» с глушителем.

Крупный чернокожий мужчина в одном полотенце выходит из ванной и замирает, увидев направленный на него ствол. Грубоватое лицо, мясистые сладострастные губы, мощный накачанный торс — всё как на фотографиях в досье. Джебхуз Надиви собственной персоной.

— Не двигайся, — говорит Моника. — Ты пойдёшь со мной.

Надиви смотрит на неё спокойно, без страха. Монике даже кажется, будто он раздевает её взглядом.

— Я арестован? — спрашивает он.

— Не совсем, — не сводя с него глаз, она свободной рукой лезет в сумочку. — Но наручники будут.

Она бросает браслеты ему под ноги.

— Надевай.

— А как я оденусь в наручниках?

— Наденешь штаны. Посветишь торсом, с тебя не убудет. У тебя проблемы посерьёзней, чем публичная обнажёнка.

— Как скажешь, — он усмехается. — У кого пистолет, тот и командует.

Он нагибается за наручниками. Полотенце соскальзывает и падает к его ногам, когда он выпрямляется.

— Как неловко, — говорит он, даже не пытаясь прикрыться.

Моника несколько секунд старается смотреть ему в лицо, но потом всё же опускает глаза. Там есть на что посмотреть. Блестящий от воды конец роскошно свисает едва ли не до середины бедра.

— Может, я надену что-нибудь? — он кивает в сторону спальни.

— Надень наручники, — говорит Моника, не переставая его разглядывать.

Её дыхание само собой становится глубоким и тяжёлым. В низу живота нарастает томительная пульсация.

Щёлкают браслеты. Надиви вытягивает перед собой скованные руки.

— Вот, как ты и приказала.

Моника отводит взгляд от мужского достоинства и смотрит на его запястья. Сейчас она не может точно сказать, слышала она два щелчка браслетов или всего один.

Чушь. Он никуда не денется. Пистолет у неё в руках. Хотя Куратор приказал обязательно взять его живым, и стрелять в него нельзя, достаточно просто пригрозить.

— Пойдём, оденешься, — Моника кивает в сторону спальни. — Не вздумай чего выкинуть. Я за тобой.

Надиви поворачивается и идёт в спальню. Моника делает шаг вслед за ним, держа пистолет в вытянутой руке, и он вдруг останавливается, запнувшись об диван, а когда она собирается его поторопить, он молниеносным рывком оказывается рядом с ней, вцепляется ей одной рукой в предплечье, а другой в горло. Наручники болтаются у него на запястье, одно кольцо пустое — он только сделал вид, что застегнул его до конца.

Моника пытается вырваться, но выученные на тренировках приёмы ничего не дают — Надиви намного больше и сильнее неё. Он выкручивает ей руку, заламывает за спину и отбирает пистолет.

— Попалась, тварь. Теперь ты моя.

Едва не сломав ей запястье, он тащит Моника через комнату и толкает лицом на стол. Ствол «Вальтера» упирается ей между лопаток.

— Ты из Интерпола, да? — он тяжело дышит, видимо, разглядывая её сзади. — Красивых шлюх они себе набирают. Сейчас я их за это поблагодарю.

Он грубо задирает ей платье, оголив ягодицы. Горячая волна проносится через всё тело Моника — она вдруг предельно ясно понимает, что будет дальше.

Что он сделает. Что он будет делать с ней.

Пнув по щиколоткам, он заставляет её расставить ноги. Мгновенный треск ткани — и Моника лишается трусиков. Твёрдый конец упирается ей в нижние губы и одним движением врывается внутрь. Моника охает от мимолётной боли, а Надиви наваливается на неё, впихивая член ещё глубже, так что у неё перехватывает дыхание.

Изнасилована. Унижена. Использована как шлюха.

— Думаете, прижали меня, да? — яростно и нервно бормочет Надиви, вколачивая в неё член. — Что уже почти взяли меня? Я вам покажу, кто кого взял.

Он жёсткими толчками припечатывает Моника к столу, край столешницы впивается ей в бёдра. Он огромен, и действует очень грубо. Она сдавленно шипит, а потом начинает постанывать — сначала от боли, а потом от удовольствия.

Он безжалостен. Он её использует. Она полностью в его власти — пистолет вжимается

ей в спину. И всё это так заводит.

— Заставили меня убежать, да? Унизили меня? Я вам покажу, кто кого поимел.

Он долбит её с энергией отбойного молотка. Неутомимый, грубый, опасный.

Может, это последний секс в её жизни.

При этой мысли Моника со стоном кончает. Насильник не обращает на это внимания и продолжает её сношать.

После оргазма ощущения притупляются. Моника, вся растаяв, раскидывается на столе. Надиви самодовольно смеётся.

— Какие вы все одинаковые. Сначала упираетесь, а как получите хорошего конца, так ломаетесь. И с вами что угодно можно делать.

Он вытаскивает из неё пенис и отступает.

— Раздевайся, — говорит он и добавляет: — Туфли оставь.

Моника послушно снимает платье, липнувшее к мокрой от пота коже. Надиви осматривается, наставив пистолет на неё. Её всё ещё потряхивает после оргазма, но он понимает это иначе.

— Боишься, сучка? А ну легла на диван!

Она покорно ложится, раздвинув ноги, и он заваливается на неё сверху. Диван узкий, и ему неудобно, приходится держаться рукой, чтобы не упасть. Он заглядывает ей в глаза и угрожающе произносит:

— Без глупостей, тварь. Убью.

Он дотягивается до стоящего перед диваном столика, кладёт на него пистолет, освободившейся рукой направляет член ей между ног, проскальзывает в неё и снова принимается её насиловать.

Это уже не так захватывает, как там, на столе. Он хлёткими толчками вбивает в неё пенис, и её тело отвечает ему, но ощущения смазанные, блёклые. Когда она чувствовала спиной пистолет, всё было куда острее.

Он распалается, ускоряется, толчками бёдер вжимая её в пружинящие подушки, и через минуту весь каменеет, отстраняется, вытаскивает из неё член и со стоном кончает. Горячие брызги падают Монике на живот, летят до самой шеи. Она прикрывает ладонью лицо, не сводя глаз с Надиви, и украдкой подтягивает колено к животу.

Когда он откидывается назад, с блаженной улыбкой утирая пот, Моника сильно бьёт его ногой в лицо.

Его голова дёргается, а Моника, выскользнув из-под него, змейй прыгает к столику, перелетает через него, схватив пистолет, и, перекатившись через плечо, вскакивает и берёт Надиви на прицел.

Он коротко и громко матерится. Потом садится нарочито вальяжно и выдавливает бледную улыбку, потирая челюсть.

— Детка, завязывай. Мы оба знаем, что ты не выстрелишь. Тебе приказали взять меня живым, и ты...

Пуля пробивает диван у него между ног, в паре сантиметров от мошонки. Надиви нелепо подсакивает.

— Ты нужен живым, но не обязательно целым, — произносит Моника. — Без яиц тоже сгодишься.

Улыбка слезает с его лица.

— Надевай наручники. На этот раз по-настоящему.

Он нехотя защёлкивает браслеты, поглядывая на Монику.

— Я тебя только что оттрахал. Изнасиловал, унизил. Тебя это что, вообще не колышет?

Она пожимает плечами, не меняясь в лице.

— Я люблю жёсткий секс.

У неё в промежности всё пульсирует — там всё ещё помнит большой крепкий член. Это триумф — она взяла подозреваемого, — и сейчас ощущение успеха мешается с лёгким унижением, а ещё с удовольствием, которое она не может отрицать.

Идеальный коктейль ощущений. Всё обернулось просто отлично.

«И туфли тоже замечательные», — думает она, глядя на распухающий подбородок Надиви.

Уже ничего не опасаясь, она поворачивается к нему спиной, берёт из сумочки телефон и пишет Куратору короткое сообщение.

«Я его взяла».

Меня всё ещё трясёт. Уже полчаса прошло, как меня увезли из поместья Асаба, а я всё никак не могу успокоиться. Машина уже уехала, а я всё стою на тротуаре и дрожу, как в лихорадке.

Кое-как взяв себя в руки, достаю телефон. Едва не выронив, пишу Куратору.

«Асаб согласился».

После этого меня выворачивает прямо на тротуар.

Куратор глядит на сообщение от Лиссы. Потом на сообщение от Моники. Ему хватает пяти секунд, чтобы принять решение.

Он отправляет досье Джебхуза Надиви в корзину. От него останется только копия в недрах архивов Агентства. Может, кто-нибудь когда-нибудь разыщет её там и прочтёт. Но для самого Надиви это уже ничего не изменит.

«Ферзём тебе всё же не стать, Надиви», — думает Куратор, набирая сообщение Моники.

«Планы изменились. Надиви больше не нужен».

Моника читает на дисплее сообщение от Куратора и закрывает мессенджер.

Несколько секунд она думает, глядя на Надиви и похлопывая себя pistolетом по голому бедру. Он сидит перед ней за столом — обнажённый, со скованными руками и бледной улыбочкой на физиономии. Моника кладёт перед ним телефон и включает запись видео.

— Говори всё, что знаешь об Асабе. Смотри в камеру.

— Как скажешь, дорогая.

Он всё ещё пытается строить из себя мачо, и это смешно и жалко одновременно. Уставившись в смартфон, он начинает говорить.

— Его называют Габриэль Асаб. Думаю, это не настоящее имя. Он появился в Ревалии лет десять назад, или вроде того. Торговал оружием. Убил своего босса и занял его место. Его поддержали потому, что боялись. Он садист. Таких зверей, как он, я в жизни не видел. Нет, правда, он больной на голову. Может вежливо поговорить с человеком о погоде, а потом своими руками содрать с него кожу. Очень любит всё делать сам. А если его что-то злит, он может схватить кого угодно и превратить в фарш. Особенно если человек беззащитный. Например, женщина.

Моника заходит ему за спину, делая вид, что подбирает свою одежду, и украдкой разглядывает Надиви. Мощные плечи, мускулистые руки, широченная спина, накачанные ягодицы. Столько силы — но сейчас он в бегах, в чужой стране, лишившийся всей своей власти.

Вот до чего доводит отсутствие амбиций. Моника никогда не понимала людей, которые сумели забраться высоко и при этом не пытаются залезть ещё выше.

Надиви продолжает свою бессмысленную болтовню, послушно глядя в камеру смартфона.

— Вы ведь хотите наладить бизнес с Синдикатом, я же понимаю. Хотите делать деньги — я это вижу. Не зря я в Синдикате один из первых людей. Так вот, для вас Асаб — не вариант. Лучше вам иметь дело со мной. А от него вам надо избавиться. То есть, нам надо. И я знаю, как это сделать. Я знаю, где его поместье. Знаю, какая там охрана, как к нему лучше подобраться.

Моника тихо подходит к нему сзади. Он не слышит её шагов и продолжает говорить.

— Вам со мной повезло. Серьёзно, в моём лице вы получили с Синдикатом такой шанс, от которого нельзя отказыва...

Моника стреляет ему в затылок. Он с тяжёлым стуком падает лицом на стол, вывернув шею.

Наклонившись, она заглядывает в его потухшие глаза.

— Прощай, дорогой. С тобой было... весело. Жаль, не судьба повторить.

Тело Надиви неподвижно. По зеркальной поверхности растекается кровь пополам с мозгами.

Моника трогает пальцами горячий пистолетный ствол, нервные окончания приятно пощипывает. Несколько секунд она рассматривает мёртвое тело, потом быстро одевается и выходит, плотно закрыв за собой дверь. На её губах играет довольная улыбка.

Это лучшая работа на свете.

31. Фейерверк*

* Фейерверк — в шахматной партии каскад жертв при осуществлении комбинации.

Куратор глядит на бутылку умопомрачительно дорогого коньяка на столе. Настоящий «Курвуазье Леспри», особый, напиток победителя. До этого момента для него был всего один достойный повод — в тот день, когда перспективного агента Питера Бейли назначили Куратором.

Судя по всему, скоро можно будет с полным правом ещё раз открыть эту бутылку — тогда, когда Питер Бейли сумеет сохранить свою должность.

И пусть лишь стены этой квартиры станут свидетелями триумфа, это не умаляет его значимости. В конце концов, лишь немногие способны понять всё величие этого момента.

Пусть он ещё не настал, но вероятность такого исхода высока настолько, что сегодня Куратор позволил себе извлечь бутылку на свет и поставить её на стол.

Глядя на неё как на приз победителя, он звонит Габриэлю Асабу.

— У вас не осталось конкурентов, — говорит Куратор. — И Мабуши, и Надиви мертвы. Синдикат полностью под вашим началом.

— Хорошо, — произносит Асаб. — А что насчёт ваших людей? Вы обещали мне...

— Информацию вы получите уже сейчас — обо всех сотрудниках Агентства, действующих в Ревалии, как я и обещал. Но помните, господин Асаб: если вы попытаетесь выудить из них информацию, наше сотрудничество закончится. От них вы не узнаете об Агентстве ничего, и вместо этого лишитесь поддержки нашей организации. Вам нельзя брать их живыми. Только мёртвыми.

— Только мёртвыми, — повторяет Асаб.

— Отлично, господин Асаб. Это начало долгого и плодотворного сотрудничества.

Куратор завершает вызов, а затем пересылает Асабу информацию о местонахождении Кирка Меррита, Райи Табаро и Агаты Горак.

Валери и Лисса останутся его глазами и ушами в Синдикате.

Чуть помедлив, Куратор отправляет ещё и геолокацию Лоры Бенуа. Никаких эмоций он при этом не испытывает.

Так будет вернее. Подающей надежды мисс Бенуа никогда не стать новым Куратором.

Взглянув на бутылку ещё раз, он почти ощутил разливающийся в воздухе аромат коньяка.

Триумф близок.

Райя грациозна и страстна. Она сверху, у Кирка на бёдрах, скачет на нём в неистовом ритме. Кровать яростно скрипит, раскачиваясь от толчков.

Райя протяжно стонет, исходя жаром и сладким потом. Её движения порывисты и полны страсти. Упёршись ладонями ему в грудь, она всё ускоряется, пока темп не становится бешеным, а её стоны не превращаются в крики наслаждения.

Кирк изо всех сил сдерживается, пока она содрогается в пароксизмах. А когда она замедляется, глядя на него с пьяной улыбкой, он подхватывает её за бёдра и рывком переворачивает, оказавшись сверху, между широко разведённых бёдер, и начинает плавно двигаться. Райя довольно смеётся и обнимает его ногами, вжав икры в его ягодицы.

— Ещё, ещё, — шепчет она. — Если остановишься, я тебя убью.

— И не подумаю, — отрывисто отвечает он между толчками. — Я только начал. Обхватив его за шею, она притягивает его к себе и впивается в его губы.

Кирк очень удивляется, взглянув на часы — оказалось, что уже половина третьего ночи. Он вытягивается на смятой простыне, чувствуя приятную усталость. Удовольствие, острое и приятное, всё ещё гуляет по нервам. Дыхание постепенно успокаивается, в уши вливается ночная тишина, вытесняя скрип и стук кровати.

Он понимает, что уже некоторое время улыбается, не замечая этого.

— А ты хорош, — говорит Райя, устроив голову у него на животе.

— Ты тоже. Не помню, чтобы с кем-нибудь было так же.

Она коротко хохочет.

— Мне нравится, как ты врёшь.

— Может, я и не вру.

Он на неё. Почувствовав его взгляд, Райя поворачивается к нему, заглядывает в глаза, потом ложится на спину и смотрит в потолок. Она всё ещё лежит на нём, но словно становится чуть дальше.

Вся раскованность, вся резкость будто уходят из неё. Кирк вдруг отчётливо понимает, что сейчас она настоящая — никакой бравады, никаких масок. Здесь, в этой постели, на влажных от пота простынях, в маленьком отеле — она настоящая.

Сейчас можно говорить всё как есть. Недомолвки, ложь во спасение, социальные контракты и маски не нужны. Она поймёт всё, что он скажет, и он тоже поймёт каждое её слово. Кирку впервые за все эти дни становится не жарко, а тепло.

Удивительное чувство свободы и близости с другим человеком. Вот оно. Вот чего так не хватало. Сейчас он не один, по-настоящему не один.

— Когда я впервые тебя увидел, я не думал, что окажусь в твоей постели, — говорит Кирк, просто чтобы что-нибудь сказать.

— Я тоже не думала. У меня в спальне бывают только те, кого я хочу там видеть. И столько, сколько я хочу их там видеть.

— Это сколько?

— Это до утра. Обычно до утра. Последнего, кто хотел задержаться надолго, я выставила за дверь. Одевался он уже на улице.

Она хотела сказать едко, в своей обычной манере, но получилось грустно. Она замолкает.

Кирк всё пытается поймать её взгляд, но Райя смотрит в потолок.

— Давай я буду говорить, — произносит Кирк. — Я буду говорить, а ты поправь меня, если я ошибусь.

— Валяй, — говорит Райя.

— У тебя было много мужчин. Но все на пару ночей. Ты перебираешь их, потому что тебе интересно. Но при этом надеешься найти такого, с которым хотелось бы остаться.

— Идеальных не бывает. В этом я уже убедилась.

Некоторое время она молчит. Кирк не мешает ей.

— Я чуть не вышла замуж в Манчестере. Но вовремя поняла, что не смогу с ним жить.

— Ты как-то... для себя решила, что не будешь ни с кем всерьёз. Но надеешься, что всё же будешь.

Говоря, поглаживает её по голове. Она никак не реагирует, но Кирк чувствует, что ей

нравится и то, что он делает, и то, что он говорит.

— Это должен быть человек, который меня не ограничивает, — произносит она. — Надёжный. С которым можно чувствовать себя... защищённой, но при этом свободной. Который заботится. Который меня понимает. Который как я.

— Я даже не пытался жениться. Не потому, что у меня такая профессия. Просто я... не хочу быть ни хозяином, ни рабом. А других отношений я не видел, нигде и ни у кого. А мне нужны именно такие, небывалые отношения.

Он делает паузу, а потом говорит:

— Я хочу остаться. Ты выставишь меня за дверь?

Райя смотрит ему в глаза.

— Остайся.

Она сама целует его.

— Подожди, — она отрывается от него. — Ты слышал?

— Что?

— В коридоре. Кто-то идёт сюда.

Прислушавшись, Кирк различает тяжёлые шаги нескольких человек.

Гроган шагает по коридору, поглядывая на номерки на дверях. Сонный хрен за конторкой внизу сказал так: баба в двадцать втором, мужик в двадцать третьем. В оба номера надо ворваться одновременно, так больше шансов взять их тёпленькими.

Время позднее. Спят, наверно, суки. Они опасные, мужик и баба — вдвоём вынесли всех на вилле доктора, и его самого тоже завалили. Ну не зря ведь по их душу послали его, Грогана. А он взял с собой ещё троих умелых парней.

Он оглянулся — двое позади, один идёт рядом. Все тёртые, не пальцем деланы. Гроган передёргивает затвор «Калашникова», и остальные делают то же самое, как по команде. Им даже говорить ничего не надо. Отличные ребята.

Двадцать второй номер слева, двадцать третий — справа, напротив. Гроган останавливается, кивает ближнему, Нейсу, на двадцать второй, а двоим другим указывает на двадцать третий.

Сам он тоже решает взять двадцать второй, тот, где баба. Валить баб ему всегда нравилось больше, чем мужиков.

Хлипкий замок вылетает от одного удара ногой. За спиной треск выбитой двери напротив. Гроган врывается в номер, в короткий узкий коридор, ведущий в единственную комнату; Нейс втискивается вслед за ним, и Гроган прямо от бедра даёт длинную очередь в кровать.

Летит поролон и обрывки простыней. Мелькает нырнувшее с кровати тело, взметаются белые кудри. Гроган палит не переставая, а Нейс, просунув автоматный ствол рядом Гроганом, тоже поливает комнату свинцом.

Что-то вылетает из-за угла и сильно бьёт Грогана в переносицу, рассекая ему левый глаз. В голове что-то хлопает — будто внутри черепа взорвалась большая лампочка, — и он валится назад, получив в бок очередь от всё ещё палящего Нейса. Автомат выворачивается из рук.

Оказавшись на полу, Гроган единственным уцелевшим глазом видит над собой голого мужика с его, Грогана, «Калашниковым» в руках.

Ещё он успевает увидеть у своих ног горлышко разбитой пивной бутылки. Потом мужик

расстреливает его и Нейса в упор.

Кирк зажимает спусковой крючок, выпуская весь рожок разом. Упавший толстяк умирает на месте, другого очередью выносит в коридор. Кирк стреляет в тёмный дверной проём своего номера, не пытаясь в кого-то попасть — просто чтобы отбить желание высунуться у тех, кто туда ворвался.

Пока он опустошал магазин, Райя успела схватить сумку, надеть трусы и открыть окно. Кирк сгребает свои джинсы и выпрыгивает вслед за ней во внутренний двор.

Диемо ждёт в машине, как и приказал Гроган. В отеле пальба, выстрелов до чёрта — видно, парни действуют наверняка. Шуму много, и в газетах потом что-нибудь напишут про разгул преступности, но полицейские, как обычно, никого не найдут и не задержат.

Можно не напрягаться. Сейчас Гроган и парни закончат дело, без лишней спешки выйдут из отеля, сядут в машину, и Диемо увезёт их подальше отсюда. Волноваться не о чем. А вот простые лохи в соседних домах сейчас наверняка наложили в штаны.

Вон девка выскочила на улицу прямо в одних трусах. Бежит босиком, сумка на плече. Клёвые у неё сиськи! А мужик за ней вообще голый, штаны в руке. Видно, пальба спугнула их прямо из койки. Видно, трахались в отеле.

В отеле.

Диемо понимает всё за секунду до того, как девка на бегу выхватывает из сумки пистолет и простреливает ему голову.

Райя выбрасывает тело водителя на дорогу и влетает на водительское сиденье. Кирк, перемахнув через капот, оказывается на пассажирском. Двигатель уже заведён, бак полный — машина была готова увезти убийц с места преступления. Райя давит на газ, и через минуту они с Кирком уже скрываются на ночных улицах.

— Они знали, где мы, — говорит Кирк, натягивая штаны. — Они точно знали, где нас искать.

— Нас кто-то сдал, — нервно выдыхает Райя.

— Мы ведь сообщили только Бенуа.

Они минуту они едут молча, думая об одном и том же. Наконец Кирк говорит:

— Может, она сказала кому-то ещё.

Райя мрачно глядит вперёд. Кирк, натянув джинсы, произносит:

— Одно точно. Одеваюсь я уже на улице.

Райя мрачно смеётся, вжимая газ в пол.

От двери номера доносятся скрипы и пощёлкивания. Кто-то взламывает замок.

Выглянув в окно, Лора Бенуа видит, как из машины внизу выходят вооружённые люди. Их много.

Она накидывает халат и достаёт пистолет из прикроватной тумбочки. Секунду подумав, берёт телефон и идёт в ванную.

Понимая, что у неё меньше минуты, она успевает переслать Агате Горак контакты Меррита и Табаро. И написать короткое сообщение.

«Беги. Не связывайся с Куратором, не говори ему, где ты. Меня больше не будет. Удачи».

Подумав секунду, она отправляет номер телефона Агаты ещё одному человеку из списка контактов. Сердце подкакивает, когда она жмёт на кнопку отправки, и Лора несколько раз повторяет себе, что приняла верное решение.

Убедившись, что сообщения доставлены получателям, Бенуа бросает телефон в горловину унитаза и жмёт на смыв до тех пор, пока бачок не оказывается пуст.

Даже за шумом воды она слышит, как люди входят в её номер.

Дальше оттягивать уже некуда. Пора.

Лора делает глубокий вдох как перед прыжком в воду, берёт пистолет наизготовку и распахивает дверь.

Она успевает выстрелить дважды и в кого-то попасть. Потом автоматные очереди разрывают её на куски.

Агата вздрагивает и просыпается, глотая воздух. Лёгкие полны воды. Грубая рука вцепилась в волосы — ощущение так реально, что Агата садится в постели и ощупывает затылок, убеждаясь, что это не по-настоящему. Моргая, она вглядывается в темноту до тех пор, пока не начинает различать стены съёмной комнатки в хостеле. Здесь никого нет.

Об этом хостеле Агата не сказала никому. И о том, что в привычной квартире ей стало невыносимо страшно.

На тумбочке светится дисплей телефона. В мессенджере новое сообщение — наверное, оно её и разбудило. Вытирая мокрое лицо, Агата читает и тут же просыпается окончательно.

Несколько минут она звонит Бенуа, но телефон Лоры выключен. Это означает самое худшее — что ей можно больше не звонить.

Осознав, что случилось, Агата вскакивает с кровати и быстро собирает свои вещи в сумку. Вся сонливость улетучилась моментально. От нервного напряжения кончики пальцев покалывает.

Собравшись, Агата осторожно выглядывает в окно и заставляет себя осмотреться медленно и тщательно. На ночной улице никого. Стёкла припаркованных у тротуара машин покрыты конденсатом — значит, они здесь уже давно, и новых среди них нет. Агата прощупывает улицу взглядом, чувствуя, как дрожат губы.

Когда напряжение становится невыносимым, она выскользывает из номера. Спускаясь по лестнице, придерживая сумку на плече, она просматривает контакты, которые последним сообщением прислала ей Бенуа.

32. Встреча самоходок*

* Самоходки — пешки, которые продвинулись далеко и которые невозможно остановить.

Кирк и Райя припарковались на площади у железнодорожного вокзала. Их машина не выделяется среди других, ждущих прибывающих и просто таксующих. Здесь много людей, то и дело кто-то приезжает и отъезжает. Повсюду снуют пассажиры с чемоданами, вокруг гомон разговоров, шум двигателей и грохот пластмассовых колёсиков по трещинам в асфальте.

— Неплохое место для встречи, — говорит Райя. — Людно.

— Поэтому она его и выбрала, — говорит Кирк. — Она нам не доверяет.

— А мы ей доверяем?

Кирк пожимает плечами. На нём только джинсы и больше ничего. На Райе пляжное парео и майка на голое тело. Пустая сумка лежит между сиденьями, у Райи под рукой.

— Я её вижу, — говорит Кирк, глядя в окно. — На три часа. Спортивная девчонка, чёрные шорты, белый топ.

Райя, проследив его взгляд, кивает и поправляет сумку. На секунду становится виден пистолет.

— На всякий случай, — говорит она.

Кирк высовывает руку в окно и машет. Девушка поворачивается к машине, несколько секунд приглядывается и направляется к ним.

Агата шагает к бордовому корвету, из которого помахал мужчина. Цвет машины напоминает цвет крови, и от этого нервы гудят ещё сильнее. Ноги Агаты готовы предательски задрожать на каждом шагу. Она изо всех сил старается совладать с собой.

Нельзя, чтобы они видели, как ей страшно.

— Привет, — говорит ей с переднего сиденья голый по пояс мужчина. — Садись назад.

— Не хочу сидеть в машине, — Агата выдавливает улыбку. — Погода хорошая. Может, ты выйдешь?

— Мне не очень удобно выходить, — говорит мужчина с искренним смущением и приоткрывает дверь. Становится видно, что он босой.

— Садись в машину, зайка, — говорит мулатка, перегнувшись с водительского сиденья. — Здесь удобнее.

И он, и она похожи на те фото, которые Агате прислала ночью Бенуа. Агата медлит, рассматривая их самих и машину.

На мужчине ничего, кроме штанов. Он крепкий, подтянутый. Взгляд спокойный и уверенный.

Женщина одета как попало. Кудрявые выбеленные волосы наскоро схвачены в пышный хвост. Сидит в раскованной позе, разведя ноги, ничуть не смущаясь, что видны её трусики.

В салоне грязновато. Повсюду фотки с голыми девицами: на солнечном козырьке, на приборной панели, на бардачке. С зеркала свисает фигурка девушки на стриптизёрском шесте. На спидометре заметны плохо отёртые бурые пятна.

Машина определённо не их. И выглядят они так, будто собирались в страшной спешке. Скорее всего, это действительно оперативники Меррит и Табаро. Скорее всего, можно сесть

к ним в машину.

Но у Агаты подкашиваются ноги при этой мысли.

Рядом останавливается синий седан. Водительская дверь открывается, и под солнце выходит эффектная женщина в больших тёмных очках. Встряхнув волосы, она твёрдым шагом направляется к Агате.

— Привет всем, — произносит она. — Не хотела мешать, но, похоже, вы ждёте меня.

Агата приглядывается к ней и вдруг вся расцветает. Это Валери Стилл. Она точно такая же, как тогда, у больницы «Святой Сальвадор».

— Ты не сказала, что мы ждём ещё кого-то, — говорит мулатка.

Она кладёт руку на сумку. У полуголого мужчины заметно напрягаются плечи.

— Она с нами, — говорит Агата. — Ей можно доверять.

Конечно, можно. Валери ведь доверилась Агате, когда всё же дала ей свой телефонный номер.

Мужчина и женщина в машине чуть расслабляются.

— Давайте ко мне, — Валери кивает на свой автомобиль. — Там почище. И есть кондиционер. Кое-кому тут очень жарко.

Она проходится по телу мужчины таким взглядом, что у Агаты кровь приливает к щекам.

Мужчина и женщина в корвете кивают друг другу. Он выходит, а она убирает в сумку пистолет, всё это время лежавший у неё под рукой.

В машине Валери прохладно. Оперативники садятся на заднее сиденье, Агата занимает переднее пассажирское место, рядом с Валери.

Она снимает очки. Мужчина вглядывается в её лицо.

— Я тебя где-то видел, — говорит он.

— Я снялась в паре фильмов. В тех, о которых тебе друг рассказывал.

Повисает пауза. Все несколько секунд глядят на Валери, думая об одном и том же. Валери спокойно выдерживает эти взгляды.

— Нам нужно где-то залечь, — наконец произносит мулатка.

— Только не в отеле, — говорит мужчина. — Нас тут же сдадут Синдикату. Может, ночью нас так и вычислили.

— Дело не в этом, — говорит Агата. — Нас всех обнаружили в одну ночь. Бенуа написала, что я в опасности. И что я должна найти вас. Она как-то узнала, что на всех нас вышли одновременно.

— А где сама Бенуа? — спрашивает Райя.

Агата пожимает плечами, на секунду почувствовав себя потерявшейся в толпе девочкой. Она глядит на Валери, и кажется, будто за холодностью актрисы что-то мелькает.

— Мы вообще можем что-то обсуждать при ней? — мулатка кивает мужчине на Валери.

— Да, при мне вы можете говорить на взрослые темы, — произносит та. — Агентство, шпионские игры — я всё это знаю. И даже иногда участвую.

Она смотрит на Агату и произносит:

— Мы можем поехать ко мне.

— Не уверена, что это хорошая идея, — говорит мулатка.

— Не волнуйтесь, у меня резиновые члены по комнатам не валяются, — Валери усмехается. — Обычный дом на побережье. Совсем не секс-шоп.

Мулатка тяжело вздыхает, сжав сумку у себя на коленях. Мужчина кладёт ладонь ей на

плечо.

— Иногда нужно просто довериться. Какие у нас ещё варианты?

— Действительно, когда у тебя есть только штаны на заднице, вариантов немного, — говорит Валери.

Мужчина хмыкает. Его спутница смотрит угрюмо.

— Мы можем друг другу доверять, — с нажимом произносит Агата. — Не знаю, чего хотела Бенуа, но мы точно должны работать вместе. Поедем к Валери.

— И обсудим, как мы вообще оказались в такой заднице, — говорит оперативница. — Вы меня убедили. Едем.

Дом Валери за городом, на береговой полосе. Наверняка недвижимость здесь недешёвая. Агата вдыхает морской воздух, шагая вслед за Валери к современному одноэтажному домику. Ей почему-то сразу здесь нравится.

— У тебя тут уютно, — произносит Кирк, осматриваясь. Заметно, что ему неловко.

— Любезности оставим на потом, — говорит Райя, бросив сумку рядом с диваном. — Нас кто-то сдал. Предлагаю поговорить об этом.

— Может, Бенуа? — спрашивает Кирк.

Он усаживается на диван. Райя садится рядом, прижавшись к нему бедром.

— Бенуа не отвечает на звонки, — говорит она. — Её телефон выключен. Не похоже на ответственного агента.

— Если она вас сдала, то зачем помогла найти друг друга? — спрашивает Валери, усевшись в кресло напротив.

— Я думаю, что... — у Агаты дрожит голос, — что Бенуа уже нет в живых. Я её знаю, ей можно доверять, она не могла нас предать. Я не могу это доказать, но надо подумать над другой версией.

Несколько минут все молчат. Райя и Кирк переглядываются. Агата смотрит в пол. Валери задумчиво глядит на неё.

— Нужно уезжать, — глухо произносит Агата. — В другую страну. Домой.

— У нас есть задача, — говорит Кирк.

— Мы не можем её выполнить, — говорит Райя неожиданно мягко. — Мы не знаем, где наши цели. Нам обозначили троих. Мабуши мёртв, где Надиви и Асаб — неизвестно.

— Уехать вы тоже не можете, — говорит Валери, глядя на море. — Не советую вам соваться в аэропорты или селиться в гостиницах. Оставайтесь у меня. Здесь вас не станут искать.

— И долго нам тут быть? — спрашивает Райя. — Нужно искать контакты. Есть ещё кто-то из наших в Ревалии?

Все смотрят на Агату.

— Откуда мне знать? — спрашивает она.

— Из нас ты — единственный агент, — говорит Кирк. — Я и Райя — исполнители Валери...

— Внештатная сотрудница, — Валери пожимает плечами.

— Я не знаю, что делать, — говорит Агата. — На роль лидера я не гожусь.

Райя что-то хочет сказать, но её перебивает короткий звон входящего сообщения. Агата достаёт из кармана телефон и, нахмурившись, читает сообщение.

«Нам надо встретиться. У меня есть информация, которая тебе нужна».

Это обычное СМС, не мессенджер Агентства. Номера отправителя нет в её списке контактов.

Агата, помедлив, пишет ответ.

«Кто ты?»

«Об этом не сейчас».

«Откуда мне знать, что тебе можно доверять?»

«Всё руководство Агентства так решило, когда направило меня в тренировочный лагерь в Беркли. На курсы для пташек».

Курсы для пташек. Калейдоскоп картинок мелькает перед мысленным взором Агаты: она в мокром насквозь кимоно в спортзале; она на гулком стрельбище, с тяжёлым и непослушным пистолетом в руках; она проводит бесконечные часы психологических тренингов в скучных кабинетах. Там всё это так и называлось — курсы для пташек.

«Встретимся вечером в кафе «Киваги».

— Это может быть ловушка, — говорит Райя.

Все смотрят на Агату. Телефон в её руках. Неизвестный адресат ждёт её ответа.

«Встретимся на моих условиях», — пишет Агата. «Я сама выберу место. Скажу тебе, где я буду вечером. Ты приедешь ко мне».

Ответа долго нет. Агата чувствует, как в комнате сгущается воздух. Когда наконец раздаётся сигнал, у неё вздрагивает рука.

«Идёт. Но я тоже ставлю условие: ты будешь там одна. Если замечу ещё кого-то с тобой, всё отменяется. Идёт?»

Сердце у Агаты колотится сильно и часто. Все смотрят на неё с тревогой, и она кажется себе ещё более беззащитной.

Сжав зубы, сделав над собой усилие, она пишет ответ.

«Я согласна».

33. Славная девочка Лисса

Весь день сижу, уставившись в кухонное окошко. Там нечего разглядывать — разве что такой же низенький многоквартирник с маленькими клетушками вроде нашей с отцом. Время тянется медленно, и при этом чудится, будто утро было только что, хоть уже и вечерет. Кажется, за весь день я так и не встала из-за стола.

За стенкой, в единственной комнате, орёт телевизор. Оказывается, я уже успела отвыкнуть. Не могу вспомнить, когда в последний раз была дома целый день и целую ночь подряд.

Тянет что-то. Мешает думать. Мысли медленные и короткие. Так было, когда меня отлупили до сотрясения. Только вчера-то меня никто и пальцем не трогал. Но голова так же отключается и не хочет работать.

А думать надо. Надо куда-то пристраивать свою рабочую задницу. Клуб закрыли. В новый просто так не возьмут, а поручиться за меня теперь некому. Да и не надо никому говорить, что я работала в «Каса Нове». Могут подумать, что та самая крыса, из-за которой накрыли клуб — это я. Поди докажи потом, что это не так.

Неизвестно, что делать дальше. И в голову ничего не лезет. Денег немного. Я и сиделке велела не приходить, раз уж я торчу дома.

На улицу придётся вернуться, вот что. Обратно на панель. От этого и мутно на душе.

Нет, не от этого.

Эти звери убили Джен! А я ничего не сумела сделать. А могла бы. Могла бы! Могла ведь?!

Почему я не попыталась выгнать её из клуба? Дура, никчёмная дура...

Умываюсь прямо из-под кухонного крана. Тошно. Не думается ни о чём.

Ноги сами несут в комнату.

Отец глядит в телевизор. Там какой-то сериал. Ящик орёт невыносимо, и я делаю потише. Папа не возражает, хоть он и глуховат уже. Он всё так же глядит на экран. Вряд ли он понимает, что именно видит.

Тут же отгоняю эту мысль. Это я умею.

— Я не знаю, как поступить, пап.

Обнимаю его, утыкаюсь лицом в морщинистую шею. Это он, папа. С ним всегда спокойно. С ним можно говорить о чём угодно, всегда было можно. Если у малышки Лиссы были проблемы, она шла к папе. Не решаются школьные задачки — к папе. Обидели мальчишки — к папе. Рассадила коленку — к папе. Ничего не изменилось.

Он похлопывает меня по спине, как всегда. Как раньше. Он всегда так делал. Какая бы у него ни была стадия, он меня помнит. И сейчас смотрит как всегда, и морщинки у него вокруг глаз так собираются, и он улыбается, и...

— Всё хорошо, — говорит он, заглядывая мне в лицо. — А где Лисса?

Ничего, к этому я тоже привыкла. Он помнит, какая я была лет в двенадцать, а взрослую может и не узнать.

Нет. Нет. Ни хрена я не привыкла.

— Ничего, пап, — я сажусь на пол, прислонившись к его креслу, глажу его по руке. — В Америке такие клиники, знаешь... Они тебя там вылечат. Они умеют. Всё у нас будет хорошо.

Он глядит мимо меня и кивает. Я знаю, что он меня не слушает. Он сейчас где-то там, в своих воспоминаниях. Что происходит здесь, он не понимает.

Ему уже не помогут. Ни в Америке, ни в Швейцарии, нигде. Я ничего не могу для него сделать.

Ничего не могу сделать. Ни для Аиши. Ни для Джен. Ни для него.

— Лисса у меня славная, — говорит папа, улыбаясь. — Знаете, она всего в жизни добьётся, когда вырастет. Она у меня славная девочка.

Он кивает кому-то — наверно, тому, кому это всё рассказывает. На меня он не смотрит.

Роняя пульт, я делаю телевизор погромче, на всю. Потом бегу на кухню и плотно закрываю дверь. И уже там реву в голос.

34. О чём говорят грешницы

Из всех людных мест Агата выбрала маленькую католическую церковь на окраине города. Возможно, стоило назначить встречу на каком-нибудь вокзале, в кинотеатре или хотя бы в кафе, но выбор она почему-то решила остановить именно на церкви.

На место Агата приехала на машине Валери — та сама предложила. Кирк настаивал, что ему лучше тоже поехать, но Агата всё же отказалась от его помощи. Когда она уже выходила, Райя молча дала ей свой пистолет.

У Агаты тогда возникло дурацкое ощущение, будто это родители собирают её в школу. Только вместо коробки с обедом теперь пистолет.

В церкви Агата села на одну из длинных деревянных скамеек — они все старинные, спинки вытерты добела тысячами прикосновений. Прихожан почти нет, кроме Агаты здесь всего шесть человек, но она всё равно не может отделаться от мысли, что за ней следят. Что она выглядит странно в куртке в этот жаркий вечер. Что пистолет во внутреннем кармане выпирает и притягивает взгляды.

Агата поняла наконец, почему выбрала именно церковь: место людное, но не слишком. В толпе, под десятками взглядов, она бы сошла с ума от напряжения.

Она выдерживает минут пятнадцать, потом она идёт в исповедальню и задёргивает за собой шторку, оставив маленькую щель, чтобы видеть скамейки.

Ощущение чужого взгляда пропадает.

В куртке становится жарко. Агата кладёт пистолет себе на колени, поверх бросает куртку. Палец держит на спуске. Это непрофессионально, но так спокойней.

Кто-то входит в кабинку за перегородкой. Через решётку не видно лица, только голову, укрытую свободным платком.

— Решила поговорить в исповедальне? — спрашивает женский голос. — Поэтично.

Агата только сейчас понимает, что вошла в ту часть исповедальни, которая предназначена для священника.

— Кто ты? — спрашивает Агата.

— Кающаяся грешница. Пришла замолить грехи. Не волнуйся, я не посмею лгать на исповеди.

Под курткой Агата направляет ствол пистолета в деревянную перегородку, туда, где сидит собеседница. Из-за решётки слышится невесёлая усмешка.

— Зачем ты меня позвала? — спрашивает Агата.

Незнакомка некоторое время молчит, будто не зная, что ответить.

— Вам не рассказали, зачем вы здесь, — говорит она. — Не сказали о конечной цели ревалийской операции. Агентство не пытается уничтожить организованную преступность в стране. Вся деятельность Агентства направлена на то, чтобы наладить взаимодействие Синдиката и американских спецслужб. Агентство подконтрольно ЦРУ — этого нам... вам тоже не сказали.

— Этого не может быть, — говорит Агата неуверенно.

— Тише, — говорит незнакомка. — Не прерывай мою исповедь. Я расскажу, что знаю. А ты уже решай, что с этим делать.

Агата кивает.

— Сейчас во главе всего Синдиката остался один Асаб. Мабуши... убит. Надиви уехал

из страны, и что-то мне подсказывает, что его тоже нет в живых. Агентство устранило тех, кто не нужен или неудобен в структуре Синдиката. Асаб, похоже, согласился сотрудничать.

— Откуда ты это знаешь?

Незнакомка некоторое время молчит.

— Доктор Мабуши любил разыгрывать из себя всезнающего мудреца, но кое-что он действительно знал. У него было много осведомителей в Синдикате, много знакомых в госструктурах разных стран...

Она усмехается, смотрит в сторону и продолжает странным пьяным голосом.

— Знаешь, я думала, что это чушь, когда в кино разблокируют телефон покойника, приложив сенсор к его пальцу. Оказалось, это правда работает. По крайней мере, если труп ещё тёплый. Если застрелила его пару минут назад.

Агате вдруг хочется ворваться в соседнюю кабинку, стянуть с незнакомки платок и посмотреть ей в лицо.

— Вас сдал Синдикату Куратор, — говорит незнакомка. — Он ведёт свою игру — я не знаю зачем. Но он подставлял оперативников и агентов, накалял ситуацию, и теперь, видимо, добился своего. И вы стали ему не нужны. А может, Асаб потребовал ваши головы как доказательство честности Агентства.

— Я не верю, — говорит Агата.

— Я бы тоже не поверила, — глухо произносит незнакомка. — Ещё неделю назад не поверила бы. Нам говорили, что Агентство независимо. Что правительство Ревалии обратилось к Агентству, чтобы мы сделали грязную работу — уничтожили Синдикат одним ударом, без полиции и судов, которым нельзя доверять. Оказалось, нами вертели как хотели. А теперь ЦРУ через Синдикат будет поставлять оружие угенским сепаратистам. Синдикат будет крепнуть. А гражданская война в Ревалии продолжится.

— Уген — там ведь террористы. Зачем ЦРУ поставлять им оружие?

— Видимо, это их террористы. Если Угенская провинция отделится от Ревалии, или если военные действия будут продолжаться, ЦРУ получит плацдарм для операций в Африке. По крайней мере, Мабуши так считал.

Она замолкает, опустив голову, и через несколько секунд продолжает говорить.

— Асаб устраивает большую встречу верхушки Синдиката в своём поместье. Он так делает время от времени, любит знать людей в лицо. А теперь они все — его люди. Это будет послезавтра...

— Расскажи, как уехать из страны, — выдавливают Агата.

— Никак, — с отчётливым сожалением говорит незнакомка. — Вы правильно сделали, что не сунулись в аэропорт. Вас там ждут.

Агата молчит, кусая губы. Краем глаза она видит, что незнакомка наблюдает за ней.

— Асаб вас ищет. Пока он жив, вам не удастся уйти. Если его не станет, в Синдикате будут некоторое время делить власть, и у вас появится шанс.

Агата молчит, шумно дыша и глядя перед собой.

— Если тебе это не интересно, то мне больше нечего сказать, — незнакомка за перегородкой встаёт.

— Стой, — Агата поворачивается к ней. — Ты служила в Агентстве. И много знаешь о Синдикате. На них ты тоже работала?

Незнакомка останавливается на полушаге.

— Если ты хочешь спросить, сдавала ли я своих — да, сдавала. Я могу много чего

сказать в своё оправдание. Но не буду.

Она отдёргивает занавеску и произносит, не оборачиваясь:

— Можешь выстрелить мне в спину.

Выглянув в щель из-за шторки, Агата смотрит, как она уходит — не спеша, с прямой спиной, подняв голову. Она всего метрах в пяти. Не промахнётся даже плохой стрелок. Прицел удобно ложится ей между лопаток.

Потянуть спуск, а потом быстро выбежать наружу, пока прихожане соображают, что случилось. Никто не решится помешать Агате уйти.

Не до конца понимая, почему, Агата убирает пистолет под куртку и ставит его на предохранитель.

Всю дорогу до дома Валери она думает, как лучше рассказать об этой встрече остальным.

35. Тихая гавань

Её встречают прямо на пороге — и Валери, и Райя, и Кирк. Валери даже обнимает её — объятия получаются неожиданно долгими, и Агате становится неловко.

— Я рада, что с тобой всё хорошо, — говорит Валери.

К своему удивлению, Агата обнаруживает в гостевой накрытый стол. Большого обеденного у хозяйки дома, похоже, не нашлось, поэтому они сдвинули два журнальных столика, а рядом поставили кофейный. Получилось низковато, но всё равно уютно.

— Так кто это был? — спрашивает Райя. — С кем ты встречалась?

— Я не знаю, — отвечает Агата. — Мне кажется, что...

— Давайте об этом потом, — говорит Валери. — Всё остывает.

Все садятся за импровизированный стол. Блюда простоватые, и неаккуратно нарезанный салат должен выглядеть нелепо в экстравагантных квадратных тарелках, но Агате эта обстановка кажется очень милой.

— Кто готовил? — спрашивает она.

— Наша хозяйка, — отвечает Райя. — Мы помогли.

Звяканье вилок, негромкий разговор ни о чём. Неловкие шутки, добродушный смех. Запахи дома, домашнего ужина, голоса людей, которых можно назвать своими. Агата вдруг необычайно отчётливо ощущает, как напряжение уходит, покидает тело, вытекает из неё как грязная вода из умывальника.

Откинувшись назад и прикрыв глаза, Агата оглядывает всех. Лица Кирка, Райи и Валери расплываются, меняются, превращаются в куда более знакомые.

Почти так же всё было там, дома, когда все родные приезжали на какой-нибудь праздник, а ей было всего лет десять. И всё было легко, и не о чем было волноваться. Агата украдкой смахивает слёзы. Похоже, она сегодня здорово вымоталась и сейчас дала слабину.

Валери, наоборот, тихо сияет. Её глаза лучатся внутренним светом, на лице в первый раз за всё время теплится улыбка.

Очень не хочется нарушать эту идиллию, но ужин всё же подходит к концу. Непринуждённая болтовня стихает. Райя и Кирк глядят на Агату всё чаще. Пора говорить о серьёзных вещах.

Собравшись с силами, Агата рассказывает всё, что услышала в исповедальне.

— Она сказала, что нас предал человек в Агентстве, — говорит она в конце. — Сказала, что его называют Куратором.

Райя и Кирк переглядываются с одинаковым недоумением. Видно, что это прозвище им тоже ничего не говорит.

— Я его знаю, — неожиданно говорит Валери. — Именно от него я получаю приказы.

Все поворачиваются к ней.

— Не напрягайтесь так. Я его никогда не видела, и даже имени его не знаю. Но он вполне мог вас сдать. Несколько дней назад он приказал мне передать Надиви предложение работать на Агентство. Так что всё сходится рассказом твоей незнакомки.

Несколько секунд все молчат.

— Если он сдал нас всех, то почему не тебя? — спрашивает Райя.

Валери пожимает плечами.

— Не знаю.

Секунду она думает, а потом кивает, будто соглашаясь с собой.

— Меня он приберёт на всякий случай. Чтобы у него были глаза и уши в Синдикате. Я ведь всегда делаю, что мне говорят.

— А ты... не рассказывала ему о нас? — осторожно спрашивает Райя.

— Нет, — Валери смотрит ей прямо в глаза. — Мои гости — моё дело. Ему знать не обязательно.

— Нам нужно попытаться уехать, — говорит Агата. — Она сказала, что все вокзалы и аэропорты под прицелом, но нам нужно что-то придумать. Вместе у нас больше шансов...

— Ты для этого с нами и связалась, правда? — спрашивает Райя. — Чтоб мы помогли тебе сбежать?

Агата опускает глаза и кивает.

— Я за то, чтобы довести операцию до конца, — говорит Кирк.

Райя смотрит на него с одобрением. Агата глядит на них исподлобья.

— Асаб соберёт всех у себя в поместье, — продолжает Кирк. — Это хорошая возможность устранить всех разом. Не важно, кто работает в Агентстве против нас — вам я доверяю. Если оставить всё как есть, война в Ревалии будет продолжаться. Агентство собирается накачивать Угенскую провинцию оружием через Синдикат — значит, Синдикат надо уничтожить. Я уже видел долгие войны. Если есть шанс всё остановить, то я не могу уйти. Я в деле.

— Я тоже, — говорит Райя. — Я делаю то, что считаю правильным. Никто не двигает меня по доске. Я сама решаю, как мне поступать.

Помолчав, она добавляет:

— Нельзя уходить, если за спиной у тебя останутся разрушенные города.

Оперативники глядят на Валери. Она пожимает плечами.

— Извините, не пришло в голову ничего пафосного. А в целом — не выгонять же мне вас из своего дома.

Райя и Кирк смотрят на Агату.

— Нельзя всё время бояться, девочка, — мягко произносит Райя.

Агата неуверенно кивает. Тепло и уют растаяли без следа. Впереди снова опасность. А вокруг тёртые профессионалы. Родных среди них нет.

— Спасибо за ужин, — Агата вымученно улыбается и встаёт. — Простите, но я очень устала. Где мне можно лечь?

— Я покажу, — Валери берёт её за руку и ведёт в спальню.

Кирк не может заснуть. Когда все разошлись по своим комнатам, он долго ворочался на разложенном диване в гостевой. Райя мерно дышала рядом, безмятежная как ребёнок. Кирк долго вглядывался в её лицо, но спокойнее от этого не становилось. Даже наоборот: постепенно ему начало казаться, что она улыбается во сне, и это было так неестественно, так неуместно, так невозможно для человека, делавшего то же, что и он.

Наверное, это потому, что она никогда не была на войне.

В комнате очень темно. Воздух густой, плотный и горький как кровь во рту. Тело женщины рядом вдруг сделалось чужим.

Когда стало совсем невыносимо, когда Кирк уже по-настоящему оказался на разрушенных обстрелами улицах, в темноте, и один, один, один, он тихо поднялся и вышел на берег.

Он ждал, что здесь хотя бы не станет тишины и духоты, что будет шум волн и ветер — но это всё словно существует где-то далеко. Будто кто-то другой стоит на берегу, и Кирк смотрит его глазами, но не слышит волн и не чувствует ветра, потому что на самом деле сейчас рядовой Кирк Меррит идёт по улицам разрушенного города. И никого нет рядом. Никого на километры вокруг.

Волны накатывают на берег, оставляя на песке обрывки пены. Она белая, совсем как бледная кожа. Пена собирается, густеет, и Кирк вздрагивает: вдалеке, у самой кромки воды лежит сломанное очередью девичье тело. Он чувствует её взгляд. Мёртвые глаза не закрываются — она видит его прямо оттуда. Она ждёт, когда рядовой Меррит придёт к ней через разбитый взрывами город.

Ласковые руки обнимают его. Тело прижимается сзади, и оно тёплое, живое, и от этого тепла Кирк приходит в себя. Теперь он замечает, что замёрз на ночном ветру.

— Возвращайся в постель, — говорит Райя.

Она здесь, на берегу. И он тоже здесь. Чёрные улицы, раскрошенный асфальт, мертвенная тишина — всё стремительно схлопывается, уменьшается, превращается в воспоминание. Настоящее здесь. Женщина рядом — настоящая. Она не спрашивает, почему он вышел сюда среди ночи. Она понимает. Ей можно ничего не объяснять.

— Иду, — говорит Кирк, поворачивается и целует её в губы.

Агата просыпается среди ночи от кошмара. Ей снилось, что она тонет. Что её снова насилюют. Мерзкое ощущение — в затылок будто вцепилась чужая рука.

Страшно даже пытаться снова лечь. Он ждёт там, в черноте, стоит только уснуть. Лицо всё в поту, в горле пересохло. Некоторое время Агата сидит, обхватив себя за плечи, и тарашится в темноту, боясь закрыть глаза.

Отдышавшись, она встаёт и идёт на кухню выпить воды.

Свет в доме погашен. Агата, свернув за угол, видит в тёмной кухне человеческую фигуру и вздрагивает.

Человек сидит на стуле спиной к ней. Через миг Агата понимает, что это Валери. На ней трусики и майка, перед ней светится телефонный дисплей. Она не двигается, уперев локти в барную стойку и склонив голову.

Услышав Агату, Валери отнимает руки от лица. Её щёки мокрые, глаза заплаканы. Рядом поблёскивают бутылка и одинокая рюмка.

— Что случилось? — спрашивает Агата, садясь рядом с Валери.

Та пьяно смотрит на неё. Усмехнувшись, шмыгает носом. От неё сильно пахнет виски. Бутылка наполовину пуста.

— Ничего, ничего, солнышко. Я просто так, — Валери зачем-то смотрит в пустую рюмку и отставляет её подальше. — Я вообще-то не пью, — добавляет она.

— А сейчас почему решила? — спрашивает Агата.

Валери хихикает, будто Агата сказала что-то смешное. Агата заглядывает в лежащий на столе телефон. Там семейное фото. Валери на нём лет семнадцать, рядом с ней юная девушка. Они очень похожи. Обнявшись и беззаботно улыбаясь, они глядят в объектив.

Валери неуклюже обхватывает Агату за плечи. Гладит по шее, наклоняет голову, упёршись лбом в её лоб.

— Ты такая молодая, солнышко.

Она чуть покачивается взад-вперёд, качая с собой Агату. Её руки тёплые и тяжёлые.

Агате не хочется высвободиться. От её рук становится очень спокойно.

— Я так скучаю по тебе, — шепчет Валери. — Я так скучаю по тебе, сестричка.

Они долго сидят так. Агата замечает, что Валери дышит ровно, глубоко — уснула, обхватив её. Агата мягко расталкивает её и полусонную отводит в спальню. Уложив Валери на кровать, Агата уходит к себе. Через несколько минут она слышит, как Валери, спотыкаясь и всё задевая, бежит в туалет.

Агата придерживает Валери волосы, пока ту рвёт в унитаз. Умывает её, снова отводит в спальню и укладывает. Собирается уйти, но, передумав, ложится к ней.

Обняв спящую Валери, она засыпает. В эту ночь ей больше ничего не снится.

Утром все завтракают вместе. Райя и Кирк перешучиваются, переглядываются, касаются друг друга — не нужно быть психологом, чтобы понять, что у них роман в самом разгаре. Валери после вчерашнего бледна, молчалива больше обычного и только тихо улыбается. Даже не глядя на неё, Агата чувствует тёплый взгляд.

Когда завтрак заканчивается, все становятся серьёзными. Если до этого момента Агата ещё надеялась, что Кирк и Райя откажутся от своей затеи, то теперь она уж не сомневается — они будут стоять на своём.

— Она не сказала, где поместье Асаба, — говорит Агата, когда они начинают обсуждать план действий.

О том, что она сама не дала незнакомке сказать, она решает умолчать.

— Я знаю, где оно, — говорит Валери. — Я была на одной такой встрече.

— Что там было? — спрашивает Кирк.

— Как туда можно внедриться? — одновременно с ним спрашивает Райя.

Валери, делая паузы и вспоминая, рассказывает:

— Там было много девушек. Их туда привезли для мужчин, естественно. Стриптизёрши, эскортницы-проститутки. И актрисы порно, конечно. Я была там приглашённой звездой.

— И как, сильно досталось... звезде? — спрашивает Райя.

Она смотрит на Валери с притворным сочувствием. Та спокойно выдерживает взгляд.

— Звезде не привыкать.

— Ещё бы.

— Знаешь, это хороший шанс для тебя, — Валери вдруг оживляется. — Если в этот раз туда тоже пригласят актрис, я могу устроить так, что ты приедешь вместе с ними. А потом затеряешься в толпе. Если повезёт.

Саркастичная ухмылка моментально сходит с лица Райи. Оперативница замолкает, сразу сделавшись озадаченной. Видно, что ей очень хочется спросить «а если не повезёт?», но она всё же сдерживается.

— А что есть для меня? — серьёзно спрашивает Кирк.

— Я, вообще-то, ещё не согласилась, — возмущённо бросает Райя.

— Ничего лучше у нас нет, — говорит Кирк.

— Ты уверена, что это работает? — тихо спрашивает Агата.

— Там много начинающих девочек, — отвечает Валери. — В прошлый раз всех везли в одном автобусе. Если сядешь со всеми, никто у тебя ничего не спросит. Только общут. На всякий случай я скажу тебе несколько имён продюсеров и режиссёров — назовёшь, если спросят, от кого ты. Одежду тоже дам, у нас с тобой наверняка один размер. Среди всех ты вполне сойдёшь за свою.

Райя фыркает, но уже вяло. Видно, что перспектива оказаться беззащитной среди стриптизёрш и проституток её очень беспокоит.

— Ты сказала, что Райю обыщут, — говорит Кирк. — Значит, оружие придётся пронести мне. Как это сделать?

Валери думает. Все молчат, не мешая ей. Агата украдкой обрывает заусеницы, чтобы хоть как-то успокоить нервы.

— Не знаю, — наконец произносит Валери. — Оружие тебе придётся где-то спрятать. В чьей-то машине, среди груза, — она снова думает. — Может, стоит попытаться сесть в грузовик с продуктами. Еду либо будут готовить прямо у Асаба, либо привезут из ресторана.

Она морщится, вспоминая.

— В прошлый раз я видела там фургоны ресторана «Маджестик». Может, в этот раз тоже закажут там. Я не знаю.

— Понял. Попробую ресторан — въеду на их фургоне. Если нет, проберусь туда сам.

— У вас ведь нет оружия, — говорит Агата. — Ведь так? У вас один пистолет на двоих.

— Так и есть, — говорит Райя. — Чемоданы с автоматами остались в отеле.

— Ты здесь дольше, чем мы, — Кирк поворачивается к Агате. — Знаешь, где можно достать стволы? У тебя есть связи?

— Знаю одного человека, у которого можно кое-что купить, — нехотя отвечает Агата. — Деньги... тоже есть — наличные у меня с собой. Я сняла со счёта всё, что смогла.

Она мнётся, кусая губы.

— Только... я не поеду на встречу. Меня могут узнать в лицо. Синдикат... в общем, меня там могут знать. И вас тоже.

— Кому-то надо рискнуть, — говорит Райя.

Даже уставившись в пол, Агата чувствует их взгляды. Они невыносимо давят. Внутренне содрогаясь, Агата уже открывает рот, чтобы согласиться, но Валери её опережает.

— Я поеду. Меня не знают. То есть, не знают, что я связана с Агентством. Я рискую меньше любого из вас.

Агата смотрит на неё с благодарностью. Валери, как всегда, спокойна, но за обычной невозмутимостью Агате видится тщательно скрываемая тревога.

36. Пешка или личность

Шоссе прорезает пустошь напрямик. Обочина усыпана бурым песком, похожим на крупную тяжёлую пыль. Позади машины Валери выются быстро опадающие желтоватые клубы.

Близится полдень. Солнце почти в зените, но привычный дневной свет чуть приглушён. Подняв глаза на небо, Валери разглядывает тучи у горизонта, в той стороне, где осталось море.

Будет шторм. В сводке погоды по радио обещали сильный дождь и ветер. Море сделается как расплавленный свинец, по нему пойдут тяжкие волны, и ветер будет поднимать мелкий песок, а потом ударит ливень, пойдёт сплошной стеной, и всё смешается, — и небо, и берег, и море, — будто на старом размытом фото.

Валери встряхивает головой, отгоняя наваждение. Самого утра её точат меланхолия и неясное беспокойство, и здесь, на этом пустынном шоссе, они только усилились. Странно: никогда раньше её не тяготило одиночество, но сейчас ей очень хочется, чтобы рядом кто-то был. Например, эта девушка, Агата.

Валери включает радио, перещёлкивает станции, пока не находит самую задорную и энергичную. Заставляет себя подпевать песне, через силу вызывает на лице улыбку — где-то она читала, что так удаётся обмануть собственную психику, вызвать у себя обратную реакцию. Что, улыбаясь, можно и вправду почувствовать себя веселей.

Сегодня этот приём не работает. Тревога не отпускает даже после пяти минут честного самообмана. Валери выключает радио, делает глубокий вдох, берёт телефон и звонит по знакомому номеру. Как всегда, слушает гудки.

— Абонент не отвечает, — проговаривает автоответчик. — Если хотите оставить голосовое сообщение, говорите после сигнала.

Длинный писк. Все мысли сразу разбегаются как испуганные мыши. Беззвучно выругавшись, Валери отменяет вызов. Тишина в салоне невыносима. Валери врубает радио погромче и давит на газ.

Через несколько минут она видит впереди, на обочине, одинокую машину.

Торговец, жилистый чернокожий мужик с жёстким лицом, удивлённо хмыкает, увидев Валери, но без лишних вопросов открывает багажник и извлекает из него тяжёлые чёрные сумки. Отработанными движениями он выкладывает на застеленный брезентом капот своего масл-кара оружие и патроны. Он всё делает один. Его напарник, толстяк с оплывшей физиономией, остаётся сидеть в машине, развалившись и выставив ногу в приоткрытую дверь.

Пистолеты с глушителем, автоматы. И маленькие наушники, и странные ободки с кругляшами на концах — такие в боевиках спецназовцы носят на шее, чтобы говорить тихо. И что-то здоровенное, громоздкое, очертаниями и наличием двух окуляров напоминающее огромный бинокль.

— Вот всё добро, что ты заказала. Два Глока-семнадцатых с глушителями, два автомата МП-семь, тоже глухие. Патроны, в количестве. Две тактические гарнитуры с ларингофоном. Армейский наблюдательный комплекс. Всё на месте?

Валери оглядывает разложенное на капоте, стараясь держаться уверенно.

— Да, всё на месте.

Она отдаёт торговцу сумку с деньгами.

— А вот зачем тебе тактический наблюдательный комплекс? — спрашивает напарник из машины, кивая на то, что Валери приняла за бинокль.

— Чтобы разглядеть мелкие детали, — отвечает она. — С некоторыми парнями без этого никак.

Оба гогочут, выставив жёлтые зубы.

Торговец заглядывает в сумку с деньгами, удовлетворённо кивает и суёт её в окно напарнику. Тот плюёт на пальцы и начинает пересчитывать купюры.

Собрав всё с капота, торговец пристально смотрит Валери в лицо.

— Кажется, я тебя где-то видел. Сними очки.

Она стоит неподвижно, глядя на него сквозь тёмные стёкла.

— Сними очки, — всё ещё улыбаясь, с нажимом произносит он. — Я хочу увидеть твоё лицо.

Валери снимает очки и, щурясь от солнца, глядит торговцу прямо в глаза. Он усмехается.

— А ты ведь Валери Стилл. Видел тебя... в интернете. Классно работаешь.

— Надеюсь, ты с удовольствием подро... посмотрел.

Валери собирается забрать сумки с оружием, но торговец останавливает её:

— Подожди. Как насчёт небольшого бонуса?

— Обойдусь без него.

— Да нет, думаю, не обойдёшься. Я, в качестве бонуса, не буду спрашивать у тебя, зачем тебе тактическое вооружение и средства спецназа. И, что важнее, никому об этом не расскажу. Даже тем ребятам, у которых ты снимаешься — Хаймеру, Оттоги и остальным.

Валери слушает. Её лицо ничего не выражает, хотя пульс резко подскакивает ударов до ста пятидесяти.

— А ты кое-что сделаешь для меня, — продолжает торговец. — И тоже, наверно, рассказывать об этом не станешь.

Он усмехается приятелю в машине. Тот мерзко ржёт.

— Или станешь — мне, в общем, всё равно.

Валери глядит ему в лицо. Свет меркнет на миг, а потом становится неестественно ярким — он убирает лишние тени и очерчивает контуры, бесстыдно демонстрируя все детали. Теперь всё кажется куда привычнее.

Это похоже на солнечный удар. Валери медленно опускается на колени, расстёгивает мужчине шорты и рукой подхватывает вывалившийся из ширинки член.

Торговец издаёт полный удовлетворения стон. Делая ему минет, Валери смотрит ему в лицо: ухмыляясь, мужчина глядит на неё сверху вниз.

Всё как всегда. Короткая неловкая беседа, глупые фразы, нелепая актёрская игра — а потом секс. Так и бывает в любом порнофильме.

Вдоволь насладившись оральными ласками, мужчина заставляет её встать, разворачивает к себе задом и сдёргивает с неё юбку вместе с трусиками. Он грубо надавливает ей на спину, заставляя нагнуться, и одним точным движением входит в неё. Его бёдра бьют по её ягодицам, выколачивая смачные шлепки. Валери упирается ладонями в капот и двигает задом навстречу его рывкам, постанывая и изображая нарастающую страсть.

Притворяться почти не приходится. В этом и секрет её актёрского таланта — на

съёмках она не играет. Каждый пошлый стон — настоящий. Ей просто нравится трахаться. Вот и всё.

Ведь так? По крайней мере, так все думают о порноактрисах.

Мужчина несколько раз с силой впечатывает в неё бёдра, вгоняя член до упора, а потом разворачивает её, заваливает на капот и широко разводит ей ноги. Через секунду он снова в ней; он наращивает темп, дерёт её так, что машина вся ходит ходуном. Вся выгнувшись, откинув голову назад, Валери сквозь грязные волны удовольствия видит, что напарник торговца снимает всё происходящее на телефон.

Свет мигает ещё раз, окончательно превращаясь в огни осветительных ламп. Бесчисленные зрачки объективов уставились на неё. Миллионы глаз увидят в деталях всё, что с ней делают. Потому что она на это согласна.

Свет солнца становится нормальным. Валери стоит там же, где стояла. Торговец глядит на неё, ожидая ответа. Прошла всего секунда.

— Я уже завершила карьеру, — говорит Валери. — Если хочешь трахнуть порнозвезду — запишись на кастинг. — она оглядывает мужчину. — Но там свои стандарты: если у тебя короче двадцати сантиметров, тебя не возьмут.

Она на пару секунд разглядывает его шорты в области паха и с сожалением хмыкает:

— Нет, можешь даже не пробовать.

Подхватив сумки, Валери шагает к своей машине. Они тяжёлые, но ей легко, так легко, как не было уже давно. Вдыхая полной грудью, она улыбается сама себе.

Разворачивая машину, она замечает, что торговец глядит на неё, хмурясь и выпятив челюсть. Уезжая, она видит в зеркале заднего вида его недобрый взгляд.

Через пятнадцать минут ей звонит режиссёр. Потом ещё раз. Валери не обращает внимания на звонки и только прибавляет скорость.

Погода портится всё сильнее.

37. Море Валери

Валери вернулась быстро, но Агата уже успела представить себе худшее. Увидев её на пороге, живую, здоровую, с улыбкой на лице, Агата чувствует, как по телу от макушки до пяток проходит тёплая волна.

— Разбирайте подарки, — говорит она, поставив сумки на пол.

Кто-то звонит ей, но она сбрасывает звонок.

Кирк и Райя распаковывают сумки, с удовлетворением осматривают оружие, щёлкают рычажками, дёргают затворы. Настоящие профессионалы. А Агата всё больше чувствует себя испуганной девочкой.

Она наконец решается произнести вслух короткую реплику, которую носила в голове с самого утра.

— Я с вами не пойду, — слова противные, они липнут к губам.

Оперативники разом оборачиваются к ней.

— Я попробую уехать из страны, — выдавливают Агата.

— Это слишком опасно, — говорит Райя. — Ты же знаешь. Только после операции.

— Ты нужна нам, — произносит Кирк. — Нам нужен координатор. В прошлый раз с нами была Бенуа.

— И чем это для неё кончилось?

Райя делает шаг к Агате и кладёт руки ей на плечи.

— Ты нужна нам, — она заглядывает Агате в глаза. — Без тебя нам будет очень трудно.

А тебе безопаснее всего с нами.

— Просто помоги нам вначале, — говорит Кирк. — Тебе не нужно туда идти — будешь просто наблюдать. Тебя никто не увидит. Подождёшь нас в машине, и когда мы всё сделаем, увезёшь нас. И мы уедем из страны все вместе.

Агата долго думает. Сердце колотится часто, как на соревнованиях, когда нужно было выходить против соперницы, которую точно не победить — но и уйти никто не позволит.

— Хорошо, — произносит она. — Но я не иду в поместье, что бы ни случилось. Увожу вас оттуда и сразу еду в аэропорт.

— Как скажешь, — говорит Райя.

Телефон Валери снова трезвонит, настойчиво и долго. Она смотрит на дисплей без выражения, но у Агаты к горлу отчего-то подкатывает ком.

Это уже не режиссёр. Номер незнакомый, но вариантов кто это не так уж много. Валери раздумывает, что будет, если проигнорировать звонок.

Наверное, если ответить, удастся затянуть всё подольше. Валери отвечает на вызов.

— Это Махир Радали, — произносит грубый голос в динамике. — Ты знаешь, кто я?

Валери известно это имя. Радали — подручный Надиви. Теперь, когда Надиви исчез, Радали наверняка занял его место.

— Приезжай ко мне, — говорит он, не дожидаясь ответа. — У тебя пятнадцать минут.

Он вешает трубку. Валери надеялась, что у неё больше времени, но торговец оказался неожиданно быстр — сразу позвонил всем, кого знал. Видимо, уязвлённое мужское самолюбие жгло его очень сильно.

— Надо уезжать, — говорит Валери.

Они сразу всё понимают. Или почти всё. Достаточно того, что собираются быстро и через пять минут уже стоят у двери. За всё время, пока Кирк, Райя и Агата суетились, Валери не сдвинулась с места.

— А ты? — спрашивает её Агата. — Разве ты ничего не возьмёшь с собой?..

— Я останусь.

Агата стремительно бледнеет. Кирк и Райя молча смотрят на Валери.

— Сейчас они хотят поговорить со мной, — спокойно говорит она. — Они будут искать меня. Будет лучше, если найдут только меня, а не всех сразу.

Кирк и Райя не пытаются её переубедить. Они понимают. А Агата глядит на неё такими глазами, что Валери готова расплакаться.

Валери бросает Кирку ключи от своей машины, тот не глядя их ловит.

— Поедем с нами, — всё же говорит он. — Если останешься, у тебя нет шансов...

— Мне очень долго говорили, что делать, — перебивает Валери. — Я сделаю то, что считаю правильным. Сделаю как лучше.

Она смотрит на море. Небо тёмное, ветер быстро гонит свинцовые волны.

— Я собираюсь поплавать.

Они всё стоят в дверях. Телефон разрывается.

— Вам пора, — говорит Валери.

Она отворачивается — смотреть в глаза Агате невыносимо. Через долгие секунды она слышит что-то вроде сдавленных всхлипов, а потом хлопает дверь, и в доме становится тихо и пусто.

Глубоко вздохнув, Валери звонит Радали.

— Я не поеду к тебе, — слова идут неожиданно легко. — Если тебе надо поговорить, приезжай сам. Я у себя.

Она завершает вызов. А потом, решившись, заученными движениями выбирает знакомый контакт из списка, звонит и слушает гудки.

— Абонент не отвечает, — проговаривает автоответчик. — Если хотите оставить голосовое сообщение, говорите после сигнала.

Длинный писк. Слова идут сами, их не нужно выдумывать.

— Привет, Минни. Привет, сестричка. Прости, что давно не звонила.

Валери распахивает прозрачную дверь, выходящую на берег. Ветер врывается в комнату, разблёвывает журналы, разносит оставленные на столе купюры.

— У меня всё хорошо. Надеюсь, у тебя тоже. Тебе от меня скоро придут кое-какие деньги, не пугайся. Тебе скажут, что это с моего банковского счёта, что это по завещанию, но ты не волнуйся. У меня всё хорошо.

Валери идёт к морю. На ходу она раздевается, бросая одежду на песок.

— Я тебя люблю! — она изо всех сил старается оставаться спокойной, но в конце голос всё же срывается. — Я всегда тебя любила, сестричка, все эти годы. Пока!

Валери завершает вызов и бросает телефон в накатившую волну.

Они находят её на краю пирса.

Море бушует. Шторм поднимает высокие волны. Небо готово прорваться дождём.

Обнажённая Валери смотрит на море. Почувствовав стук ботинок по доскам пирса, она разворачивается к ним лицом.

Их пятеро. Все с пистолетами. Ещё бы, пистолет всегда придаёт мужчинам смелости.

Радали она узнаёт — он идёт чуть впереди остальных. И того, который слева, она уже видела раньше: это он тогда смотрел ей вслед со ступенек больницы. А тот, что правее, ждал его в облупленном корвете.

Эти двое шарят взглядами по её телу. Радали смотрит ей только в глаза.

— Я всё знаю, — говорит он. — Это ты помогла той сучке сбежать из больницы. И наверняка ты сдала Надиви Интерполу. А теперь купила для кого-то оружие. Мне известно, что против нас кто-то работает — кто-то вроде Интерпола, но не они. Недавно два их киллера ушли от нас в одном отеле.

Валери с лёгкой улыбкой глядит на него.

— Ты купила оружие для них? — спрашивает Радали. — Они приедут за ним? Приедут сюда?

Валери перестаёт улыбаться.

— Если мы подождём здесь, то мы их встретим? Я прав?

Валери мрачнеет, будто испугавшись. В это выражение она вкладывает все свои актёрские способности.

Нужно постараться как следует. В последний раз.

Радали довольно усмехается и кивает. Он поверил. Валери становится чуть теплее на ветру.

Он командует троим, стоящим у него за спиной:

— Спрячьтесь в доме. Когда они приедут — берите. Желательно живыми. Будут упираться — валите их.

Они уходят. На пирсе остаются Радали, один его холуй и Валери. Радали наводит на неё пистолет.

— А пока мы ждём, ты мне всё расскажешь, — говорит он. — Об этой организации. О тех, кто здесь работает против нас. Деваться тебе некуда.

В нём ни капли сомнения. Он полностью убеждён, что будет так, как он решил. Что он сделает с Валери Стилл всё, что пожелает.

— Не будь так уверен.

Она глядит в воду. Тело привычно собирается для прыжка.

Пуля попадает ей в левую лопатку уже в полёте, на выходе сломав ключицу. Валери врезается в волну, загребает здоровой рукой и ногами. За рёвом воды в ушах выстрелов почти не слышно. Ещё одна пуля разрывает Валери бедро, но она этого почти не чувствует.

Вода такая холодная, такая чистая. Вынырнув, Валери хватает воздух пополам с брызгами. Море огромно, можно плыть хоть всю жизнь и так и не добраться туда, до этой колеблющейся линии между морем и небом. Надо попробовать доплыть до неё. Надо грести, пока хватит сил.

Свобода. Уже совсем не больно.

Тело немеет, будто засыпая. Тянет вниз, и незачем сопротивляться. Там темно, и там нет никакой грязи. Небо и море одного цвета, и уже непонятно, что теперь над головой — небо или вода.

Волна заслоняет горизонт и накрывает с головой.

Боги создали Венеру из морской пены, а Валери Ремей растворится в море. Никому её не взять. Никто ею не владеет. Никто не осудит. Свобода.

Темнота и пустота разрастаются внутри и остаются уже навсегда.

38. Эндшпиль (часть 1)

На горной дороге много поворотов, и автобус всё время качает. Девушки в легкомысленных нарядах разговаривают негромко, многие просто молчат. Похоже, лишь некоторые из них знают друг друга.

Соседка Райи попыталась завести беседу в самом начале поездки, но Райя отвечала односложно, а потом вовсе отвернулась и стала глядеть в окно. Соседка в конце концов решила приставать к девчонке, сидящей через ряд.

Райя нервничает. Она старается не показывать вида, но эти дурацкие шлюшьи тряпки напрягают. Райя всегда любила одеваться откровенно, на грани пристойности, но сейчас, в юбке, едва прикрывающей ягодицы, и в неудобных стрингах ей неловко.

И нет оружия. И куда-то везут, как овцу в фургоне с другими такими же овцами. В автобусе, кроме водителя, ещё трое мужчин, и все они вооружены.

Когда впереди показываются далёкие огни, разговоры стихают совсем. С лиц девушек пропадают улыбки. Чем ближе автобус к поместью, тем сильнее сгущается тревога в тёмном салоне.

К концу поездки Райя своим напряжением уже не выделяется на фоне остальных.

В большом зале полно людей. В «Каса Нове» так бывало только в самые людные ночи. И тут тоже в основном мужчины — сидят за старомодными длинными столами, выпивают и закусывают. А девчонки стараются не отсвечивать — стоят вдоль стен рядком, будто манекены, и знай себе улыбаются. Понимают, что у них здесь роль обслуги и развлечения.

Ну точно как в обычном стрипклубе. Хоть это и поместье влиятельного и могущественного Габриэля Асаба.

Сам он восседает во главе стола. Кресло у него прямо как трон, с высокой спинкой, так, чтоб казалось, что и сам он выше остальных.

Тошно становится, как гляну на него. На это его аристократическое лицо — я помню, какой он был там, с топором в руке, над трупом Джен. Как размазывал по лицу её кровь. Каждый раз, как он подносит к губам свой бокал с красным вином, я боюсь, что меня вырвет.

Может, я зря напросилась сюда? Меня никто не гнал на этот тошный праздник. Я сама упрашивала всех, кого знаю, от хозяина клуба до бывшего сутенёра, чтобы меня вписали в обслуживающую группу. Только теперь я не уверена, что вообще что-то смогу. Руки немеют, как подумаю.

И ещё пистолет у меня отобрали. Я последние деньги отдала за него, едва успела купить. А без пистолета — что я смогу ему сделать?

Мужикам сюда с оружием можно. У кого-то просто оттопыривается пиджак, а у некоторых прямо целый арсенал при себе. Один вон в бронежилете сидит. А этого, в краповом берете, вообще перевязь с гранатами через грудь, точно гирлянда с лампочками.

Непонятно, почему это Асаб позволил им прийти сюда со стволами. Видно, решил показать себя радушным хозяином, ни в чём не отказывающим гостям. А может, он так демонстрирует свою силу. Мол, можете прийти с чем угодно — я всё равно тут главный.

И они все, похоже, с этим согласны. Поглядывают на девчонок, наливающих вино, но лапаты как-то побаиваются. Видно, что держат себя в рамках.

Асаб встаёт и оглядывает стол. Все затихают и поворачиваются к нему.

— Отпразднуем начало нового этапа в нашем общем деле, — звучно произносит он. — Под моим руководством всех нас ждёт долгое и плодотворное сотрудничество.

Он поднимает бокал и выпивает до дна.

— А теперь, господа — наслаждайтесь всем, что видите.

Нас, девчонок, разводят по другим залам — там гремит музыка, сверкают прожекторы. Вот теперь-то и начинается наша работа.

Я с самого приезда думаю, что мне делать. Как подобраться к Асабу.

Думай, Лисса, думай. Что-то должно случиться. Должно же тебе в жизни хоть раз повезти.

Вершина холма поросла густыми деревьями, укрыть среди них машину оказалось легко. После ливня всё ещё сыро, запахи леса смешиваются с ароматом земли, налипшей на шины.

Стекло опущено, тёплый ночной воздух втекает в открытое окно. У Агаты саднит горло, когда она его вдыхает.

Сидеть на водительском месте непривычно. Здесь должна быть Валери. Её запах впитался в салон, и Агате кажется, будто она рядом. Больно думать о том, что машину ей можно уже не возвращать.

Вытерев глаза, Агата открывает дверь, обеими руками берёт с пассажирского сиденья наблюдательный комплекс и выходит наружу. Пистолет Райи остаётся на сиденье.

Вокруг тихо. Луна светит ярко, серебристый свет играет на влажных листьях. Оглянувшись, Агата видит две колеи, отпечатавшиеся в раскисшем грунте.

Кирк уже недалеко. Надо взять себя в руки. И работать.

Уперев в капот оба локтя, Агата наклоняется к окулярам. Некоторое время она разглядывает поместье — оно как на ладони, можно рассмотреть и двустворчатые деревянные двери, и камешки на гравийных дорожках, и лица прохаживающихся по территории охранников. Щёлкая тумблерами, переключая режимы, Агата постепенно осваивается с наблюдательным комплексом. Ещё это помогает успокоиться.

К воротам поместья подъезжает грузовик. Агата прикидывает к окулярам, чувствуя, как ускоряется пульс.

Грузовик тормозят у ворот, на въезде в поместье. Водитель, заглушив двигатель, разглядывает узорчатые кованые прутья в свете фар. И троих с автоматами. И их бандитские физиономии.

— Стрёмные ребята, — коротко бросает его напарник. — Но не переживай. Я уже сюда ездил. И ничего, обошлось.

Двое охранников обходят грузовик. Один останавливается у водительской двери.

— Опаздываете, — произносит он.

— Грузчик наш застрял в сортире, — говорит водитель. — Пришлось его дожидаться.

Двое сзади заглядывают в багажник.

— А это что за хрен тут? — один из них кивает в багажник.

— Грузчик и есть, — говорит напарник водителя.

— А не обосрётся, когда выгружать будет? — ржёт охранник.

— Да не должен, — поддакивает им водитель, заискивающе хохотнув. — Хотя он у нас новый, кто его знает.

Охранники оглядывают грузовик ещё раз. Их главный машет рукой в сторону поместья.

— Проезжайте. А то уже все съехались.

Ворота открываются, и грузовик вкатывается на территорию.

Кирк убирает руку со спрятанного за пазухой пистолета и вытирает выступивший под грузчицкой кепкой пот.

Зарулив к чёрному ходу, грузовик останавливается. Кирк выпрыгивает на выложенную камнем дорожку и оглядывается. Камера над дверью, но она мало что видит: тут полно фургонов с логотипом ресторана, они создают множество мёртвых зон. Кирк берёт ящик, в который он заранее уложил сумку с оружием, замаскировав её сверху бутылками минералки, и идёт ко входу.

— Стой, — окликает его водитель. — Воду понесём в самом конце. Сначала разгружаем овощи.

Кирк останавливается, ставит ящик и быстро обходит грузовик, низко надвинув кепку и втянув голову в плечи.

— Ты куда? — спрашивает водитель, следуя за ним.

Напарник уже вылез из машины и стоит, потягиваясь. Кирк быстро подходит к нему, сильно бьёт в челюсть и разворачивается к водителю. Тот замирает, раскрыв рот и увидев наконец, что перед ним совсем не грузчик, и тут же получает под дых. Ещё двумя ударами Кирк вырубает и его.

Озираясь, он быстро затаскивает два тела под грузовик и закладывает их сетками овощей так, чтобы их не видно было со стороны. Потом подхватывает ящик с оружием и входит в поместье.

Пройдя через чадающую и шумящую кухню, полную людей в поварских передниках, он находит кладовую, запирается там и выкладывает сумки из ящика.

Райя готовилась к худшему, пока стояла в ряду проституток в обеденном зале. Но всё оказалось ещё гаже.

Разврат и разгул. Алкоголь рекой. Музыка гремит так, что уши закладывает как на стрельбище без наушников.

В одном из залов стриптиз. На сцене извиваются обнажённые тела любых цветов, на любой вкус. В другом голая женщина неподвижно лежит на столе, и гости поедают разложенные прямо на ней деликатесы. Полупьяные мужчины тискают девушек за все места, зажимают в углах. Кто-то тащит развязных девиц в маленькую комнатку за плотными занавесками.

Райя переходит из зала в зал, избегая похотливых объятий. Это становится всё трудней.

Кирку почти удаётся скрыть гарнитуру под кепкой и высоким воротником грузчицкой куртки. Куртка ему велика, штаны мешковаты — настоящий грузчик, с которого он всё это снял у ресторана, был крупнее Кирка, но это оказалось только на руку — пистолет под одеждой почти не заметен. Закинув сумку на плечо, он выскальзывает из кладовой, насквозь проходит через поварское крыло и оказывается уже на внутренней территории поместья.

— Агата, я на месте, — говорит он в микрофон. — Веди меня.

С вершины холма Кирк кажется Агате совсем маленьким. Его силуэт неподвижен, он замер в ожидании. Он двинется вперёд, следуя её указаниям. А навстречу ему пойдут вражеские фигуры.

Шахматы. Шахматная партия. Поместье внизу — доска, а Кирк — одинокая пешка. Как и затерявшаяся где-то в залах Райя. Как и сама Агата. Последние остатки сил, совершающие рискованный бросок к вражескому королю.

Отгнав ненужную ассоциацию, Агата встряхивает головой и произносит в микрофон:

— Я тебя вижу.

— Говори, есть ли кто-то передо мной. Я иду.

Фигурка отходит в темноту, подальше от дорожек и фонарей, и крадучись двигается к двухэтажному зданию с высокими окнами, сверкающими от вспышек.

— Впереди человек, — говорит Агата. — Сидит на скамейке, курит.

Низко пригнувшись за оградкой, Кирк обходит сидящего в темноте. Курящий не обращает на него внимания.

Двое пьяных, шатаясь, идут прямо к Кирку.

— Двое приближаются к тебе, — говорит Агата.

Спрятавшись за дерево, Кирк пропускает их мимо себя и продолжает путь.

— Ещё двое идут к тебе, — говорит Агата. — У них оружие. Они тебя заметили.

Не замедляя шага, Кирк поворачивает и уверенно идёт к ним навстречу. Когда между ними остаётся метра два, он молниеносно выхватывает пистолет, и через его микрофон до Агаты доносятся сухие хлопки. Два силуэта падают. Кирк затаскивает их в кусты и идёт дальше так, будто ничего не случилось. У Агаты по спине пробегает холодок.

Через полминуты Кирк уже у дверей двухэтажного здания. В наушниках Агата слышит ритмично пульсирующую музыку, когда он входит внутрь.

Вечеринка в самом разгаре, веселье валит через край. А я стою и не знаю, зачем я здесь и что мне делать.

Одна из девчонок, беловолосая мулатка, сильно нервничает. Сразу видно, новенькая, ещё свеженькая. Её аж всю передёргивает, когда слюнявый хлыщ хватается за задницу и тащит в комнатку за занавеской.

Бедняжка. Мерзотный тип ей достался. Тяжко ей придётся.

Райя выпрямляется и одёргивает идиотски короткую юбку. Пьяный урод, затащивший её в альков, валяется среди подушек. Хватило двух ударов в челюсть, чтобы он вырубился.

Не распуская бы руки, Райя обошлась бы с ним помягче. Сам виноват.

Поправив волосы и вернув на лицо улыбочку, Райя выходит из алькова, плотно задёрнув за собой шторы.

Что-то не так. И двух минут не прошло, а стеснительная девчонка уже выходит из комнатки. Да ещё и лыбится. Что, слюнявый хлыщ так быстро отстрелялся, да ей ещё и понравилось?

Я-то точно знаю, что так не бывает.

Может, он как только лёг, так сразу и заснул? Случается такое. Может, ей и правда повезло.

А может, всё не так просто.

Девчонка, торопясь, идёт к выходу. А я понимаю, что тут что-то начинается, и прямо сейчас. Нароботанное на улицах чутьё говорит мне, что надо прятаться, и я отправляюсь искать укромный угол, где можно будет переждать, пока всё не закончится.

Кирк дожидается в темноте у входа в здание, за углом. Найдя его, Райя быстро обнимает и целует его. Потом она сразу становится серьёзной и деловой.

— Асаб в обеденном зале. С ним охрана. Зайти лучше с восточного входа.

Говоря, Райя надевает гарнитуру, кобуру с пистолетом и берёт автомат.

— Готова? — спрашивает Кирк.

Она смотрит на поместье.

— Кирк, охранники нашли тех двоих в кустах, — произносит Агата.

В саду мечутся лучи фонарей.

— Пошли, — говорит Кирк.

Обеденный зал перед ними, дверь ярко освещена.

— У вас теперь полно народа, — говорит Агата. — Похоже, вся охрана вышла к вам. Я не знаю, за кем следить...

Освещённая дверь распаивается, и прямо на Кирка и Райю выходит вооружённый до зубов мужчина в краповом берете. Он моментально замечет их и начинает поднимать автомат.

Они срубают его длинными очередями. Звуки выстрелов оглушительны здесь, в ночи, куда громче гремящей музыки в здании позади. Справа и слева тут же раздаются встревоженные вскрики.

— Иди в обеденный зал, вали Асаба, — говорит Кирк, оглядываясь. — Я задержу их здесь.

— Мы вместе, — твёрдо говорит Райя.

Кирк быстро снимает гранаты с груди убитого и засовывает их в карманы куртки.

— Со всеми сразу не справимся, — говорит он. — Я задержу их тут, а ты...

— Мы вместе, — повторяет Райя.

Дверь обеденного зала распаивается, и оттуда вываливают несколько человек с оружием наперевес. Они одеты по-военному, совсем как тот, кого только что застрелили Райя и Кирк. Им требуется всего секунда, чтобы найти взглядами оперативников.

Кирк бросает гранату им под ноги. Кто-то успеваает метнуться в дом. Остальных разносит взрывом.

В двухэтажном здании мужчина в белом костюме вскакивает из-за стола и замирает, пытаясь что-то расслышать сквозь грохот музыки. Мужчина в чёрной рубашке встревоженно глядит на него. Остальные продолжают пить, ничего не замечая.

— Ты слышал? — спрашивает белый костюм, наклонившись к уху чёрной рубашки. — Похоже на взрыв.

Они быстро проходят к окну на втором этаже и глядят наружу. Там мелькают лучи фонарей, а потом вдруг включается освещение, и становится видно, что повсюду мечутся охранники с оружием наперевес. Сверкают вспышки выстрелов.

— На нас напали! — взволнованно выкрикивает белый костюм.

— Теперь ясно, почему вся охрана так резко вышла, — говорит чёрная рубашка.

— Уходим! — белый костюм рвётся к выходу, но чёрная рубашка ловит его за локоть.

— Не спеши. Может, это даже хорошо.

Белый костюм глядит ему в лицо и наклоняется к уху.

— Что ты предлагаешь, Тимо?

— Воспользуемся ситуацией, Галеви, — спокойно отвечает он. — Охрана кем-то занята, никто не следит за порядком. И тут полно людей, которых я давно хочу увидеть на кладбище. А ты?

— Это не ты устроил, Тимо? — белый костюм внимательно смотрит на него.

— Нет. Поэтому мои люди остались при мне.

— Я могу тебе доверять, Тимо? — спрашивает белый костюм.

— Ты меня знаешь, — отвечает чёрная рубашка. — А я знаю, что ты не прочь рискнуть, когда шансы высоки. А сейчас они охрененно высоки.

Они кивают друг другу и возвращаются за стол.

— Эй, где вы были? — пьяно улыбаясь, грузный мужчина поднимается им навстречу.

Ни слова не говоря, белый костюм хватается подушку и приставляет к его груди, одновременно выхватывая пистолет. Выстрел тонет грохоте музыки. Чёрная рубашка, схватив со стола нож, вонзает его соседу в глаз, и тот падает лицом вниз.

Оба убийцы отступают и оглядывают стол. Мёртвые похожи на перепивших и уснувших прямо за столом. Чёрная рубашка и белый костюм острыми взглядами окидывают зал и отправляются к следующему столу.

Агате кажется, что окуляры вросли ей в глазницы. Внизу, в поместье, жуткий хаос. Все беспорядочно бегают, паля во все стороны. В наушниках сплошной треск автоматных очередей.

Это всё не по-настоящему. Это не люди носятся внизу, убивая друг друга — это игра, бредовая шахматная партия, в которой сломались все правила, фигуры обрели свободу воли и делают что им вздумается.

Она уже не понимает, где Кирк и где Райя. Стреляющие силуэты все одинаковые.

— Идём к конюшне, — коротко бросает Кирк. Слышно, как тяжело он дышит.

Две фигуры несутся к длинной низкой постройке. Вслед за ними устремляется волна людей — восемь, десять, двенадцать. Агата сбивается со счёта.

Игра, сумасшедшая игра. Две фигуры только что оказались загнаны в угол.

Отстреливаясь на бегу, Кирк распахивает калитку в воротах длинной постройки, которую легко принять за конюшню. Райя запрыгивает внутрь, он врывается вслед за ней.

Оглядевшись, он понимает, что дела очень плохи.

Здесь негде укрыться — никаких перегородок, ничего, только полиэтиленовые занавески от пола до потолка, как в мясном цеху. Всё простреливается. Но снаружи закрепиться невозможно вообще.

— Сюда, — указав куда-то вперёд, Райя бежит вглубь помещения, где виден большой стол. Кирк спешит за ней.

Похолодев, он слышит, как впереди, в дальнем конце постройки, со стуком распахивается дверь.

Агата вздрагивает, когда после тишины в наушниках раздаётся гром нескольких очередей. А потом Райя резко и шумно выдыхает, будто её ударили в живот. А после

начинает дышать часто и мелко, и это ещё страшней, чем выстрелы.

— Нас прижали, — почему-то сдавленно произносит Кирк.

— Я помогу! — выкрикивает Агата, вскакивая. — Что мне делать?!

Долгое молчание. Редкие хлопки выстрелов.

— Не надо, — Райя говорит странно, прерывисто, её трудно узнать. — Не надо, девочка.

— Мы справимся, — Кирк старается сказать как обычно, но слышно, что ему больно. —

Не приходи за нами.

Агата крутится на месте, не зная, как поступить.

— Иди, девочка, — произносит Райя. — За нас не волнуйся.

Ей попали в живот — две, три пули, или больше; крови столько, что не понять. Сам Кирк получил в правую сторону груди, навывлет через лёгкое. Дышать тяжело, что-то свистит и булькает в груди на каждом вдохе. Во рту противный медный привкус.

Они не спешат заходить. Кирк осадил их очередью, когда тащил Райю за стол с того места, где она упала. Стол оказался хороший, надёжный — рубочная столешница на кирпичном постаменте. Но скоро те, что снаружи, организуются, войдут сюда с обеих сторон, и тогда никакое укрытие уже не спасёт.

Кирк держит голову Райи у себя на коленях. Она чуть слышно постанывает, прижимая руки к животу, и смотрит перед собой. Её глаза стекленеют.

Кирк, закашлявшись, выплёвывает кровавый сгусток.

— Смотри на меня, — он поворачивает её лицо к себе. — Ты не одна. Ты со мной. Я никуда не уйду.

Она находит его взглядом, пытается что-то сказать и не может. Ему вдруг становится тоскливо и одиноко, так одиноко, как было всего раз в жизни, в разрушенном Тринидаде.

Может, он так оттуда и не вышел. Просто был достаточно силён, чтобы не замечать, что всегда был один. Что всё ещё идёт по разбитым улицам.

— Смотри, что у меня есть.

Он лезет в карман и достаёт гранату. Через боль сжав её в руке, вынимает тонкое проволочное колечко чеки и протягивает Райе.

— Ты выйдешь за меня?

Она слабо улыбается. Потом тянется, пытаясь взять кольцо. Он помогает ей надеть чеку на палец.

— Вот так, — он достаёт вторую гранату. — А это для меня.

Она неловко натягивает второе колечко ему на палец, а потом с неожиданной силой тянет его за руку. Он вкладывает гранату ей в ладонь, и она сжимает ему пальцы, и её рука горячая и живая. Они смотрят друг другу в глаза, и от её взгляда Кирку становится очень спокойно.

Она здесь. Он не один. Они будут вместе в самом конце.

Двери распахиваются с обеих сторон конюшни. Приближается топот множества ног.

— Пока смерть не разлучит нас, — говорит Кирк.

— Пока... смерть не разлучит... — хрипит Райя, разжимая ладонь.

Два взрыва сливаются в один.

Связь обрывается одновременно со вспышкой внизу. В ушах у Агаты что-то звенит — то ли грохот, то ли тишина. Она не знает, что страшнее.

Никакая это не игра. Не шахматная и не шпионская. Здесь умирают по-настоящему. И если её, девочку Агату, схватят, всё, что с ней сделают, тоже сделают по-настоящему.

Затылок ломит так, будто в волосы вцепилась железная рука. В голове не остаётся ни одной мысли.

Агата запрыгивает за руль, заводит двигатель, едва не сломав ключ, разворачивается и уезжает.

В аэропорт. Бежать. Сейчас в поместье неразбериха, Синдикату будет не до слезки за аэропортом. Есть шанс улететь отсюда подальше.

Страх ворочается в животе. Вода затекает в горло, заставляя хватать воздух раскрытым ртом. Становится невыносимо противно.

«Нельзя всё время бояться, девочка», — беззвучно говорит Райя.

Глаза Валери в зеркале. Она смотрит с заднего сиденья. Её ладонь очень тёплая.

«Ты такая молодая, солнышко».

Агата ударяет по тормозам. Не давая себе времени передумать, хватает пистолет, выходит из машины и идёт назад. К поместью.

Пистолет неудобный и очень тяжёлый. От него дрожит и немеет кисть. Стиснув зубы, Агата увереннее перехватывает рукоятку.

С каждым шагом рука дрожит всё меньше.

39. Эндшпиль (часть 2)

В уединённом алькове музыка гремит ещё громче, чем в основном помещении. Тимо и Галеви врываются туда одновременно.

Парень, развлекающийся с тремя девочками, смотрит на них сначала с удивлением, а потом с ужасом, увидев направленные на него автоматы.

Бандиты поливают свинцом и его, и проституток. Музыка обрывается, когда пули разносят стереосистему.

— С этим всё, — говорит их Галеви, разглядывая кровавые брызги на своём белом пиджаке. — Других тут не осталось.

— Ещё один остался, — говорит Тимо. — Асаб.

Галеви, подумав, кивает.

— Всё равно он мне никогда не нравился.

Оставив за собой окровавленные тела и летающий в воздухе пух, они выходят и отправляются в обеденный зал.

Наконец-то всё стихло. Девчонки все забились по углам, под столы, за стойки. Я спряталась заранее. Как тут начали стрелять, я думала сбежать отсюда совсем, да только высунуться страшно было. Все палили во всех, разнесли всё напрочь. Теперь те двое, что остались в живых, ушли.

Что делать, что делать? Откуда я знаю, что делать? Я-то всегда плыла по течению. Куда жизнь развернёт, туда и пойду.

Америка. Уехать туда с отцом. Вот чего я хочу.

И ещё хочу, чтобы ни с кем такого не случилось, как с Джен.

Вот у этого, который на полу лежит, пистолет остался. Ему-то он уже без надобности. Блядь, стрелять никогда не стреляла, но всё когда-нибудь бывает в первый раз.

Страшно так, что ноги не идут. Но надо. Надо пустить ему пулю в башку. А потом — Америка. Если повезёт.

Прости, пап. Прости, если что.

Тимо и Галеви останавливаются у дверей обеденного зала и оглядывают своих людей. После бойни в дискозале в их распоряжении осталось всего трое, но все хорошо вооруженные и матёрые.

— Сначала сделаем вид, что верны Асабу, — говорит Тимо.

— Он и не поймёт, как сыграет в ящик, — скалится Галеви.

С пистолетами наготове они входят в обеденный зал.

Здесь всё совсем не так, как было вначале. Стены в дырах от пуль. Окна выбиты, некоторые столы перевернуты — похоже, за ними пытались прятаться. Пол усыпан отбитой штукатуркой, стеклом и осколками посуды.

И здесь повсюду тела. У стен, на полу, везде. Их так много, что может показаться, что тут полегла половина Синдиката.

Асаб сидит у камина, протянув ладони к огню. Рядом с ним трое головорезов с усталыми лицами и потухшими глазами. Услышав вошедших, Асаб поворачивается.

— Добрый вечер, — произносит он.

Он светски доброжелателен, словно хозяин, принимающий гостей. В зале, полном трупов, от этого становится жутко.

— Что здесь случилось, Асаб? — спрашивает Тимо, изображая изумление.

Асаб разводит руками.

— Некоторые люди решили, что имеют право встать во главе нашей организации. Не знаю, с чего это взбрело им в голову. На моё место они явно не годились.

— Подумать только, какие сволочи, — Галеви качает головой, поглядывая на Тимо, на своих людей и на охранников Асаба.

— Больше, чем нелояльность, меня удручает их глупость, — говорит Асаб. — Ведь я вижу людей насквозь. Вижу, какие они на самом деле. А эти оказались настолько тупыми, что думали, будто я не разгляжу их намерений.

Он внимательно смотрит на Тимо и Галеви.

— Вы тоже не очень умные, — говорит он.

Все начинают палить одновременно. Кто-то падает сразу. Галеви бросается за стол, отстреливаясь на ходу. В суматохе непонятно, кто убит, кто жив и кто где — как всегда бывает в уличной перестрелке. Все выпускают друг в друга град пуль, носятся и орут. Потом всё стихает так же внезапно, как началось.

Галеви привстаёт из-за стола и осматривается. Трое охранников Асаба лежат почти там же, где и были. Их с Тимо люди тоже на полу, ни один не двигается. Самого Асаба не видно.

Повернувшись, Галеви успевает увидеть Тимо, укрывшегося за постаментом у входа, и заметить, как у того расширяются глаза — а потом прямо перед ним из ниоткуда вырастает Асаб.

Галеви не успевает ничего сделать. Асаб хватается за горло, одной рукой заваливает его на стол, другой берёт нож и с размаха вонзает его Галеви в пах.

Галеви заходится в крике, хватаясь за промежность. Белые брюки страшно алеют там, внизу. Невыносимо больно. Сползая со стола, он успевает увидеть, как Тимо в ужасе удирает из зала. Асаб провожает его взглядом и поворачивается к Галеви.

— Тебе стоит меня поблагодарить за то, что у тебя больше нет члена. Может, хотя бы теперь ты начнёшь думать головой.

Галеви пытается ползти на четвереньках. Кровь хлещет из рассечённых гениталий. От каждого движения ещё больнее.

Асаб идёт за ним.

— Я только что оказал всему миру услугу. Кретины вроде тебя не должны размножаться. Ползи, таракан.

Галеви ничего не соображает от боли и страха. Он понимает только, что Асаб не даст ему уйти, но вопреки всему ползёт, бессмысленно и мучительно.

— Ты думал занять моё место? — спрашивает Асаб откуда-то сверху. — Представлял себя во главе Синдиката? С твоей-то рожей? Так не пойдёт.

Он хватается Галеви за горло и закидывает на стол. Он сильный, сильнее, чем можно было бы подумать. Придавив Галеви левой рукой к столу, Асаб правой заносит над ним нож.

— Позволь, я приведу твою внешность в соответствие твоей сути.

Он машет ножом, полосуюя Галеви лицо. Крики превращаются в бульканье, когда лезвие рассекает бандиту глотку.

Девчонка с пистолетом идёт впереди меня. Непонятно, откуда она взялась, но её точно

здесь не было раньше. Все девочки тут едва одеты, а на ней шорты, кроссовки и курточка. И она не из охраны Асаба, там одни мужики.

Значит, она пришла сюда по его душу. Надо за ней проследить. Может, подвернётся удобный случай.

На лужайке перед домом теперь тихо. Когда я глядела сюда через окно, тут все носились с автоматами, а теперь одни тела виднеются. Нигде никакого движения. Только девчонка эта шагает прямо под фонарями, не прячась, будто ничего не соображает. Так бывает от страха. Со мной такое бывало.

Я крадусь за ней в тени. Пока что она ни разу не обернулась и меня будто бы не заметила.

Какой-то мужик появляется из-за кустов. Он на ходу шатается, хлопая себя по голове, будто ему в ухо попала вода. Заметив девчонку, глядит на неё дурными глазами, поднимает пистолет, а потом вдруг вздрагивает и падает как подкошенный. Откуда-то доносится хлесткий звук, будто плёткой щёлкнули.

Девчонка вертит головой, тоже пытаюсь понять, откуда прилетела пуля.

Я вдруг чувствую, что я как на ладони. Что кто-то наблюдает за мной.

Грохнув дверью, из той самой гнусной конюшни вываливается человек, тут же падает и ползёт на четвереньках, мотая головой. Далеко уползти не успевает. Щёлк — и он валится лицом вниз.

Я только сейчас понимаю, что почти все тела тут лежат по одной линии — и начинается она от конюшни. Похоже, они выходили, делали несколько шагов, а потом щёлкала винтовка. Их всех забрала та самая смерть, которая сидит где-то тут, в темноте.

Она и за мной сейчас следит. И за девчонкой. Но нас почему-то не трогает.

Девчонка впереди вся трясётся, но идёт. Смотрит она только вперёд.

Тимо выбегает из зала. Крики несутся ему вслед. Асаб оказался страшен. С ним невозможно справиться.

У него внутри сидит сам дьявол и творит его руками дьявольские дела. Отбросив все планы главенства в Синдикате, Тимо думает только о том, как бы убраться отсюда подальше.

С этой мыслью он выскакивает за угол и натывается на девчонку. Та глядит на него огромными испуганными глазами и вскидывает пистолет с глушителем.

«Стой, я хочу просто уйти!» — пытается крикнуть Тимо, но получает три пули в грудь раньше, чем успевает что-то сказать.

Агата узнаёт его сразу же, как входит в зал. Его аристократическое лицо сейчас в каплях крови, руки алые по локоть. Оторвавшись от тела, которое он кромсал на столе, Асаб поворачивается к Агате, заглядывает ей в глаза, и она чувствует себя так, будто в лесу наткнулась на дикого льва.

Она успевает выстрелить дважды и оба раза промахивается. Он быстрый и ловкий. Он уже рядом. В его руке нож.

Асаб бросает её спиной на стол, сдавливает горло и наваливается, не давая пошевелиться.

— Вы все уродливы внутри, — говорит он. — Твоё красивое лицо — обман. Я вижу. Сейчас я сделаю тебя такой, какая ты есть на самом деле.

Он заносит над ней нож. Агата дёргается и хрипит, пытаюсь освободиться.

Гремит выстрел. Асаб вздрагивает, его разворачивает, и он отпускает Агату.

Темнокожая девушка в откровенном наряде неумело держит пистолет, целясь в Асаба и готовясь выстрелить ещё раз. Пригнувшись, Асаб здоровой рукой направляет на неё отнятый у Агаты пистолет.

Они стреляют друг в друга одновременно. Она промахивается, он попадает ей в грудь. Девушка падает как сбитая кегля.

Асаб разворачивается к Агате.

Она вскакивает со стола так, будто её подбросило пружиной. Схватив руку с пистолетом, она проводит приём так же быстро и чётко, как на тренировках — уход с линии атаки, захват, удар ногой в нижние рёбра. Пистолет выпадает из выкрученной руки, но вместо того, чтобы упасть, Асаб выпрямляется и наотмашь бьёт Агату раненой рукой в лицо.

Она закрывается, но он очень силён. Он осыпает её ударами так, будто у него не прострелено плечо, и лупит так сильно, что ей тяжело устоять на ногах, а голова, хоть и закрытая руками, всё равно плывёт. Удары врезаются в тело со всех сторон, и Агата может только защищаться, отступать, пытаясь сориентироваться, а он избивает её как боксёрский мешок.

Внезапно град ударов прекращается. Агата обнаруживает, что стоит у камина, а Асаб в двух шагах от неё. Пистолет в его руке целит ей в грудь.

Сухой щелчок. Потом ещё один, и ещё — боёк молотит пустоту в патроннике.

Агата выхватывает из камина кочергу, одним прыжком оказывается рядом с Асабом и с размаха бьёт его по голове. Стальной прут врезается ему в висок и бросает его на пол.

Не давая ему встать, Агата лупит его кочергой. Она не останавливается даже тогда, когда он уже перестаёт закрываться руками, и наносит удар за ударом, вкладываясь всем телом. Только когда от его лица остаётся сплошное кровавое месиво, Агата бросает кочергу.

Минуту она пытается отдышаться, упершись руками в колени. Перед глазами всё плывёт. Лицо с левой стороны онемело. Тело странно деревенеет.

Голова Асаба напоминает разбившийся арбуз. Из багровой каши страшно торчат осколки черепа. Рядом с месивом валяется целое глазное яблоко.

— Пешка берёт короля, — без выражения произносит Агата.

Нет никакого чувства победы. Агата заставляет себя улыбнуться, как улыбалась на соревнованиях — но не чувствует ничего, кроме усталости. Только что произнесённая фраза сразу кажется глупой.

Она отворачивается и, пошатываясь, идёт к девушке.

Девушка мертва. Замершие глаза смотрят в потолок. Наклонившись, Агата закрывает ей веки и несколько секунд вглядывается в лицо, но не может вспомнить, видела ли её раньше. Агате отчего-то очень хочется узнать, как её звали.

Если бы не она, ничего бы не получилось. Если бы не она, Агаты уже не было бы в живых. Но, так или иначе, дело сделано. Агата истерично усмехается и удивляется звуку собственного голоса.

Надо уходить.

Агата встаёт, и у неё на мгновение кружится голова, а потом она вдруг обнаруживает, что лежит на полу. Она не понимает, почему и как упала. Кажется, будто прошла не секунда, а намного больше — так бывает, если собираешься прилечь на минутку и засыпаешь на час. Не вставая, Агата заторможенно оглядывает себя.

Левая нога в крови. Алая дорожка поднимается к бедру, тянется куда-то выше. Отведя

полу куртки, Агата обнаруживает, что майка вся пропиталась кровью, а прямо посреди огромного влажного пятна узкий сочащийся разрез. Она не помнит, когда Асаб успел ударить её ножом.

Приходится постараться, чтобы встать на ноги. Шатаясь и зажимая рану, Агата выходит из зала наружу.

Перед глазами всё плывёт, голова гудит как при сотрясении мозга. По ноге течёт кровь. Освещённый сад кажется нереально ярким и чётким, будто на видео, в котором кто-то выкрутил контрастность. Картинка перед глазами заваливается, и Агата снова падает.

Трава под щекой очень мягкая. Перевернувшись на спину, Агата лежит, открывая и закрывая глаза. Почти не больно, боль отступает и становится похожей на сон. Перед глазами звёздное небо. На нём всё увереннее проступают отсветы пожара. Уже не важно, почему он начался. Агата понимает, что скоро уснёт, и она совсем не против.

Небо движется. Звёзды проплывают над Агатой, а она лежит, не шевелясь и не чувствуя собственного тела.

Постепенно становится ясно, что самом деле это движется сама Агата — её кто-то куда-то тянет. Наверное, в вечный сон. Наверное, там лучше.

Кто-то загаскивает её на заднее сиденье машины. Хлопает по щекам, мешая уснуть. Агата не видит, кто это. Под покачивание машины она проваливается в темноту.

Белый свет. Фигура в светлых одеждах приближается. Агата вспоминает сон о жутком поместье, полном мертвецов, страшного человека с разбитой головой, и радуется, что это всё лишь приснилось.

— Всё хорошо, — говорит мужчина в белом. — Операция прошла успешно, вашей жизни ничто не угрожает.

Агата только теперь осознаёт, что она в больнице, а над ней стоит врач.

— С вами хочет поговорить один человек, — врач оглядывается через плечо. — Я сказал ему, что вам нужен покой, но он очень настаивает.

Он исчезает. Слышатся шаги, и над Агатой возникает мужское лицо, энергичное и спортивное. На секунду ей кажется, что это Кирк, и к горлу подкатывает от того, что его здесь быть не может.

— Я капитан Стенли Фергюсон, Интерпол, — он демонстрирует удостоверение. — Мне сообщили, что вы были в поместье Габриэля Асаба, когда там случился пожар.

— Кто вам это сказал? — спрашивает Агата, и хриплый от долгого молчания голос звучит как чужой.

— Женщина, пожелавшая остаться неизвестной. Видимо, она и привезла вас сюда. Вы её знаете?

Агата хмурится, тщательно подбирая слова.

— Я не знаю, как её зовут.

— Вы готовы рассказать мне, что произошло?

— Не сейчас. Я очень хочу отдохнуть. Простите.

Фергюсон кивает, с честной досадой поджав губы. Взглянув на Агату, он тут же смягчается.

— Извините. Иногда я слишком многого требую. Отдыхайте.

Выходя, он останавливается в дверях палаты.

— Вас охраняют двое моих сотрудников. Просто чтобы вам было спокойнее.

Поправляйтесь.

Он тихо закрывает за собой дверь. Оставшись в одиночестве, Агата некоторое время думает о незнакомке из церкви, а потом плавно погружается в сон.

О том, что делать дальше, можно подумать и завтра.

40. Прощание в Париже

Утро выдалось солнечное. День, похоже, будет тёплым. В этом году в Париже очень мягкая осень — как раз такая, какую он любит.

Откинувшись в плетёном кресле, уже не Куратор, а главный аналитик Питер Бейли поправляет пальто и оглядывает пустынные поутру улицы. Всё как всегда. Привычное кафе, любимый кофе. Скоро официант принесёт газету. Только Питер теперь перешёл на другую должность.

В первые дни труднее всего было перестать именовать себя Куратором.

Очень жаль, что Ревалийская операция всё же провалилась. Это был бы триумф. Он показал бы всем, чего стоит. А теперь Синдикат распался на отдельные банды, которые сейчас добивает Интерпол вместе с ревалийской полицией, в отсутствие взяток решившей вспомнить про закон. ЦРУ там теперь не с кем работать. И к Агентству Американская разведка стала относиться куда прохладнее, чем раньше.

А Питер Бейли потерял должность, дававшую ему невидимую власть, струящуюся между пальцами.

Питер вдыхает прохладный парижский воздух и делает глоток восхитительного кофе, наслаждаясь контрастом температур. По крайней мере, уж это у него никто не отнимет.

— Ваша газета, — произносит женский голос.

Свёрнутая пополам газета ложится на стол перед Питером со странным стуком. В неё завернуто что-то тяжёлое, металлическое. Девушка садится в кресло напротив.

— Добрый день, Наташа, — говорит Питер, стараясь не выдать удивления. Это требует немалых усилий.

Она изменилась. С событий в Ревалии прошло чуть меньше двух месяцев, но Наташа Николаева будто стала старше лет на пять. Изменилось не лицо — взгляд стал другим. Она теперь мало похожа на девушку, пошедшую служить во благо.

Теперь на Питера смотрят глаза убийцы.

Пешка дошла до последней линии и превратилась в фигуру.

— Значит, вы уже не куратор, — говорит она. — Просто аналитик, да? Агентство не прощает провалов.

Нет смысла спрашивать, откуда она это знает. Сейчас нужно очень осторожно подбирать слова. Газета и то, что в ней, очень сильно повышают ставки.

— У работы аналитика свои плюсы, — говорит Питер. — Больше свободного времени.

— И меньше охраны.

У неё на руках замшевые перчатки. Сейчас для них ещё слишком тепло. Правую ладонь она держит на предмете внутри газеты. Можно уже не строить догадок — там пистолет.

— Должен отметить, ты хорошо осведомлена о том, что происходит в Ревалии. И в Агентстве.

— У Мабуши было много знакомых. И все их контакты попали мне в руки. Оказалось, мне есть, что им предложить. За свои услуги я получаю от них нужную мне информацию.

— И здесь ты тоже... по работе? — спрашивает Питер, бросив взгляд на руку Наташи, лежащую на прикрытом пистолете.

— Нет. Здесь у меня личное дело. — она смотрит ему прямо в глаза. — Я давно хотела сюда приехать.

Питер старается сохранять невозмутимость. Украдкой он поглядывает по сторонам, но официант куда-то пропал, а редкие прохожие не обращают внимания на пару за столиком кафе.

— Я могу восстановить тебя в Агентстве, — говорит Питер. — Ты оказалась очень результативной сотрудницей, и нам...

— Чтобы я опять стала пешкой в ваших играх? Нет, спасибо. Теперь я поступаю так, как сама хочу.

— Никто не заставлял тебя делать всё то, что ты натворила в Ревалии.

— Вы приказали мне, — её голос сухой и ровный. — Вы сделали из меня шлюху, преступницу и наркоманку. И вы предали тех, кто вам доверял.

— Я обязан был так поступить! — с нажимом произносит Питер. — Я действовал в интересах государственной службы. Ты бы знала, что ещё мне приходилось делать. И за всё это я несу ответственность. И не горжусь этим. Думаешь, я спокойно сплю по ночам? Если бы.

Питер ещё в детстве научился лгать так, что ему верили в девяноста девяти случаях из ста. Он всегда мог понять результат по лицам тех, кому лгал. Сейчас он видит, что Наташа ему не верит.

— Вы приказали мне, — повторяет она. — А я тогда выполняла приказы. Но теперь уже нет. В каком-то смысле вы подарили мне свободу воли. Спасибо.

Она встаёт, оставив газету на столе. Питер тихо вздыхает с облегчением.

Она всё же передумала. Она не станет. Наверное, он ей ещё нужен. Или сработала женская сентиментальность — не важно. Главное, что она встала и сейчас уйдёт.

— Я тоже кое-что подарю вам на прощанье, — произносит Наташа. — Освобождение от ответственности.

Её рука быстра как змея. Она жмёт на спусковой крючок, и вложенный в газету пистолет посылает пулю в сердце Питера Бейли, бывшего Куратора. Перегнувшись через стол, Наташа впивается губами ему в губы, заглушая предсмертный хрип. Свободной рукой она обнимает его за шею, гася слабые конвульсии.

Когда он затихает, Наташа проводит ему по груди, аккуратно прикрыв окровавленную рубашку бортом пальто. Уходя, она оглядывается. Мужчина сидит за столиком, склонив голову. Он похож на глубоко опечаленного человека, глядящего перед собой невидящим взором.

Никто ничего не заметил. Для окружающих всё выглядело как расставание двух влюблённых с долгим и грустным прошлым. Ускоряя шаг, Наташа уходит всё дальше и пропадает на осенних улицах, растворившись в прозрачном утреннем воздухе.

Больше книг на сайте - Knigoed.net